

**Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»**

На правах рукописи

Максименко Петр Николаевич

**РОЗНИЧНЫЕ РЫНКИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ:
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент,
Символоков Олег Анатольевич

Москва

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ И ДОГОВОРОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ЕЕ ОБОРОТ НА РОЗНИЧНЫХ РЫНКАХ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ	16
§ 1.1. Гражданско-правовая природа электрической энергии	16
§ 1.2. Правовая сущность договора энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности))	40
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РОЗНИЧНЫХ РЫНКАХ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ	48
§ 2.1. Понятие и структура розничных рынков электрической энергии	48
§ 2.2. Законодательные модели правового регулирования энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии	72
§ 2.3. Публично-правовые и частно-правовые особенности договора энергоснабжения.....	89
ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗНИЧНЫХ РЫНКОВ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ.....	142
§ 3.1. Правовое регулирование перекрестного субсидирования и платежной дисциплины.....	142
§ 3.2. Перспективы развития гражданско-правового регулирования энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	165
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. По мере развития и совершенствования общественных отношений в сфере гражданского оборота электрической энергии на розничных рынках, включая область предоставления коммунальной услуги по электроснабжению, все более значимо формирование завершенных правовых основ оборота электрической энергии и разрешение накопившихся в регуляторной конъюнктуре проблем, связанных с гражданско-правовыми условиями купли-продажи электрической энергии.

Важность разрешения поставленных задач правового регулирования обусловлена, главным образом, следующим.

Во-первых, оборот электрической энергии на розничных рынках носит системообразующий характер для функционирования экономической и социальной сфер жизнедеятельности общества.

Это значит, что законодательство должно обеспечивать экономическую эффективность отношений по купле-продаже электроэнергии:

для потребителя, позволяя ему удовлетворять свои потребности как на базе справедливых и обоснованных ценовых условий, так и с учетом режима и условий энергоснабжения, оптимальных для его вида деятельности и целей потребления;

для поставщика, предоставляя ему возможность получения экономически обоснованной выручки, что необходимо для развития конкурентных и инфраструктурных преимуществ перед другими поставщиками.

Во-вторых, для обеспечения баланса взаимных интересов поставщиков и потребителей электроэнергии требуется последовательная модернизация регуляторной среды, призванная развивать рыночные отношения в исследуемой сфере деятельности, совершенствовать договорные условия энергоснабжения, в особенности, связанные с развитием механизмов ценообразования и расширением свободы договора.

Основополагающее значение указанных направлений развития розничных рынков электрической энергии подтверждается документами стратегического планирования¹.

Синергия окончательного перехода к рыночным условиям розничной торговли электроэнергией, заложенным в реформе электроэнергетики², и воплощение экономических, технических и технологических тенденций в энергоснабжении обеспечит, как представляется, качественный скачок в совершенствовании отрасли.

В этом случае станет возможной реализация электрической энергии на справедливых экономических условиях с одновременным расширением гражданско-, а не публично-правовых способов поддержания спроса и совершенствования правил торговли.

В-третьих, сложившаяся система правового регулирования, унифицирующая требования к договорным условиям энергоснабжения, не позволяет в полной мере учитывать экономические и технологические особенности продажи электрической энергии на отдельных товарных рынках.

Особенности географического расположения, степень экономического и (или) инфраструктурного развития субъектов Российской Федерации нередко требует (полностью или частично) индивидуального подхода к правовому регулированию условий торговли энергией. Иными словами, наряду с общими законодательными требованиями к энергоснабжению возможна и соответствующая региональная специфика правового регулирования.

В-четвертых, в розничном сегменте электроэнергетики исторически накопился перечень проблем, подходы к полноценному разрешению которых ни законодателем, ни правоприменительной практикой не найдены.

В частности, в указанный перечень входят рост перекрестного субсидирования, недостаточно высокий уровень платежной дисциплины и

¹ См.: Доктрина энергетической безопасности; Энергетическая стратегия.

² См.: Постановление Правительства РФ от 11.07.2001 № 526 «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3032.

избыточная публично-правовая интервенция в договорные отношения по энергоснабжению. К ним добавляются и новые, в том числе: административные барьеры в развитии и применении цифровых технологий, сложность в имплементации новых правоотношений в устоявшуюся регуляторную среду (управление спросом, микрогенерация и др.).

Без разрешения поименованных отраслевых проблем полноценное развитие отрасли не представляется возможным.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на большое количество научных исследований собственно договора энергоснабжения, в правовой науке практически отсутствуют исследования, посвященные взаимосвязи публично- и частноправовых начал договорных отношений в розничных сегментах электроэнергетики, а также поиску оптимальных для участников правоотношений подходов к правовому регулированию договорных отношений по энергоснабжению.

В частности, анализировались труды по общим гражданско-правовым проблемам В. А. Белова, М. И. Брагинского, В. В. Витрянского, А. В. Габова, Г. А. Гаджиева, Б. М. Гонгалло, А. Г. Карапетова, Н. И. Клейн, С. М. Корнеева, К. П. Победоносцева, И. А. Покровского, О. Н. Садикова, С. А. Сеницына, Е. А. Суханова, Г. Ф. Шершеневича, В. Ф. Яковлева и других ученых.

Рассмотрены исследования специалистов в области предпринимательского, конкурентного и энергетического права, в том числе А. Н. Варламовой, Е. П. Губина, О. А. Городова, М. А. Егоровой, С. С. Занковского, П. Г. Лахно, А. Г. Лисицына-Светланова, В. Ф. Попондопуло, В. В. Романовой, Р. Н. Салиевой, С. А. Свиркова, С. С. Селиверстова, Б. М. Сейнароева, О. А. Символокова, А. М. Шафира, Л. И. Шевченко и других, связанные с проблемами правового регулирования оборота электрической энергии на розничных рынках.

Исследованы работы зарубежных ученых, посвященные розничным рынкам электроэнергии, ценообразованию на них, проблемам договорных отношений по энергоснабжению, в частности: Säcker Franz Jürgen, Jeffery D. Schwartz, William Boyd, H. Blass, A. Pflughart, Steven Ferrey, John L. Rudy.

Изучены диссертационные исследования Б. В. Бальжирова, С. О. Краснопольского, Е. Л. Осипчук, С. О. Рецлова, И. Г. Цибировой, А. М. Шафира по проблемам правового регулирования розничных рынков электрической энергии, заключаемых на них договоров и правового положения субъектов розничных рынков.

Цель диссертационного исследования. На основе обще- и частно-научной (юридической) методологии исследования выявляются проблемы и противоречия правового регулирования гражданского оборота электрической энергии на розничных рынках, которые препятствуют устойчивому развитию отрасли, связанному с необходимостью совершенствовать конкуренцию, формировать рыночные отношения и способствовать росту эффективности энергоснабжения, разрешению исторически сложившихся и вновь возникающих проблем товарооборота, а также формулируются предложения, призванные создать транспарентные, справедливые, сбалансированные и экономически взаимовыгодные условия по купле-продаже электроэнергии.

Для достижения указанной цели диссертационного исследования выполнены определенные взаимосвязанные **задачи**, которые заключаются в следующем:

1) выявить, на основе анализа гражданско- и публично-правовых норм, регулирующих оборот электрической энергии на розничных рынках, политико-правовые причины, послужившие основой для создания действующей системы правового регулирования договоров энергоснабжения³, соотнести их с нормативно-определенными принципами построения правоотношений в электроэнергетике, в том числе по итогам реформирования отрасли, и с задачами по ее стратегическому развитию, а также доказать необходимость развития в законодательстве гражданско-правовых начал при торговле электрической энергией;

³ Здесь и далее «договор энергоснабжения» используется как собирательное понятие для всех реализационных договоров (купля-продажа, поставка, ресурсоснабжение и др.), обеспечивающих продажу (сбыт, распределение, оборот) электрической энергии. Вопросы оказания услуг по передаче электрической энергии, будучи инфраструктурной и сопутствующей услугой, не обеспечивающей непосредственно продажу энергии, не входят в предмет настоящего диссертационного исследования, однако могут рассматриваться в контексте.

2) по результатам изучения правовой природы электроэнергии во взаимосвязи с экономической и ранее неизвестной технологической спецификой торговли электрической энергией обосновать ее вещно-правовую природу и доказать необходимость квалификации договора энергоснабжения как разновидности договора купли-продажи вне зависимости от снабжаемой категории потребителей;

3) подтвердить невозможность осуществления экономически эффективной, конкурентной и рыночной деятельности по энергоснабжению в условиях ограниченного применения норм гражданского законодательства к договорным отношениям по энергоснабжению;

4) определить основные проблемы правового регулирования договора энергоснабжения и их взаимосвязь со структурными проблемами электроэнергетики;

5) с учетом релевантного зарубежного опыта выработать предложения по совершенствованию правового регулирования оборота электрической энергии на розничных рынках;

6) выявить наиболее значимые проблемы функционирования розничных рынков электрической энергии и перспективные направления развития гражданско-правовых отношений на этих рынках.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с отдельными гражданско-правовыми аспектами оборота электроэнергии на розничных рынках и функционирования указанных рынков.

Предметом диссертационного исследования выступают законодательные нормы Российской Федерации, устанавливающие правовое регулирование договора энергоснабжения и функционирования розничных рынков электрической энергии, а также зарубежное законодательство в данной сфере.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют положения и выводы ученых-правоведов, сформулированные в диссертационных исследованиях, монографиях и научных статьях, посвященных проблемам правового регулирования договоров энергоснабжения, функционирования

розничных рынков электрической энергии и смежных с ними договорными отношениями между участниками рынка.

Эмпирическая база исследования состоит из материалов правоприменительной практики ВС РФ, ВАС РФ, нижестоящих судов общей юрисдикции и арбитражных судов, Федеральной антимонопольной службы и ее территориальных органов, а также из экономических и иных отраслевых исследований.

Методологией диссертационного исследования выступают как общенаучные методы (анализа, синтеза, сравнения и аналогий, диалектический, синтаксический), так и частно-научные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что на основе анализа научной литературы, действующих нормативных правовых актов, актов антимонопольных органов и судов, а также изучения особенностей и современного состояния условий товарооборота в электроэнергетике автор предлагает научно обоснованные подходы к модернизации правового регулирования отношений по энергоснабжению, основанные на приоритете рыночных и конкурентных связей, при одновременном сохранении возможности точечного государственного регулирования розничной торговли электроэнергией в наиболее социально и экономически уязвимых случаях.

Предложено новое научно-практическое обоснование вещно-правовой природы электрической энергии и расширена аргументация признания договора энергоснабжения разновидностью договора купли-продажи. Разъяснена идентичность правовой природы реализации электрической энергии на розничных рынках и в жилищных правоотношениях, а поэтому необходимость унификации их правового регулирования.

Разработан доктринально обоснованный комплекс средств и способов правового разрешения основных проблем электроэнергетической отрасли, препятствующих устойчивому развитию отношений в указанной сфере.

Научная новизна диссертационного исследования раскрывается в следующих основных положениях, выносимых на защиту.

1. Несмотря на закрепление в Законе об электроэнергетике принципов свободы экономической деятельности, соблюдения баланса экономических интересов и использования рыночных отношений и конкуренции, гражданско-правовые свободы при торговле электрической энергией на розничных рынках фактически отсутствуют, как отсутствуют и правовые нормы для их реализации. Это усложняет устранение внутренних вызовов и угроз энергетической безопасности, к которым согласно пунктам 15 – 17 Доктрины энергетической безопасности относятся, в частности снижение эффективности экономической деятельности и нерациональное потребление электрической энергии. Как следствие, также усугубляются другие системные проблемы и создаются препятствия поступательному развитию отрасли.

Для обеспечения приоритета гражданско-правовых начал (свобода договора, равенство сторон, рыночность и конкурентность отношений и проч.) при купле-продаже электроэнергии система правового регулирования договорных отношений по энергоснабжению должна быть усовершенствована. Публично-правовое регулирование договорных отношений по энергоснабжению следует допускать в исключительных случаях, обусловленных экономическими, социальными и технологическими особенностями купли-продажи электроэнергии определенным категориям потребителей или на определенных товарных рынках.

К таким особенностям относятся: необходимость государственной поддержки малоимущих и социально незащищенных категорий граждан; невозможность реализации электроэнергии по экономически справедливой и обоснованной цене по причине отсутствия полноценной инфраструктуры энергоснабжения на территории конкретного товарного рынка; и прочие.

2. Договор энергоснабжения содержит в настоящее время типовые условия, незначительно отличающиеся в зависимости от категории потребителей и, как правило, определяемые в рамках государственного регулирования, а также является фактически единственным договором, обеспечивающим куплю-продажу

электроэнергии на розничных рынках, что исключает конкуренцию между поставщиками из-за невозможности применить ее основной инструмент – предложить условия энергоснабжения, экономически наиболее выгодные для обеих сторон, в том числе оптимально отвечающие потребностям абонента.

Решить обозначенную проблему позволит расширение системы договоров, обеспечивающих энергоснабжение на розничных рынках электрической энергии. Основу оборота электроэнергии должны обеспечивать договоры, заключаемые и исполняемые на гражданско-правовых началах, в том числе, исходя из принципа свободы усмотрения сторон при определении их условий (в частности, цена договора, режим потребления, характеристики электроэнергии). Одновременно потребителям следует предоставить возможность заключения публичного договора энергоснабжения с унифицированными ценовыми и иными условиями. Данный договор гарантирует доступность надежного и качественного энергоснабжения и обеспечивает базовые потребности в электроэнергии.

В случаях, когда применение конкурентных и рыночных условий энергоснабжения в отношении отдельных категорий потребителей или на отдельных розничных рынках электрической энергии создает неоправданные риски для доступного, надежного и качественного энергоснабжения, допустимо государственное регулирование оборота электрической энергии.

Основным из таких рисков можно назвать несопоставимость среднего уровня доходов граждан на территории соответствующего розничного рынка с высокой рыночной стоимостью электрической энергии, обусловленной неразвитой инфраструктурой, сложными климатическими условиями и иными объективными факторами, повышающими затраты на производство и реализацию энергии.

3. Правовая природа отношений по энергоснабжению всех категорий потребителей полностью идентична. Поэтому совокупность норм жилищного законодательства, регулирующих отношения по электроснабжению в качестве одной из коммунальных услуг по предоставлению энергоресурсов, дублирует положения законодательства об электроэнергетике. Стремление законодателя унифицировать в Жилищном кодексе РФ правовой режим снабжения потребителей

всеми видами энергетических ресурсов привело к невозможности принятия полноценных и комплексных правовых норм, учитывающих экономические и технологические особенности купли-продажи электрической энергии. Как следствие, возникают правовые пробелы и противоречия между законодательством об электроэнергетике и жилищным законодательством (например, различная квалификация договора энергоснабжения: в законодательстве об электроэнергетике – купля-продажа, а в жилищном – возмездное оказание услуг; и т.д.), исполнение которых, в том числе по аналогии права или закона, затруднительно, и в правоприменительной практике воспринимается негативно.

В этой связи отстаивается необходимость унификации правового регулирования энергоснабжения всех категорий потребителей в законодательстве об электроэнергетике, с одновременным исключением соответствующих норм из жилищного законодательства. При этом в законодательстве об электроэнергетике предлагается создать собственную систему мер, обеспечивающих повышенные гарантии правовой защиты потребителей, относящихся к категории «население» как наиболее слабой стороны договора энергоснабжения по сравнению с потребителями иных категорий.

4. Ни доктрина, ни законодательство не пришли к единому выводу о правовой природе электрической энергии, что создает правовую неопределенность при разрешении отдельных вопросов, в частности, о пределах используемых средств гражданско-правовой защиты.

Развитие науки и техники способствует постепенному приобретению электрической энергией полноценных вещно-правовых характеристик (осязаемость, возможность измерения, накопления и проч.).

Совершенствование технологий, обеспечивающих возможность самостоятельного производства электрической энергии потребителем и ее реверсивной передачи, приведет к допустимости применения таких спорных на данный момент средств гражданско-правовой защиты электрической энергии, как виндикация, пуск и в адаптированном к данному энергоресурсу варианте (либо

истребование той же энергии, если она была накоплена, либо возврат того же объема с соответствующими характеристиками качества).

Признание вещно-правовой природы электрической энергии позволит ее собственнику использовать полноценный перечень средств гражданско-правовой защиты своих прав, что укрепит надежность и стабильность гражданского оборота энергии. Будут исключены и любые законодательные или доктринальные противоречия относительно правовой природы договора энергоснабжения, который должен квалифицироваться как разновидность договора купли-продажи (а не возмездного оказания услуг, как при электроснабжении потребителей, относящихся к категории «население» или иной разновидности договоров).

5. Обосновывается необходимость расширить, путем внесения определенных корректив в действующее законодательство, гражданско-правовые средства решения отраслевой проблемы низкой платежной дисциплины, включенной в число основных факторов риска в электроэнергетике согласно подразделу «Электроэнергетика» раздела 1 главы III Энергетической стратегии.

В контексте расширения свободы договора предлагается предоставить поставщикам электроэнергии право индивидуализировать условия продажи электрической энергии, стимулирующие своевременную и полную оплату товара (предоставление скидок на оплату, переход на авансовую систему расчетов с понижением покупной стоимости, упрощение процедуры приостановления исполнения обязательств по договору при наличии задолженности и проч.).

Поставщики должны получить право предъявлять к недобросовестным потребителям дополнительные требования, выполнение которых обязательно при вступлении в новые договорные отношения по энергоснабжению (погашение задолженности по оплате электрической энергии по действующему договору при обращении за заключением нового и др.).

6. Предлагается решить проблему систематического роста объема перекрестного субсидирования путем его замены на механизм совместного финансирования устойчивого развития электроэнергетики, включая розничные рынки.

Совместное финансирование обеспечивается за счет установления нерыночной надбавки к стоимости электрической энергии для всех категорий потребителей (исключение могут составить социально незащищенные категории граждан) и должно распределяться между несколькими направлениями финансирования в зависимости от их значимости для поступательного совершенствования отрасли и ее субъектов (основная доля поэтапно погашает накопленный объем перекрестного субсидирования, остальной размер используется на решение иных стратегических задач).

По мере снижения объема перекрестного субсидирования высвобождаемые денежные средства будут направляться на финансирование наиболее важных направлений развития отрасли. Полное погашение объема перекрестного субсидирования и достижение высокого уровня технологической и экономической самодостаточности отрасли послужит основой для прекращения действия подобных нерыночных инструментов в ценообразовании.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что сформулированные по его результатам положения и выводы имеют не только научное, теоретическое значение, но и являются научно-обоснованными предложениями по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики в целях разрешения наиболее насущных проблем и разногласий на розничных рынках электрической энергии, включая сферу предоставления коммунальной услуги по электроснабжению.

Сделанные выводы и предложения во многом актуальны и для иных правоотношений по обороту энергетических ресурсов, в том числе с учетом положений Гражданского кодекса РФ о возможности применения правовых норм, регулирующих договор энергоснабжения, к иным видам ресурсов.

Сведения об апробации результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также представлены на научных конференциях.

Выводы и положения диссертационного исследования были представлены на различных научно-практических мероприятиях, в том числе:

1. Круглый стол «Роль Конституционного Суда Российской Федерации в модернизации гражданского законодательства и процесса», XV Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Конституция и модернизация законодательства» (г. Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.).

2. Круглый стол «Проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности», XV Ежегодные научные чтения, посвященные памяти профессора С. Н. Братуся «Модернизация гражданского законодательства» (21, 22, 24 октября 2020 г.).

3. Круглый стол «Конституционные ценности в сфере гражданского и гражданского процессуального права: сравнительно-правовой аспект», X Международный конгресс сравнительного правоведения «Конституционные изменения в России и современном мире: диалектика универсального и национального» (4–5 декабря 2020 г.).

4. X Московская юридическая неделя. Заседание Комиссии по энергетическому праву Московского отделения Ассоциации юристов России «Конституционные основы энергетической деятельности. Энергетический переход и его влияние на экономику и право» (3 декабря 2020 г.).

5. Круглый стол «Права человека как высшая ценность: пределы индивидуальной свободы в частном праве» (круглый стол памяти Екатерины Абрамовны Флейшиц), XVI Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Человек в праве: современная доктрина и практика» (4–5 июня 2021 г.).

6. Круглый стол «Правовая парадигма энергетики в контексте устойчивого экономического роста», XVI Ежегодные научные чтения памяти профессора С. Н. Братуся «Устойчивый экономический рост и право» (27 октября 2021 г.).

7. Мусинские чтения – 2022. Актуальные задачи энергетического права. Международная научно-практическая конференция «Московский юридический форум» (г. Москва, 14 апреля 2022 г.). М., 2022.

8. Круглый стол «Цифровая экономика и частное право», XVII Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Право и технологии будущего» (20 мая 2022 г.).

Основное содержание и структура диссертационного исследования обусловлена кругом обозначенных проблем, целью и задачами исследования.

Структура диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ И ДОГОВОРОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ЕЕ ОБОРОТ НА РОЗНИЧНЫХ РЫНКАХ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

§ 1.1. Гражданско-правовая природа электрической энергии

Первоочередным аспектом для исследования любого товарного рынка и заключаемых на нем договоров выступает понимание сущности оборачиваемого товара.

Вопрос о правовой природе электрической энергии давно исследуется в юридической и экономической науках, но до сих пор остается разрешенным не в полной мере.

Электроэнергия, обладая совершенно уникальными, с правовой точки зрения, физическими, технологическими и экономическими характеристиками, относится к той категории объектов, восприятие которых обуславливается состоянием развития общества в конкретный промежуток времени.

Воззрения на правовую природу электроэнергии. По сложившейся традиции гражданско-правовой режим имущества (в частности, вещей) применяется к электрической энергии, как и к иным видам энергетических ресурсов⁴.

Электроэнергию нередко рассматривают как бестелесную вещь⁵, квазивещь⁶, зачастую с оговоркой, что хоть она и не является вещью, на нее распространяется

⁴ См.: Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 342.

⁵ См.: Аюшеева И. З., Богданова И. С., Болтанова Е. С. и др. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / отв. ред. В. В. Долинская. М.: Проспект, 2018 (§ 3 гл. 11), СПС «КонсультантПлюс»; Жанэ А. Д. Энергия – Вещь?! // Интернет-проект «Правовые аспекты энергоснабжения». С. 2. URL: https://zhane.ru/images/stories/_ld/0/21____.pdf.

⁶ См.: Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021 (§ 1.4 гл. 1), СПС «КонсультантПлюс».

вещно-правовой режим⁷, или как правовую фикцию вещи⁸. В обоснование подобной позиции приводится аргумент, что по сути электроэнергия относится к вещам методом исключения, поскольку существует в естественной природе и не может расцениваться в качестве, например, услуги, однако в силу нематериальности ее нельзя считать классической вещью в частном праве. Подобные воззрения существуют и в зарубежной цивилистике⁹ (также с оговоркой, что «бестелесные вещи» традиционно понимаются как объект обязательства, но не всегда подпадают под вещно-правовой режим¹⁰).

В противовес упомянутым мнениям указывается, что в действительности никаких «бестелесных вещей» не существует, а речь идет об имущественных правах¹¹; следовательно, применительно к электроэнергии дискуссия должна вестись только в плоскости ее имущественного, а не вещественного характера.

Классическое в теории гражданского права мнение о том, что любое явление, существующее вне зависимости от человека, в естественной природной среде относится к натуральным вещам, вещественному имуществу¹², отчасти подтверждает допустимость рассмотрения электроэнергии в качестве вещи (хоть материальной, хоть неовеществленной).

Современная цивилистика, двигаясь в противоположном направлении, указывает на непродуктивность «тенденции отказа от признака материальности вещей и распространения гражданского-правового режима вещей на бестелесные имущественные блага», и аргументирует это долженствованием права

⁷ См.: Абрамова Е. Н. Энергетический ресурс: понятие, виды, система // Право и экономика. 2020. № 7. С. 26–33.

⁸ См.: Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81–91, СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Crome. System des deutschen burgerl. Rechts. I. С. 273 (цит. по: Гримм Д. Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1, СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ См.: Саватье Р. Теория обязательств. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1972. С. 86, 87 (цит. по: Шевченко Л. И. Договорные отношения в сфере энергетики: монография. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 61).

¹¹ См.: Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 72–74.

¹² См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. С. 48 // СПС «КонсультантПлюс».

воздействовать на объективно существующие вещи, составляющие часть материального мира¹³.

Как продолжение упомянутого утверждения существуют и более жесткие позиции: электроэнергия является «движимой, простой, делимой, потребляемой вещью, определяемой родовыми признаками»¹⁴. Схожее мнение высказывают и другие авторы, отмечая сомнительность дискуссии о вещественном понимании энергии в силу того, что договор энергоснабжения относится к разновидности купли-продажи, правда с оговоркой, что применительно к электроэнергии вопрос необходимо ставить более широко (о возможности отнесения энергии к объектам гражданских прав)¹⁵.

В качестве возражения подобным позициям отмечается, что «и энергия, и информация являются атрибутами материи и категориями, однопорядковыми с последней»¹⁶.

Однако некоторые исследователи апеллируют к нормативному подходу, обращая внимание, что электроэнергия может рассматриваться в качестве вещи, поскольку нормы ГК РФ о движимых вещах применяются и к электроэнергии в режиме аналогии закона¹⁷.

В цивилистике устоялось восприятие электроэнергии как «иного имущества» или «иного материального блага»¹⁸ ввиду отсутствия очевидных вещно-правовых

¹³ См.: Байбак В. В., Егоров Н. Д., Елисеев И. В. и др. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. / под ред. Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2013. С. 252 (§ 2 гл. 9, автор параграфа – В. В. Байбак).

¹⁴ Гражданское право: учебник: в 3 т. / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2004. Т. 2. С. 92 (автор параграфа –И. В. Елисеев) (цит. по: Белова Е. Б. Энергия как самостоятельный объект прав // Юрист. 2019. № 6. С. 37–43, СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁵ См.: Байбак В. В., Валявина Е. Ю., Дроздов И. А. и др. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2. 5-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Ю. К. Толстой, Н. Ю. Рассказова. М.: Проспект, 2014. С. 91, 92 (§ 7 гл. 30, автор параграфа – О. А. Рыбалов).

¹⁶ Коммерческое (предпринимательское) право: учебник: в 2 т. / под ред. В. Ф. Попондопуло. 5 изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 226 (§ 2 гл. 7 разд. II, автор параграфа – О. А. Городов).

¹⁷ См.: Матияшук С. В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2008. № 12, СПС «КонсультантПлюс»; Зайченко Н. Значение предмета договора энергоснабжения для правового регулирования обязательств в электроэнергетике // Юрист. 2008. № 4, СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., например: Белов В. А. Гражданское право: учебник для академического бакалавриата и магистратуры: в 4 т. Т. II. Общая часть: в 2 кн. Кн. 1. Лица, блага. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 365–367.

характеристик, не позволяющих относить энергию к вещам. Подобный подход, среди прочего, обосновывает наличие имущественных правоотношений, складывающихся по поводу оборота энергии, но ограниченных в части их вещности (например, невозможность виндикации)¹⁹.

В развитие изложенной мысли предлагается рассматривать электроэнергию не просто в «безликом списке» имущества, а выделить ее в самостоятельный вид, отображающий экономико-технологические особенности, связанные с одномоментностью производства, передачи, распределения и потребления энергии, как «имущество – процесс»²⁰.

Отдельное место в научной дискуссии занимает точка зрения, согласно которой электроэнергия рассматривается в качестве особого объекта гражданских прав. Она базируется на трех основных постулатах:

– правовые нормы, регулирующие отношения по энергоснабжению, направлены на обеспечение доступа к энергетической сети, а не на передачу товара;

– электроэнергия не вполне отвечает вещным характеристикам, определенным в ст. 128 ГК РФ, а Закон об электроэнергетике рассматривает ее как особый товар;

– физический и юридический оборот энергии фактически отсутствует и поэтому она не подпадает под действие права собственности (т.е. не имеет основополагающей вещной характеристики), а охватывается сферой самостоятельного права потребления²¹.

В развитие такого мнения отмечается, что в силу постоянного движения энергия просто не успевает стать вещью²², поскольку проявляет «свою юридическую привязку (правопригодность) через принадлежность определенным

¹⁹ См.: Лысенко А. Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010 (§ 2 гл. 2), СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. С. 61.

²¹ См.: Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П. Г. Лахно, Ф. Ю. Зеккера. М.: Юрист, 2011. С. 44–46 (§ 1 ч. 1 гл. 1, авторы – В. Ф. Яковлев, П. Г. Лахно).

²² См.: Лахно П. Г. Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие. М., 2014. С. 121.

субъектам источников и средств получения и передачи (носителей) соответствующей энергии»²³.

Встречаются и дуалистические мнения, позиционирующие электроэнергию одновременно и в качестве иного имущества в понимании ст. 128 ГК РФ, и в качестве «особого товара, специфические свойства которого ограничивают возможности его использования в гражданском обороте»²⁴. С этой позиции отмечается необходимость комплексного подхода к рассмотрению такого явления гражданского оборота, как электроэнергия, учитывая его физические, экономические, технические и правовые характеристики²⁵.

Особый интерес заслуживает воззрение авторов, исключающих самостоятельность электроэнергии как объекта права ввиду невозможности самостоятельного оборота данного ресурса в отрыве от всех технологических цепочек²⁶. В продолжение появилась точка зрения о необходимости рассмотрения электроэнергии как результата работ по договору подряда, к которому, при подобном подходе, относится договор энергоснабжения²⁷.

Современная научная мысль исходит из того, что энергия, в том числе электрическая, лишена самостоятельной оборотоспособности, но обладает экономической ценностью, в связи с чем участники договорного правоотношения приобретают взаимные имущественные права²⁸. Следовательно, в гражданском обороте находится не указанный ресурс, а права требования на энергию²⁹.

Пункт 45 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза говорит о том, что к товарам относится любое движимое имущество, в том числе

²³ Белова Е. Б. Указ. соч. С. 37–43.

²⁴ Лукьянцева И. А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2008. № 3, СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: Тебенькова С. А. Электрическая энергия как объект гражданских прав // Юрист. 2015. № 3. С. 21–25.

²⁶ См.: Grimm Д. Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1, СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ См.: Агарков М. М. Подряд (текст и комментарий к ст. 220–235 Гражданского кодекса). М., 1924. С. 13, 14.

²⁸ См.: Шведкова О. В. Энергия как объект договорных отношений: к вопросу о понятии и правовой природе // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 52–57.

²⁹ См.: Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. М.: Инфотопик Медиа, 2019. С. 80, 81.

валюта государств-членов, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, электроэнергия, а также иные перемещаемые вещи, приравненные к недвижимому имуществу.

Буквальное толкование данной нормы позволяет сделать однозначный вывод о разграничении двух категорий товаров, на которые распространяется ее действие: движимое имущество и иные перемещаемые вещи.

Телеологический подход позволяет взглянуть на ее содержание иным образом – данная норма понимает под товаром любые перемещаемые вещи, разделяемые на две категории: движимые вещи и недвижимые вещи, обладающие свойством мобильности, т.е. такие, которые физически и фактически относятся к движимым, но в интересах публичного порядка признаны недвижимыми (например, различные суда и другие объекты³⁰). Стоит отметить критику подхода по наделению таких «особых объектов» статусом недвижимых в научной литературе³¹, что в контексте настоящего исследования позволяет допустить рассмотрение анализируемого положения как воспринимающего движимые вещи в качестве товаров, к которым причисляется и электроэнергия.

Подобный взгляд на содержание упомянутой нормы позволяет предположить, что российский законодатель, будучи участником регуляторной среды Евразийского экономического союза, пусть и не напрямую, допускает рассмотрение электроэнергии именно в качестве вещи.

Статья 713 Гражданского кодекса Швейцарии в категорию движимых вещей включает природные силы, гражданский оборот которых может подчиняться правовым нормам³², тем самым относя к ним и такое природное явление, как электрическая энергия.

Указанный подход разделяется и швейцарскими учеными; они обращают внимание на вещьность электроэнергии в силу возможности человека

³⁰ См.: Пункт 1 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016), утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2016.

³¹ См., например: Сеницын С. А. Суды как объекты недвижимости: особенности и просчеты российского законодательства // Гражданское право. 2021. № 5. С. 8, 9.

³² URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/de (дата обращения: 10.04.2022).

воздействовать на нее³³ и признают электроэнергию одновременно объектом права, товаром и вещью если не в физическом понимании, то по своей сути³⁴.

Гражданский кодекс Франции под движимым имуществом понимает любое имущество, движимое в силу своей природы или законодательного требования³⁵. Подобный подход позволяет утверждать, что французское право исходит из понимания электроэнергии как вещи, которая движима и в силу своих природных характеристик, и по нормам права, предполагающим ее передачу (передвижение) через электрические сети.

Однако цивилисты занимают более осторожную позицию и говорят о том, что право собственности должно возникать только на вещь – материальный объект, а электроэнергия является экономическим благом³⁶.

Иной подход содержится в § 90 Германского гражданского уложения, согласно которому вещами в смысле закона являются только телесные предметы; тем самым электроэнергия (и, следовательно, ряд иных энергетических ресурсов) не подпадает под действие вещно-правового режима, что поддерживается в немецкой доктрине³⁷.

Резюмируя, можно выделить следующие основные нормативные и доктринальные подходы к пониманию электроэнергии:

- вещно-правовой: электроэнергия – вещь;
- обязательственный: электроэнергия – «бестелесная» вещь, обязательство;
- имущественный, относящий данный ресурс к «иному имуществу»;
- электроэнергия – особый объект гражданских прав;

³³ См.: Blass H. Das Rechtsgut der Elektrizität im Civil- und Strafrecht: Inaugural-Dissertation. Friedrich Schulthess, 1898 (цит. по: Корепанов К. В. Юридическая природа права на электроэнергию // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 50).

³⁴ См.: Pflughart A. Die Elektrizität als Rechtsobject. J.H.E. Heitz, 1901. S. 90. URL: https://archive.org/stream/dieelektrizitta00pflgoog/dieelektrizitta00pflgoog_djvu.txt (дата обращения: 10.04.2022).

³⁵ См. ст. 527 и 535 Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ См.: Морандьер Ж. Л. Гражданское право Франции. М., 1960. С. 54, 63.

³⁷ См.: Korenke Th. Bürgerliches Recht: Eine systematische Darstellung der Grundlagen mit Fällen und Fragen. Oldenbourg, 2006. S. 79. (цит. по: Корепанов К. В. Указ. соч. С. 53).

– энергия не является объектом торгового оборота, на нее лишь возникают имущественные права.

Обоснование вещиности электроэнергии. Стоит признать, что на данном этапе развития науки и технологий этот вопрос не может иметь однозначного разрешения.

Критика вещно-правового подхода сводится к следующим базовым и взаимосвязанным тезисам:

– признать энергию вещью невозможно, поскольку последствием такого признания будет установление на энергию вещного права, однако «...механизм собственности не рассчитан на то, чтобы описывать принадлежность благ, не имеющих материальной внешней оболочки. Даже каким-либо образом индивидуализированная энергия – например, находящаяся в аккумуляторе, батарее и т.п. – не может быть объектом вещного права; им будет тот материальный носитель, в котором заключена энергия»³⁸;

– электрическая энергия не обладает самостоятельными, материальными, т.е. осязаемыми, границами³⁹;

– электроэнергия имеет ряд специфических свойств, отличающих ее от вещей, в частности: невозможность визуального обнаружения; невозможность накопления и сохранения в значительных количествах; реализация ее полезных свойств в процессе потребления; возможность передачи только с использованием специализированного оборудования⁴⁰;

– в силу особых свойств электроэнергия не может быть предметом имущественных договоров (найма, хранения и других), поскольку ее невозможно

³⁸ Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. А. Белова. 2-е изд., стер. М.: Юрайт, 2017 (Очерк 8. Объекты гражданских правоотношений, автор очерка – Р. С. Бевзенко). С. 345.

³⁹ См.: Блинкова Е. В. Гражданско-правовое регулирование снабжения товарами через присоединенную сеть: теоретико-методологические и практические проблемы единства и дифференциации: монография. М.: Юрист, 2005 (§ 2.2 гл. II).

⁴⁰ Там же.

возвратить после потребления, а особые свойства энергии ограничивают применение к ней триады права собственности⁴¹;

– электроэнергия «обладает настолько специфическими свойствами, что это требует особого регулирования»⁴² и «в отличие от вещей представляет собой определенное свойство материи – способность производить полезную работу, обеспечивать выполнение различных технологических операций, создавать необходимые условия для предпринимательской и любой иной деятельности»⁴³.

Контраргументация к тезисам о непризнании вещной природы электроэнергии может выглядеть следующим образом.

1. О распространении права собственности на электрическую энергию.

Современное состояние правового регулирования и понимания некоторых явлений в правовом измерении приводит к ограничениям триады права собственности в отношении отдельных объектов.

Представляется, что право должно охватывать не только существующие правоотношения и ограничиваться их текущим состоянием, но и быть унифицированным инструментом регулирования таких правовых явлений, которые хотя и не существуют на данный момент, но однозначно возникнут. В этом проявляется неразрывная связь права и экономики, техники, технологий и других сфер, непосредственно влияющих на взаимодействие участников гражданского оборота.

Сведение всех нормативных требований лишь к определению юридического понимания текущих, нынешних реалий приводит к проблеме избыточного нормотворчества, т.е. к стремлению легализовать все сложившиеся на практике взаимоотношения с последующим систематическим устранением правовых пробелов.

⁴¹ См.: Сейнаров Б. М. Договор энергоснабжения // Вестник ВАС РФ. 2000. № 6, СПС «КонсультантПлюс».

⁴² Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о передаче имущества: в 2 кн. Кн. 2. 4-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2002. (§ 2 гл. 4), СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Корнеев С. М. Юридическая природа договора энергоснабжения // Закон. 1995. № 7. С. 118. (цит. по: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. (§ 2 гл. 4)).

Представляется, что логика исследований правовой природы электроэнергии была выстроена во взаимосвязи с доступным в определенный момент времени знанием о технике, технологиях и экономике, что приводило к определению характеристики электроэнергии исходя не из реальных возможностей ее использования, а из того, что с ней можно делать здесь и сейчас, и что на этот счет говорит законодатель.

Наиболее ярким подтверждением такой позиции служит вышеупомянутый тезис ряда авторов о невозможности накопления электроэнергии (сперва говорилось об абсолютности такого утверждения, а далее появились оговорки о промышленных масштабах), выдвинутый относительно недавно.

Тем не менее уже довольно длительное время применяются бытовые накопители (power bank), активно развиваются промышленные системы накопления и хранения электроэнергии, находящиеся в числе трансграничных вызовов для российской энергетики⁴⁴, а необходимость их разработки и внедрения в повседневную практику является приоритетом научно-технической и инновационной деятельности в сфере электроэнергетики⁴⁵, что послужило основой для подготовки соответствующих изменений в российское законодательство⁴⁶.

Рассмотрим каждый элемент «триады права собственности» в отношении энергии.

Владение. Владение предполагает фактическое господство над вещью, основанное на титуле⁴⁷, который может быть определен как «нахождение вещи в распознаваемой по внешним признакам сфере имущественного господства»⁴⁸.

⁴⁴ См. п. 18 Доктрины энергетической безопасности.

⁴⁵ См. разд. 3 гл. IV Энергетической стратегии.

⁴⁶ См.: Проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам функционирования систем накопления электрической энергии в электроэнергетике» (по состоянию на 08.09.2020) (подготовлен Минэнерго России, ID проекта 01/01/09-20/00108117).

⁴⁷ См.: Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2 / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 29.

⁴⁸ Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. А. Белова. 2-е изд., стер. М.: Юрайт, 2019 (Очерк 14. Проблема владения и держания, автор очерка – Р. С. Бевзенко). С. 64.

Визуализацию господства над электроэнергией следует признать возможной по двум признакам.

Признак первый – наличие надлежаще присоединенных к объектам электросетевого хозяйства электрических сетей конечного потребителя, обеспечивающих поступление ресурса. И если в классическом понимании передача владения происходит из «рук в руки», то для энергии это переход из одной сети в другую в так называемой точке учета или точке присоединения, а передача владения подтверждается приборами учета, фиксирующими количество переданной/полученной энергии. Схожие выводы делаются, например, в отношениях по газоснабжению⁴⁹.

Проводя аналогию с иными движимыми вещами, нельзя не признавать вещь питьевую воду лишь по причине ее “неупотребимости” в отсутствие сосуда для хранения, продажи, транспортировки в виде бутылки или кружки просто потому, что без ее носителя она прольется – погибнет в категориях вещного права, утратит свою товарную ценность.

Более того, технологический прогресс постепенно идет к созданию массовых способов беспроводной передачи энергии⁵⁰, изобретенных еще в конце XIX в. Николой Тесла и подтверждающих трансформацию форм передачи господства над энергией.

Подобный тезис также критикуется в литературе с указанием на то, например, что если речь идет о накопителе энергии, то вещь будет сам накопитель, а не его содержимое, пускай даже вся его ценность заключается именно в содержимом⁵¹. Возражая против такой критики, вспомним упомянутый пример с бутылкой воды. Схожих ситуаций может быть много: нефть признается

⁴⁹ См.: Шафир А. М. Система хозяйственных договоров на снабжение электрической, тепловой энергиями и газом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 12, 13.

⁵⁰ URL: <https://www.engadget.com/2011-06-01-ubeam-wireless-power-startup-shows-prototype-at-d9-video-hands.html>.

⁵¹ См.: Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 1 (Очерк 8. Объекты гражданских правоотношений, автор очерка – Р. С. Бевзенко). С. 345.

родовой вещью⁵², и она не перестанет быть таковой лишь потому, что продается в цистерне, канистре и ином носителе, обладающем самостоятельным вещно-правовым статусом; сливочное масло не перестанет быть вещью, лишившись упаковки, и т.п.

То же можно сказать и по поводу электрической энергии: физическая природа данного ресурса обуславливает требования к формам, средствам и способам его оборачиваемости на товарном рынке, но не лишает электроэнергию гражданско-правового статуса.

Обращает на себя внимание, что практически для всех видов энергетических ресурсов, вне зависимости от их осязаемости, служащей первоосновой для дискуссий о правовой природе того или иного ресурса, характерны одни и те же особенности: специфические способы накопления, хранения и передачи. По своей сути ни один из энергетических ресурсов не участвует в гражданском обороте и не проявляется в вещных правах «в чистом виде». Для каждого из них характерны такие основные этапы, как: создание (добыча, производство) – передача (транспортировка) – переход права собственности (продажа, распределение).

Признак второй – видимость потребления электроэнергии. Если у человека включен в квартире свет или он использует гаджеты, требующие зарядки, то очевидно, что у него имеется возможность господствовать над приобретенной энергией по своему усмотрению, как минимум, с высокой степенью вероятности.

Пользование. Данное правомочие охватывает фактические действия, совершаемые в отношении вещи и направленные на извлечение ее потребительской стоимости либо на ее сохранение и приумножение. Важной характеристикой упомянутых действий является также самостоятельность определения количественных и качественных характеристик пользования, применимых исключительно к собственным потребностям и интересам⁵³.

⁵² См., например: Гаджиев Г. А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 108–173, СПС «КонсультантПлюс».

⁵³ См.: Белов В. А. Гражданское право: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. Т. III. Кн. 1. Формы отношений принадлежности вещей. С. 113, 114.

Пожалуй, названная часть триады собственности наименее спорна в дискуссии о природе электроэнергии. Потребитель нисколько не ограничен в употреблении энергии с учетом ее полезных свойств. Владелец вправе самостоятельно решать, работоспособность какой вещи будут обеспечивать полезные потребительские свойства электроэнергии, приумножать и хранить ли ее посредством накопителей или же потреблять (пользоваться) сиюминутно.

Иными словами, правомочие пользования раскрывается через потребление энергии в том или ином виде, совпадающее с одним из упомянутых признаков владения ею.

К слову, законодательство напрямую говорит о правомочии пользования электроэнергией, в том числе о неправомерном: бездоговорное потребление (самовольное подключение... и (или) потребление электрической энергии...) ⁵⁴, безучетное потребление (потребление электрической энергии с нарушением... порядка учета... со стороны потребителя...) ⁵⁵, самовольное подключение к сети и использование электрической энергии ⁵⁶. Правомочие пользования активно защищается в судебной практике путем указания на недопустимость препятствовать его реализации ⁵⁷.

Стоит упомянуть и наличие ограничений в правомочии пользования электроэнергией, коррелирующих со ст. 209 ГК РФ, которая допускает пределы его реализации: пользование электроэнергией должно осуществляться строго в соответствии с ее целевым назначением, подразумевающим запрет потребления «бытовой» энергии на промышленные нужды, и наоборот. Сказанное обусловлено не просто юридическим формализмом, а реалиями правовой и технологической действительности, связанными с различными характеристиками ресурса (частота, напряжение и т.д.), «пропускной способностью» электрических сетей и иного оборудования.

⁵⁴ См. абз. 9 п. 2 Основных положений.

⁵⁵ См. абз. 12 п. 2 Основных положений.

⁵⁶ См. ст. 7.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

⁵⁷ См., например: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 по делу № 88-24708/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Идентичная ситуация возникает, например, в случае принятия отдельных лекарственных препаратов. Или же при эксплуатации легкового автомобиля – формально законный владелец может использовать его для перевозки любых грузов, но фактически для каждой марки автомобиля существуют ограничения по тоннажу, габаритам и т.д.

Основываясь на сказанном, не представляется возможным согласиться с тезисом о том, что «специфические свойства энергии (непрерывность процесса производства, передачи и потребления, невозможность накапливать ее в значительных объемах, необходимость в специальных приборах для ее обнаружения в сети и др.) позволяют рассматривать энергию как особый товар, к которому в качестве объекта права собственности ограничивается применение правомочий владения и распоряжения»⁵⁸. Этот тезис мог быть справедлив на момент его написания, но не в настоящее время, учитывая нынешний уровень технологического развития.

Распоряжение электроэнергией, т.е. определение ее юридической судьбы.

Во-первых, приобретение энергии возможно как для собственных нужд, так и в целях дальнейшей продажи, что отобразено в законодательстве наличием двух категорий приобретателей: потребитель (для личных целей) и покупатель (для целей перепродажи). Аналогично и на этапе производства: генерирующая компания может «создать» электричество как для продажи на оптовом рынке, так и для обеспечения собственного энергопотребления.

Во-вторых, развитие технологий создает возможности для оборота энергии в так называемом P2P-сегменте, т.е. ее продажи (обмена) между физическими лицами, например, соседями внутри многоквартирного дома или рядом находящихся частных домов⁵⁹.

⁵⁸ Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части второй / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. М., 2003 (комментарий к ст. 539), СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹ URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/selling-electricity-to-neighbours-technically-feasible-but-not-in-practice/> (дата обращения: 11.04.2022); <https://www.energymatters.com.au/misc/peer-to-peer-solar-energy-trading-guide/> (дата обращения: 11.04.2022).

Несмотря на то, что такая форма обмена благом в первую очередь рассматривается в контексте развития микрогенерации на возобновляемых источниках энергии (когда у одного физического лица установлена солнечная батарея в жилом доме, обеспечивающая его энергопотребление, а избыток он продает соседу), она, насколько известно, не регламентирована на данный момент ни в одном правопорядке.

В перспективе же такие отношения с высокой степенью вероятности будут развиваться: сбыт излишне накопленной энергии, реверсивная продажа и т.д. Можно предположить, что подобные формы обмена благом станут актуальными и для иных категорий потребителей, а не только населения, ведь уже известен опыт розничной микрогенерации на ВИЭ в российском праве, когда избыток накопленной энергии гражданин продает поставщику по нерегулируемым и регулируемым ценам⁶⁰, а вопросы такой торговли уже становятся объектами правовых исследований⁶¹.

Несмотря на то, что с учетом доступного уровня техники круг способов распоряжения электроэнергией достаточно узок, дальнейшее совершенствование технологических решений значительно расширит возможности определения юридической судьбы энергии.

Дополнительно к раскрытию триады права собственности заслуживают рассмотрения три вопроса, которые также позволяют оценить правовую природу энергии: бремя содержания, гибель и защита права.

Бремя содержания. Электроэнергия, несомненно, не подпадает в полной мере под классическое понимание бремени содержания вещи, закрепленное ст. 210 ГК РФ и подразумевающее, прежде всего, обязанность владельца обеспечивать надлежащее состояние имущества и поддержание его в таком

⁶⁰ См. абз. 5 п. 5 Основных положений.

⁶¹ См., например: Символоков О. А. Формирование гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации // Гражданское право. 2020. № 4. С. 7–10; Его же. Выделенная генерация: состояние и перспективы законодательного регулирования // Конституция. Право. Четвертый энергопереход: сборник статей / отв. ред. Ж. И. Седова, А. А. Спиридонов, Д. В. Кравченко. М.: ЛУМ, 2021. С. 38–47.

режиме⁶², а также пригодность вещи для ее использования в соответствии с назначением⁶³.

Тем не менее законодательство закрепляет базовую «вещественную» характеристику электроэнергии – качество. Следовательно, говорить об отсутствии возможности исполнять обязанность по ее содержанию как минимум некорректно с формально-юридической точки зрения.

Пункт 1 ст. 38 Закона об электроэнергетике указывает на обязанность субъектов электроэнергетики обеспечивать ее качество в соответствии с техническими и обязательными требованиями. К таковым относятся: сила тока, частота, напряжение и др.⁶⁴

Специфика же несения бремени содержания в подобном случае имеет двойственный характер, идентичный особенностям владения. Для поддержания надлежащего качества электроэнергии требуется синхронная обязанность по отношению к электрическим сетям, поскольку именно утрата ими своих технических характеристик (полная или частичная) приводит к соответствующим последствиям⁶⁵.

В первую очередь подобные требования предъявляются к сетевым организациям как естественным монополиям и основным держателям

⁶² См. п. 3.1 Определения КС РФ от 02.11.2006 № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 407.

⁶³ См.: Алексеев С. С., Алексеева О. Г., Беляев К. П. и др. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало М.: Статут, 2016. (п. 6 § 2 гл. 14), СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁴ См. п. 20 Правил предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности), утвержденных постановлением Правительства РФ от 19.06.2020 № 890; п. 4.2 ГОСТ 32144-2013. Межгосударственный стандарт. Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения (введен в действие приказом Росстандарта от 22.07.2013 № 400-ст); п. 5 ГОСТ Р 54073-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы электроснабжения самолетов и вертолетов. Общие требования и нормы качества электроэнергии (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28.12.2017 № 2117-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁵ См., например: Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 14.11.2018 по делу № 2-1794/2018~М-1479/2018; решение Предгорного районного суда Ставропольского края от 04.12.2015 по делу № 2А-2039/2015~М-2418/2015; решение Промышленновского районного суда Кемеровской области от 07.04.2021 по делу № 2-1/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

электросетевой инфраструктуры, используемой для транспортировки энергии⁶⁶. Однако круг ответственных лиц ими не ограничен, поскольку инженерную инфраструктуру могут эксплуатировать и иные участники правоотношений: лица, управляющие многоквартирными домами, в контексте договорных связей в бытовом сегменте розничного рынка, а также иные собственники объектов электросетевого хозяйства, обеспечивающих переток энергии.

Кроме того, и за потребителем сохраняется обязанность обеспечивать качество электроэнергии, перешедшей к нему во владение, и, соответственно, надлежащее содержание инженерно-коммуникационной инфраструктуры (внутриквартирной, внутридомовой, внутрипроизводственной)⁶⁷, в том числе в целях соблюдения публичных интересов, направленных на защиту окружающих от возможных негативных последствий, возникающих при ненадлежащем исполнении данной обязанности.

Гибель вещи. Классическую форму ответственности несет конечный потребитель, который отвечает за то, чтобы в его электросетях обеспечивалась возможность надлежащей доставки и потребления энергии.

В науке высказывается мысль о потерях электроэнергии как проявлении гибели вещи⁶⁸. Ответственность за гибель электроэнергии в процессе поставки возложена в силу закона на лиц, обеспечивающих передачу (сетевые организации) или переток (собственники, владельцы объектов электросетевого хозяйства, через которые осуществляется опосредованное электроснабжение) энергии, в связи с чем они обязаны компенсировать возникающие в процессе транспортировки потери⁶⁹.

Поскольку бремя содержания и риск гибели вещи применительно к электрической энергии связаны с двойственностью такой обязанности, отдельного внимания заслуживает правовое положение иного владельца сетевых объектов,

⁶⁶ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.10.2017 № Ф04-3638/2017 по делу № А27-23309/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷ См., например: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2020 № 88-7743/2020; Апелляционное определение Калужского областного суда от 18.10.2021 № 33-3309/2021.

⁶⁸ См.: Корепанов К. В. Указ. соч. С. 56–58.

⁶⁹ См. ст. 41 Закона об электроэнергетике, п. 35 и другие Основные положений.

обеспечивающих переток. Так, в 2019 г. КС РФ принял решение о несоответствии Конституции РФ положений Правил № 861 в той части, в которой владелец сетей, лишенный статуса сетевой организации, терял право на компенсацию за обеспечение перетока электроэнергии⁷⁰, в связи с чем были внесены соответствующие поправки в законодательство⁷¹.

Проблема состояла в том, должен ли такой собственник сетей иметь правовые механизмы несения расходов на компенсацию частичной утраты энергии (потерь) и на содержание сетей, используемых для сохранения перетока.

Поскольку позиция КС РФ не была достаточно детализирована, с учетом отмеченного им частичного возложения на собственника сетей публичной функции сетевой организации даже в отсутствие у него такого статуса, законодательно было принято решение о том, что владелец электросетей, используемых для перетока, должен получать от сетевой организации компенсацию соответствующего уровня потерь.

Подобное правовое решение устраняет проблему не в полной мере, в силу двойного статуса бремени содержания – поддержание эксплуатационных характеристик электроэнергии невозможно без расходов на поддержание сетевого хозяйства в надлежащем состоянии.

Представляется, что поскольку собственник (владелец) таких электросетей несет бремя их содержания не только в своих интересах, но и в интересах других лиц, а следовательно, выполняет определенные публично-правовые функции, то наиболее эффективным было бы принятие нормы о возмещении иному владельцу

⁷⁰ См.: Постановление КС РФ от 25.04.2019 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг в связи с жалобой акционерного общества «Верхневолгоэлектромонтаж-НН» // СЗ РФ. 2019. № 18. С. 2268.

⁷¹ См.: Постановление Правительства РФ от 26.12.2019 № 1857 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам компенсации расходов на приобретение электрической энергии (мощности) в целях компенсации потерь электрической энергии собственникам или иным законным владельцам объектов электросетевого хозяйства, понесенных ими в связи с обеспечением перетока электрической энергии в энергопринимающие устройства потребителей электрической энергии» // СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. I). Ст. 52.

электросетей полноценного размера расходов, покрывающих необходимость перетока⁷².

Классический вид обязанности содержать вещь лежит на конечном потребителе – приобретателе ресурса, и он связан именно с сохранением качества энергии, а не с ее потерями. Подтверждением служат споры, связанные с ответственностью за негативные последствия, вызванные гибелью электроэнергии – ее отклонением от параметров, в которых четко разграничивается бремя содержания: если отклонения произошли в зоне инженерной ответственности потребителя, то все правовые последствия несет он, а не поставщик или иное лицо, участвующее в энергоснабжении⁷³.

Соответственно, если вред причинен в сетях иного лица, несущего бремя содержания (сетевая организация – для внешних электросетей или управляющая – для внутридомовых сетей многоквартирного дома), то ответственность возлагается на такого участника правоотношений по энергоснабжению, в том числе путем предъявления регрессных требований от поставщика⁷⁴.

Ранее утверждалось, что потребитель не может контролировать качество электроэнергии, поскольку для этих целей требуется специальное оборудование⁷⁵. Это утверждение пятилетней давности объяснимо: правовое регулирование столь специфичной сферы деятельности во многом ограничивается доступным уровнем технологий. Сейчас же происходит активное внедрение интеллектуального учета электроэнергии, за счет которого в относительно краткосрочной перспективе

⁷² Подробнее см.: Максименко П. Н. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации о вмешательстве в право частной собственности на объекты электросетевого хозяйства: недосказанное // Конституция и модернизация законодательства: материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / пред. ред. кол. Т. Я. Хабриева. М.: ИЗИСП, 2020. С. 281–287.

⁷³ См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.11.2021 № Ф08-11948/2021 по делу № А32-15714/2016; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2021 по делу № 88-343/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁴ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.12.2021 № Ф04-7121/2021 по делу № А03-18007/2020; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.06.2020 № Ф10-1839/2020 по делу № А08-6945/2019 СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁵ См.: Ручкина Г. Ф. Качество электроэнергии: проблемы нормативного правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12. С. 44–52, СПС «КонсультантПлюс».

каждый потребитель и коммунального, и традиционного розничного сегмента будет иметь полноценный доступ ко всем основным параметрам энергии⁷⁶.

Защита вещных прав. В качестве одного из значимых аргументов неприменимости к электроэнергии вещно-правового режима выступает утверждение о невозможности виндикации⁷⁷, а некоторые авторы говорят и о неприменимости негаторного иска⁷⁸. На основе изложенных тезисов появилось мнение о бесперспективности даже попыток квалификации электроэнергии в качестве вещи⁷⁹.

Исходя из иной позиции, вряд ли корректно исключать вещную природу электроэнергии лишь по причине невозможности применения традиционных вещно-правовых способов ее защиты, в силу чего «правильно было бы сказать, что газ и энергия являются вещами особого рода»⁸⁰. Отмечается и отсутствие причинно-следственной связи между неприменимостью виндикации в классическом виде и возможностью установить право собственности на электроэнергию, поскольку причиненный собственнику энергии вред может быть возмещен кондикционным иском⁸¹. Весьма удачным примером кондикционного иска в нынешних правовых условиях служит крайне схожая с энергией ситуация неправомерного потребления воды, когда «человек пьет чужую воду, при этом вода уничтожается как вещь, а вместе с ней уничтожается и право собственности

⁷⁶ См. п. 20 Правил предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности).

⁷⁷ См.: Корнеев С. М. Договор о снабжении электроэнергией между социалистическими организациями. М., 1956. С. 30.

⁷⁸ См.: Тебенькова С. А. Электрическая энергия как объект гражданских прав // Юрист. 2015. № 3. С. 21–25, СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁹ См.: Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 76–93, СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁰ Сеницын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М.: Инфотропик Медиа, 2015 (§ 1.2 гл. 1), СПС «КонсультантПлюс».

Стоит добавить, что в дальнейшем автор уточнил свою позицию и отнес электроэнергию не к вещам, а к «особого вида имуществу». См.: Сеницын С. А. Общие положения о вещном праве: сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2019. С. 265.

⁸¹ См.: Корепанов К. В. Указ. соч. С. 68.

другого лица»⁸², и в результате возникает право на соответствующий иск. Таковую точку зрения однозначно стоит поддержать.

В практической плоскости вопрос о допустимости предъявления виндикационного иска в отношении электроэнергии остался открытым и до сих пор не получил однозначного разрешения⁸³.

Представляется допустимым говорить о создании на перспективу особого порядка виндикации применительно к энергии – с отмененным или ослабленным критерием возврата той же самой вещи из незаконного владения.

Например, нередки случаи, когда один потребитель осуществляет несанкционированное присоединение к сетям другого⁸⁴, в результате чего последний оплачивает тот объем энергии, который фактически использует неправомерно подключенное лицо.

Развитие техники и технологий без всякого сомнения приведет к возможности реверсивной передачи энергии, а значит лицо, к сетям которого произошло несанкционированное присоединение, сможет подать виндикационный иск, обязывающий нарушителя вернуть из своих сетей тот объем энергии, который был незаконно получен от добросовестного приобретателя.

Индивидуальная определенность энергии в контексте виндикационного иска определяется по двум критериям:

1) технологическому. Если неправомерное получение выразалось в накоплении энергии в соответствующем устройстве (промышленный или бытовой накопитель), то законный владелец сможет истребовать ту же самую энергию, как минимум ее большую часть, с учетом естественной убыли. При этом неполученная часть подлежит либо компенсации из собственного объема потребления, либо денежному возмещению;

⁸² Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 51–107, СПС «КонсультантПлюс».

⁸³ См.: Определение ВАС РФ от 15.02.2010 № ВАС-1015/10 по делу № А32-1457/2009-9/34.

⁸⁴ См., например: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.01.2017 № Ф02-7619/2016 по делу № А58-5809/2015; постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.08.2021 № Ф05-14798/2019 по делу № А40-100049/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

2) формально-юридическому. По своей сути индивидуализация электроэнергии в законодательстве происходит не через установление конкретного числа ее составляющих – электронов, а путем определения потребленного (отпущенного) объема электрической энергии (кВт/ч или МВт/ч), отвечающего необходимым параметрам качества.

Тем самым в контексте предмета виндикационного иска можно говорить об обязанности лица вернуть тот объем электроэнергии, который был им неправомерно получен. Стоит добавить, что подобные рассуждения могут применяться и в связи с потреблением энергии особых видов, в частности, произведенной на основе возобновляемых источников энергии.

Не вызывает сомнений и возможность предъявления негаторного иска для защиты своих прав на электроэнергию в тех случаях, когда нарушение этих прав не повлекло причинения вреда, например, если произошло неправомерное ограничение режима потребления. В данном случае потребитель вправе подать негаторный иск, поскольку, как отмечается в литературе, он может быть подан и в тех случаях, если: отсутствует факт причинения вреда; нарушение права носит длящийся характер; необходимо устранить источник нарушения⁸⁵. При одновременном наличии факта причинения вреда или иных обстоятельствах, связанных с ним, следует говорить о сочетании с исковым требованием, вытекающим из договора или деликта⁸⁶.

Основываясь на изложенных доводах, можно сделать вывод о вещно-правовой природе электроэнергии и практически полноценном применении к ней всех норм вещного права, особенно с учетом того, что гражданское право все же исходит из распространения режима вещей на используемые человеком энергетические ресурсы⁸⁷. «С методологической точки зрения задача по поиску оптимальных правовых форм участия энергии и газа в статике и динамике

⁸⁵ См.: Подшивалов Т. П. Негаторный иск: проблемы теории и практики: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2019. С. 283, 284.

⁸⁶ См.: Подшивалов Т.П. Указ. соч. С. 279, 285.

⁸⁷ См.: Гутников О. В., Гутникова А. С., Радченко С. Д. и др. Гражданское право: учебник / под ред. О. Н. Садикова. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006. Т. 1. (§ 2 гл. 9 разд. I), СПС «КонсультантПлюс».

имущественного оборота выполняема либо посредством приспособления уже имеющихся, либо путем выработки принципиально новых моделей и форм правового регулирования навстречу развивающимся общественным отношениям»⁸⁸. С этим, безусловно, стоит согласиться и добавить, что в той части, в которой классическое понимание вещных институтов гражданского права неприменимо к электроэнергии, допустима их «точечная настройка», учитывающая технологическую специфику данного ресурса.

2. О невозможности визуального обнаружения энергии, определения ее границ и допустимости передачи только с использованием специального оборудования.

Подобные утверждения представляются либо в определенной степени неверными, либо не учитывающими современного уровня технологического развития.

Обнаружить энергию визуально возможно. Простой пример – возникновение тока при подключении в розетку энергопринимающего оборудования, в чем, к слову, проявляется и материальная осязаемость электроэнергии, поскольку в определенных случаях ее можно и почувствовать.

Границы же энергии контролируются и определяются через ее проводники – электрические сети и иные виды инженерно-коммуникационной аппаратуры.

Тезис о противопоставлении энергии вещно-правовому режиму по причине возможности передачи, как представляется, не выдерживает критики, поскольку есть немало примеров, когда вопросы транспортировки или хранения вещи неразрывно сопряжены с особыми условиями осуществления таких действий: специфические требования к перевозке ряда лекарств, особые условия хранения некоторых видов пищевой продукции; перевозка негабаритных грузов на специализированных транспортных средствах и многие другие.

3. О невозможности хранения и накопления электроэнергии. Ранее была доказана возможность и накопления, и хранения электроэнергии, а следовательно, и получение ею потенциального статуса предмета договора хранения, со

⁸⁸ Сеницын С. А. Общие положения о вещном праве. С. 255.

специальными условиями такого хранения, в связи с чем этот «анти-вещный» аргумент следует признать устаревшим.

4. Об особом регулировании в силу специфичности энергии и ее характеристики как готовности (способности) производить полезную работу и создавать условия для осуществления иной деятельности.

Электроэнергия действительно обладает значительной спецификой, обуславливающей особые, в некотором смысле нетрадиционные для гражданского права подходы к ее правовому регулированию.

Тем не менее наличие отдельных неклассических правовых решений по отношению к данному явлению не может исключать ее вещественного характера.

В части характеристики энергии как готовности производить полезную работу авторы данных выводов, как представляется, смешали понятие электроэнергии, которая выступает ресурсом, товаром, вещью, и понятие мощности. При этом именно мощность подразумевает как готовность генерирующего оборудования произвести определенное количество электричества, так и предельный объем энергии (пропускная мощность), которую электросети и энергопринимающие устройства могут транспортировать через себя и потребить в определенный момент времени. А то, что основная потребительская ценность энергии – это ее использование для осуществления иных видов деятельности, ни в коей мере не опровергает вещную природу энергии, поскольку имеется множество других примеров, когда основная, а иногда и единственная цель использования вещей – та или иная форма потребления (например, нефть, вода).

Подводя итоги, стоит отметить, что правовое регулирование должно иметь опережающий характер, т.е. основываться на предвидении развития общественных отношений⁸⁹, создавать такие условия реализации правоотношений, которые, не требуя систематической корректировки нормативных установлений, позволят сторонам договора выстраивать наиболее приемлемые параметры взаимодействия.

⁸⁹ См.: Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–29, СПС «КонсультантПлюс».

Ретроспективный анализ развития правовой мысли показал, что в свое время понимание правовой природы электроэнергии основывалось на исторически доступном уровне физического восприятия и технологической возможности использования энергии, а это не допускало признания ее вещью.

Изложенный в настоящем исследовании подход к пониманию правовой природы электроэнергии как вещи исходит из необходимости, как было сказано ранее, опережающего правового регулирования, которое, воспринимая уже сложившиеся правовые реалии, признало бы электроэнергию вещью с учетом присущей ей физической природы⁹⁰.

§ 1.2. Правовая сущность договора энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности))

В настоящем исследовании электроэнергия признается вещью и, следовательно, презюмируется товаром.

Отнесение энергии к товарам поддерживается и законодателем⁹¹, и большинством представителей различных научных правовых школ⁹². Вместе с тем существует противоположное воззрение, исходя из которого электроэнергия представляется как результат работ или оказание услуг.

В пользу признания энергии последствием выполнения работы и, соответственно, договора энергоснабжения – подрядным отмечается, что

⁹⁰ См.: Акимов Л. Ю., Гаджиев Г. А. О вещности электроэнергии // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 3–12, СПС «КонсультантПлюс».

⁹¹ Статья 3 Закона об электроэнергетике в ее системном толковании показывает, что электрическая энергия относится к особой разновидности товаров, оборачиваемых на оптовом и розничных рынках.

⁹² См.: Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник / под ред. В. В. Романовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2015. С. 89, 460; Шафир А. М. Рынок энергоресурсов и его правовое регулирование: монография. М.: Проспект, 2018. С. 13; Шевченко Л. И. Договорные отношения в сфере энергетики: монография. С. 61; Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012 (разд. 1 § 1 гл. 1 ч. 1), СПС «КонсультантПлюс»; Сейнароев Б. М. Указ. соч.; Лахно П. Г. Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие. С. 126, 127; Трунцевский Ю. В., Ручкин О. Ю., Шумов А. А. Договор энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии: научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2010 (§ 1 гл. 1), СПС «КонсультантПлюс»; Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. С. 43.

электричество представляет собой результат работ, проведенных электростанцией (производителем), поскольку продажа состояния, силы противна правопорядку⁹³.

Зарубежные исследователи отмечают наличие дискуссий об отнесении электроэнергии к товару или услуге, значимость которых заключается в правовых последствиях, вытекающих из принятой точки зрения.

Выделяется четыре возможных подхода к электроэнергии⁹⁴:

- 1) движимая вещь;
- 2) товар;
- 3) нематериальная услуга;
- 4) услуга до момента ее измерения прибором учета, в дальнейшем трансформируемая в товар⁹⁵.

В пользу признания электроэнергии товаром американские ученые приводят следующие аргументы:

1) электрическая энергия производится искусственно, подлежит измерению, в том числе с возможностью корректировки объемов, выступает в качестве предмета сделок купли-продажи⁹⁶, может быть доставлена, а также используется в качестве источника тепла, света⁹⁷;

2) она отвечает таким базовым характеристикам товара, как существование в настоящем времени и подвижность (движимость), причем последняя выражается в ежемесячном поступлении счетов на ее оплату, которые служат напоминанием об исполнении договорной обязанности по оплате товара и фиксируют его количество⁹⁸;

⁹³ См.: Агарков М. М. Указ. соч. С. 13; Бергнгефт Ф., Колер И. Гражданское право Германии. СПб.: Сенатская типография, 1910. С. 273, 274.

⁹⁴ См.: Ferrey S. Unresolved judicial conflict and critical infrastructure, 3 Tex. Wesleyan L. Rev. 581. P. 584.

⁹⁵ См.: Mancuso v. S. Cal. Edison Co., 232 Cal. App. 3d 88, 101 (1991).

⁹⁶ См.: Monroe v. Savannah Elec. & Power Co., 471 S.E.2d 854, 855–56 (Ga. 1996).

⁹⁷ См.: Elgin Airport Inn, Inc. v. Commonwealth Edison Co., 410 N.E.2d 620, 623–34 (Ill. App. Ct. 1980).

⁹⁸ См.: Helvey v. Wabash Cty. REMC, 278 N.E.2d 610 (Ind. App. 1972).

3) электроэнергия обладает правовым режимом, аналогичным газу, и относится к товарам по мнению Федеральной комиссии по регулированию энергетики (FERC)⁹⁹.

Среди основных контраргументов в пользу признания энергии услугой выдвигается ее естественная природа. Электроэнергия не появляется в результате человеческих усилий, что обязательно для признания объекта правоотношений товаром; электричество – это поток заряженных частиц, которые просто приводятся в движение поставщиком¹⁰⁰.

По итогам дискуссии был выработан ряд правовых тестов, прохождение которых позволяет признать (не признавать) энергию товаром.

Наиболее убедительным считают *Helvey test*, выработанный в одноименном деле, согласно которому товар можно признать таковым, если он:

- 1) приносит пользу в качестве вещи (товара);
- 2) существует;
- 3) движим (подвижен);
- 4) одновременно существует и обладает свойством движимости.

Признается, что электроэнергия отвечает этим критериям, а значит, должна рассматриваться в качестве товара, что будет обеспечивать ее более качественный оборот и правовое регулирование на розничных рынках¹⁰¹.

Также существуют *Predominant Factor Test* (*какой предмет договора энергоснабжения носит превалирующий характер: продажа товара (доминирующий фактор, как правило) или его доставка*), *Gravamen of the Action Test* (*если нарушение прав связано с исполнением договора энергоснабжения, то энергия – товар, а в случае дефектов правоотношений вне контрактной связки – вероятнее всего услуга*) и *Vtu Test* (*сравнение правового регулирования смежных энергетических отраслей (поставка газа и т.д.)*), но они не признаются

⁹⁹ См.: Ferrey S. Op. cit. P. 601.

¹⁰⁰ См.: *Otte v. Dayton Power & Light Co.*, 523 N.E.2d 838 (Ohio 1988).

¹⁰¹ См.: Koby Bailey. Should Article 2 of the Uniform Commercial Code Apply to Energy Sales in a Deregulated Environment, 37 J. Marshall L. Rev. 281 (2003). P. 297–298, 312–315.

приоритетными из-за их более тесной взаимосвязи с конкретными правовыми спорами.

Отношение к электроэнергии как товару нашло свое место и в европейском праве¹⁰².

Российский законодатель не всегда последователен в регулировании договорных отношений по энергоснабжению. Так, законодательство об электроэнергетике и ГК РФ исходят из понимания договора энергоснабжения как разновидности купли-продажи (поставки). В свою очередь, жилищное законодательство, с учетом недавних изменений, говорит о купле-продаже в отношениях между поставщиком и управляющей организацией, что абсолютно верно, но при этом трансформирует идентичные отношения в оказание услуги, когда речь идет о таких договорных связках, как: поставщик – потребитель категории «население»; управляющая организация – потребитель категории «население»¹⁰³.

Очевидно, заслуживает внимания вопрос о правовой природе договора энергоснабжения, в том числе как еще один аспект, подтверждающий вещную и товарную характеристику энергии.

Обоснование правовой природы договора энергоснабжения. Важно отметить, что если признавать договор энергоснабжения разновидностью оказания услуг, то даже в российском праве, которое значительно отличается от права упомянутых зарубежных стран (особенно в части последствий ненадлежащего исполнения договора поставщиком), правовая регламентация построения соответствующих договорных отношений будет разной.

Например, в связи с развитием отрасли и появлением различных видов энергии – классическая и произведенная на возобновляемых источниках энергии (ветряная, солнечная и др.), а также при наличии значительных ограничений договорной свободы в отношении энергоснабжения, актуально урегулирование

¹⁰² См.: EU Electricity Trade Law: The Legal Tools of Electricity Producers in the Internal Electricity Market. 2015. P. 83, 84.

¹⁰³ См. ст. 157.2 ЖК РФ, Правила № 354.

условий об ассортименте товара в порядке, установленном ст. 467 ГК РФ. Эта норма предоставляет сторонам договора право определить соотношение товаров по их различным характеристикам (например, только электроэнергия, произведенная солнцем, или смешанная энергия).

Соответственно признание договора энергоснабжения разновидностью купли-продажи делает возможным, при создании необходимых регуляторных условий, применение упомянутой нормы.

Если же говорить об оказании услуг, то подобная договоренность сторон исключена по ряду причин, которые условно можно разделить на юридические (отсутствие правового понимания ассортимента услуг¹⁰⁴) и физические – сложно представить некую «зеленую» услугу, в результате которой у потребителя возникнет благо особого рода. Кроме того, становятся неопределенными правовые последствия нарушения требования об ассортименте услуг по аналогии со ст. 468 ГК РФ (можно ли отказаться от неассортиментной услуги, потребовать ее замены на ассортиментную и т.д.).

Другой наглядный пример – последствия расторжения договора.

Односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг по ст. 782 ГК РФ предполагает, что заказчик вправе отказаться от него, если компенсирует исполнителю фактически понесенные расходы. Но поскольку энергоснабжение не предполагает каких-либо предварительных затрат, необходимых для дальнейшего оказания услуги (закупка материалов, оплата труда персонала, оказывающего услугу), то говорить о компенсации расходов некорректно.

В связи с этим более разумным видится применение конструкции расторжения договора в порядке, предусмотренном для купли-продажи (ст. 452 и

¹⁰⁴ Справедливости ради стоит оговориться, что словосочетание «ассортимент услуг» в экономическом обороте существует, но его содержание скорее подразумевает не разные виды одной услуги (как может быть с товаром), а разные виды услуг, оказываемых соответствующим лицом. Даже если приводить в качестве примера услугу мобильной связи и предлагаемые операторами тарифные планы, то речь будет идти о разном пакете услуг: связь, связь и интернет и т.д., а не о том, что это разный ассортимент. Аналогично и в случае с безлимитной и лимитированной связью, ограниченной количеством минут в месяц – это две разные услуги, тогда как электроэнергия все время будет одна, но может обладать разными характеристиками.

486 ГК РФ), когда после получения и оплаты соответствующей партии товара стороны по взаимному соглашению расторгают его на будущее время.

Было бы странно расторгать договор оказания услуг, возмещая абстрактные расходы, но не компенсируя саму стоимость услуги.

Собственно, и ГК РФ, и отраслевое законодательство пошли по обозначенной выше конструкции, предоставив потребителю право расторгнуть договор с поставщиком при условии оплаты фактически полученной (поставленной) электроэнергии (ст. 546 ГК РФ и п. 49 Основных положений).

Весьма точным представляется сравнение договора купли-продажи электрической энергии с договором, по которому перевозчик приобретает товары у изготовителя для их дальнейшей реализации грузополучателю¹⁰⁵.

Кроме того, признание договора энергоснабжения разновидностью возмездного оказания услуг, а не купли-продажи, автоматически лишало бы потребителя более широкого спектра способов защиты своих прав, в частности, права предъявить негаторный иск, если, скажем, неправомерно ограничен режим потребления, что обосновывается невозможностью сочетания вещно-правового статуса электроэнергии с природой договора возмездного оказания услуг.

Таким образом, рассмотрение вопросов договорных отношений по энергоснабжению неизбежно приводит автора настоящего исследования к выводу об отнесении их к разновидности договоров купли-продажи (поставки)¹⁰⁶.

С учетом изложенного представляется необходимой дальнейшая унификация подходов к пониманию правовой природы договора энергоснабжения на всех товарных рынках (как на розничных рынках электрической энергии, так и на рынке жилищно-коммунальных услуг).

¹⁰⁵ См.: Сейнаров Б. М. Указ. соч.

¹⁰⁶ См., например: Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 142, 143; Осипчук Е. Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9; Цибирова И. Г. Договор энергоснабжения в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6; Рецлов С. О. Гражданско-правовое регулирование розничных рынков электрической энергии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2009. С. 8, 9.

Значение правовой природы договора энергоснабжения. Подводя итоги проведенного выше анализа, стоит отметить следующее.

Можно согласиться с мнением, что признание того или иного экономического явления вещью обусловлено воззрениями товарного оборота¹⁰⁷. Справедливость такого признания применительно к электроэнергии обосновывается и ее характеристиками, обеспечивающими возможность воздействия, за некоторым исключением, вещно-правового режима.

Поскольку энергия рассматривается и как товар, то это может служить дополнительным аргументом в пользу ее признания движимой вещью, поскольку исторически российское законодательство ассоциировало эти понятия¹⁰⁸.

Значение электрической энергии как вещи, товара, а следовательно, и признание договора энергоснабжения разновидностью купли-продажи (поставки) играет существенную роль в контексте развития правового регулирования договорных отношений на розничных рынках. Признание такой природы электроэнергии обеспечивает повышенную правовую защиту сторон договорных отношений, и, что наиболее важно – защиту экономически уязвимого контрагента – потребителя.

Высокая степень правовой защищенности крайне важна в условиях дерегулирования товарной среды в электроэнергетике, поиске новых форм взаимоотношений, поскольку в той же мере, в которой сторонам предоставляется возможность самостоятельного построения своих взаимных прав и обязанностей, должны возникать и способы отстаивания своих интересов.

Важность однозначного понимания правовой природы электроэнергии в дерегулированной розничной среде признается и в зарубежных исследованиях¹⁰⁹. При этом, в частности, отмечается наибольшая польза от восприятия товарной

¹⁰⁷ См.: Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. М., 1950. Полутом 2. Введение и общая часть. С. 12.

¹⁰⁸ См.: Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. 2: Товар; Торговые сделки. 4-е изд. СПб.: Тип-я т-ва печ. и изд. дела Труд, 1908. С. 4.

¹⁰⁹ См.: Ferrey S. Op. cit. P. 634–637.

формы энергии, обеспечивающей большую контрактную гибкость и прозрачность для сторон договора¹¹⁰, с чем можно согласиться.

Таким образом, признание вещной и товарной природы электроэнергии обеспечивает следующие основные правовые эффекты для сторон в перспективной модели правового регулирования договорных отношений на розничных рынках электрической энергии:

- полноценные способы вещно-правовой защиты своих контрактных интересов¹¹¹;
- возможность более гибкой конфигурации условий сделки в части позиции об ассортименте товара;
- экономическая обоснованность ценовых условий, связанная со всей производственно-логистической цепочкой реализации электроэнергии;
- справедливое распределение рисков гибели вещи, отсутствующее в случае признания договора разновидностью возмездного оказания услуг.

Вслед за определением правовой природы электроэнергии и договора, обеспечивающего ее оборот, необходимо рассмотреть особенности правового регулирования соответствующего товарного рынка и договорных отношений на нем.

¹¹⁰ См.: Koby Bailey. Op. cit. P. 312–315.

¹¹¹ Возможно, с определенными оговорками до достижения соответствующего уровня технологического развития.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РОЗНИЧНЫХ РЫНКАХ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

§ 2.1. Понятие и структура розничных рынков электрической энергии

Понятие розничных рынков электроэнергии и их разграничение с оптовым рынком электрической энергии и мощности. Существуют единый оптовый рынок электрической энергии и мощности и розничные рынки электрической энергии.

Согласно абз. 8 ст. 3 Закона об электроэнергетике оптовый рынок электрической энергии и мощности определен как сфера обращения особых товаров – электрической энергии и мощности... с участием крупных производителей и крупных покупателей электрической энергии и мощности, а также иных лиц, получивших статус субъекта оптового рынка.

Сформулированное понятие позволяет выделить ряд конstitutивных характеристик этого рынка:

- оборот двух товаров (электроэнергия и мощность);
- требования к финансово-торговым показателям участников;
- наличие особого правового статуса субъекта.

Оптовый рынок электрической энергии и мощности условно можно охарактеризовать как первичный, поскольку на нем реализуется выработанная в промышленных объемах электроэнергия, которая приобретается для: перепродажи на розничных рынках (например, гарантирующими поставщиками электрической энергии и энергосбытовыми организациями); собственных нужд (крупные промышленные потребители).

Также на нем продается мощность, которая фактически является правом требования к производителю электроэнергии поддерживать готовность к выработке определенного количества ресурса.

В абз. 10 ст. 3 Закона об электроэнергетике розничные рынки определены как сфера обращения электрической энергии вне оптового рынка с участием потребителей; при этом к потребителям относятся лица, приобретающие электрическую энергию для собственных бытовых и (или) производственных нужд (абз. 6 указанной нормы).

От оптового рынка их отличает:

- продажа (перепродажа) на них электроэнергии, приобретенной на оптовом рынке либо произведенной генерирующими компаниями, не являющимися участниками оптового рынка¹¹²;
- наличие потребителей;
- оборот только одного товара – электрической энергии¹¹³.

Зарубежные правовые порядки предлагают схожее, но не полностью идентичное понятие розничных рынков электроэнергии.

Законодательство Федеративной Республики Германия в сфере электроэнергетики не содержит легальных определений ни оптового, ни розничных рынков, но раскрывает понятие оптовых покупателей как физических или юридических лиц, приобретающих электроэнергию для целей перепродажи¹¹⁴. А под потребителями, в свою очередь, понимаются оптовые покупатели, конечные потребители и компании, приобретающие электроэнергию, а также бытовые потребители¹¹⁵.

В немецкой доктрине отмечается, что оптовый рынок электрической энергии и мощности является первичным рынком, спрос на котором обеспечивают предприятия, занимающиеся ее распределением в адрес потребителей, а спрос на розничных рынках, соответственно, обеспечивают конечные потребители (как

¹¹² См.: Современная рыночная электроэнергетика Российской Федерации / под ред. О. Г. Баркина. 3-е изд. М.: Перо, 2017. С. 443.

¹¹³ Оговоримся, что на розничных рынках тоже присутствует понятие «мощность», однако она представляет собой не товар, в отношении которого возможно совершение гражданско-правовых сделок на данных рынках, а характеристику объектов электроэнергетики, определяющую возможный объем производства, передачи и потребления.

¹¹⁴ См. п. 21 разд. 3 EnWG. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/__3.html.

¹¹⁵ См. п. 22, 24 разд. 3 EnWG.

промышленные, так и «мелкие», в том числе бытовые), приобретающие ее для собственных нужд¹¹⁶.

Американская нормативная правовая база и доктрина не раскрывают понятие розничных рынков, однако Энергетическое информационное агентство США¹¹⁷ сформулировало понятие розничных продаж, фактически отображающее содержание розничного рынка – это продажа электрической энергии непосредственному (конечному) потребителю для ее использования (потребления) в собственных нуждах. Оптовый же рынок определяется как производство и продажа энергии от производителей перепродавцам (лицам, продающим электроэнергию розничным (конечным) потребителям)¹¹⁸.

Таким образом, ключевой характеристикой розничных рынков электроэнергии во всех правовых порядках выступает продажа или перепродажа на них энергии конечным потребителям.

С научной точки зрения крайне важно точное терминологическое разграничение данных рынков, ввиду наличия определенной схожести между ними (субъектный состав и т.д.). Отсутствие в понятийном аппарате целей торговли на каждом из видов рынков электрической энергии грозит возникновением различных споров. В частности, ранее возникали споры о допустимости транслирования установленных на оптовом рынке штрафных санкций за нарушение договорных обязательств без их детализации в договоре энергоснабжения на розничных потребителей¹¹⁹, и суды фактически сформировали устойчивую правовую позицию (восполняющую неясность в законодательстве) о невозможности подобных действий.

¹¹⁶ См.: Вольф М. Разграничение товарных рынков электроэнергии // Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П. Г. Лахно и Ф. Ю. Зеккера; пер. Е. В. Тимофеевой. Рус. изд. М.: Юрист, 2011. С. 273, 275–277.

¹¹⁷ См.: Государственный аналитический орган в сфере энергетики. URL: https://www.eia.gov/about/legislative_timeline.php (дата обращения: 14.10.2021).

¹¹⁸ См.: Понятия «retail sales (electric)» и «wholesale power market». URL: <https://www.eia.gov/tools/glossary/?id=electricity> (дата обращения: 14.10.2021).

¹¹⁹ См.: Определение ВС РФ от 26.09.2014 № 307-ЭС14-1071 по делу № А42-4236/2013, определения ВАС РФ от 28.04.2014 № ВАС-3131/14 по делу № А42-5150/2013, от 28.04.2014 № ВАС-2880/14 по делу № А42-6470/2013, от 28.04.2014 № ВАС-2011/14 по делу № А42-5152/2013, от 28.04.2014 № ВАС-1523/14 по делу № А42-5043/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Определение на уровне Закона об электроэнергетике цели торговли на розничных рынках электрической энергии – сбыт электроэнергии конечным потребителям – позволит исключить подобные ситуации.

Правовое значение множественности розничных рынков электрической энергии. Законодательство об электроэнергетике использует понятие «розничные рынки электрической энергии» во множественном числе, но не содержит непосредственных правовых норм, разъясняющих смысл их множественности.

В связи с этим в правовой литературе иногда отстаивают необходимость перехода к созданию единого, федерального розничного рынка. Например, некоторые исследователи приводят в защиту позиции о единстве розничного рынка электрической энергии¹²⁰ следующие доводы:

- отсутствие законодательных ориентиров множественности;
- условность такого деления и искусственность его разграничения по административно-территориальным единицам;
- возможность независимых энергосбытовых организаций заключать договоры энергоснабжения (купли-продажи (поставки)) электрической энергии на любом розничном рынке (субъекте РФ) без привязки к их местонахождению;
- отсутствие различий государственно-правового регулирования, за исключением контрольных и тарифных полномочий органов исполнительной власти субъектов РФ¹²¹.

Представляется, что изложенные доводы справедливы в смысле отсутствия полноценного соотношения между законодательным регулированием оборота электрической энергии на розничных рынках и их множественностью, однако они не могут свидетельствовать в пользу формирования единого розничного рынка.

Использование понятия «розничные рынки» подразумевает намного большие частно- и публично-правовые возможности для развития правоотношений, чем они отражены в нормативной правовой базе. Кроме того, оно

¹²⁰ См.: Краснопольский С. О. Правовое регулирование деятельности субъектов розничных рынков электрической энергии: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 43.

¹²¹ Там же. С. 39–41.

направлено на учет особенностей правоотношений, существующих и возникающих в отдельных субъектах РФ.

Единый розничный рынок электроэнергии исключил бы или, как минимум, затруднил ценообразование, поскольку в настоящее время государственное регулирование цен (тарифов) осуществляется в трех направлениях: установление уровней сбытовых надбавок для гарантирующих поставщиков в отношении каждой зоны их деятельности; определение минимальных и максимальных уровней цен на электрическую энергию; введение тарифов на энергию для населения и приравненных к нему категорий потребителей органами публичной власти субъектов РФ.

Торговля электрической энергией, будучи сферой правоотношений, подверженной определенным публично-правовым, в первую очередь антимонопольным, ограничениям, налагает на соответствующие товарные рынки особенности, предусмотренные законодательством о защите конкуренции. Товарный рынок определяется как сфера обращения товара, имеющая границы, в том числе географические, в пределах которых возможно или целесообразно приобрести товар, согласно п. 4 ст. 4 Закона о защите конкуренции. В рамках каждого розничного рынка предполагается наличие общих для рынка именно этого региона, условий обращения товаров, в соответствии с которыми хозяйствующие субъекты конкурируют друг с другом, а также определение фактов нарушения таких условий, включая недобросовестное и (или) неправомерное воздействие со стороны субъектов, занимающих доминирующее положение на них, в соответствии с п. 7 и 17 ст. 4, ч. 1 и 8 ст. 5 Закона о защите конкуренции.

При наличии же единого рынка, внутри которого отдельные хозяйствующие субъекты не будут связаны географическими и (или) экономическими границами торговли, исключается возможность определения условий оборота товара для каждого из регионов и контроля за соблюдением подобными лицами антимонопольных ограничений. Поскольку их доминирующее положение определяется через долю на товарном рынке, а установить ее на общефедеральном уровне практически невозможно, постольку ни одно лицо не подпадет под

критерии доминирующего положения, предусмотренные ч. 3 ст. 5 Закона о защите конкуренции (доля на товарном рынке более 50% и т.д.).

Иными словами, единый рынок предполагает существование единых условий оборота товара, а для розничного рынка электроэнергии такая возможность исключена, поскольку, учитывая наличие публично-правового воздействия на розничное ценообразование, для одной и той же категории потребителей действуют различные условия приобретения электроэнергии в разных частях Российской Федерации (т.е. в границах субъектов РФ и (или) муниципальных образований).

Таким образом, целью создания множества розничных рынков является предоставление возможности учета региональных особенностей их функционирования. В первую очередь к ним относится уже упомянутое тарифное регулирование. Закон об электроэнергетике исходит из установленных в абз. 6, 8 и 10 ч. 1 ст. 6 принципов соблюдения баланса экономических интересов поставщиков и потребителей электроэнергии и обеспечения государственного регулирования деятельности субъектов электроэнергетики, в том числе путем применения мер государственного регулирования цен (тарифов). Введение регулируемого ценообразования имеет две базовые цели: установление цены на товар, соотносимой с объективными экономическими возможностями большей части наиболее уязвимой категории потребителей (население), и обеспечение при этом обоснованного уровня возмещения необходимых расходов организации, продающей такой товар. Первопричиной данного законодательного подхода является социальная значимость товара¹²² и обеспечение его доступности потребителю.

Итак, тарифное регулирование осуществляется отдельно по каждому товарному рынку электроэнергии. При этом в процессе формирования и установления экономически доступной цены на электроэнергию, детализируемой

¹²² См.: Изотова А. В., Степаненко И. Н., Головка М. С. и др. Государственное ценовое регулирование рынков электрической энергии и мощности: учебное пособие / отв. ред. И. В. Редькин. М.: АНО «Учебный центр НП «Совет рынка», 2013. С. 65.

на региональных уровнях и по различным категориям потребителей, учитывается не столько стоимость ее производства и приобретения на оптовом рынке, сколько минимально необходимые расходы регулируемых организаций в каждом регионе (различная стоимость товаров, работ и услуг, в том числе инфраструктурных, требуемых для обеспечения энергоснабжения, расходы на фонд оплаты труда, зависящие от среднего уровня заработных плат по субъектам РФ, и многие другие), а также предельная платежеспособность населения на данный энергоресурс.

Аналогичные подходы используются и в других правопорядках. В Германии границы розничных рынков определяются по границам балансовой принадлежности объектов электросетевого хозяйства эксплуатирующих организаций, в пределах каждой земли и внутри соответствующих сетевых зон¹²³. Указанный вывод подтверждается и практикой Верховного суда ФРГ, согласно которой оптовый рынок относится к общефедеральному, а розничные – к региональным¹²⁴. Стоит оговориться, что иногда в правоприменительной практике органов исполнительной власти Германии встречаются и иные правовые позиции, отмечающие, что розничный рынок тоже может расцениваться как общефедеральный¹²⁵, однако такие правовые выводы, как представляется, актуальны только для целей антимонопольного контроля за экономической концентрацией групп компаний.

Еще более наглядная демаркация розничных рынков электроэнергии наблюдается в правопорядке США, где розничная торговля отнесена к ведению каждого отдельного штата, детализирующего большую часть условий оборота товара на нем¹²⁶.

¹²³ См., например, absatz 2 § 36 EnWG. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/BJNR197010005.html#BJNR197010005BJNG000800000 (дата обращения: 18.10.2021).

¹²⁴ См.: Маркерт К. Антимонопольный контроль цен на электроэнергию // Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П. Г. Лахно и Ф. Ю. Зеккера; пер. Е. В. Тимофеевой. Рус. изд. М.: Юрист, 2011. С. 289; BGH, Beschluss vom 11.11.2008 – KVR 60/07.

¹²⁵ Там же. С. 289; Bundeskartellamt 8. Beschlussabteilung B 8 – 107/09.

¹²⁶ См.: Electricity regulation in the United States: overview by Mark F Sundback, Bill Rappolt and Andrew P Mina, Sheppard Mullin LLP. URL: <https://content.next.westlaw.com/8-525->

Наиболее верным и обоснованным представляется сформированный законодателями и правоприменителями подход к розничным рынкам электроэнергии как к самостоятельным региональным структурам, имеющим свои особенности, субъектный состав и т.д. При этом справедливо использование термина «розничный рынок электрической энергии» в случае, когда речь идет о конкретном территориальном товарном рынке.

Требуется расширить в российском законодательстве нормы, позволяющие в большей мере учитывать особенности функционирования каждого из розничных рынков, в особенности условия торговли на них.

В контексте вопроса о причинах и целесообразности создания и использования множества розничных рынков электроэнергии стоит упомянуть о введении биржевой торговли электроэнергией.

Иногда обсуждается возможность биржевой торговли электрической энергией¹²⁷ и отмечается, что в целом оборот энергии на оптовом рынке является адаптированной моделью биржи¹²⁸.

Изучение данного вопроса, как представляется, может касаться лишь оптового рынка электрической энергии. Данная правовая конструкция неприменима к розничным отношениям по множеству причин. Среди них, в частности: потребность в администрировании торгов, что крайне затруднительно в условиях многомиллионного числа потребителей; невозможность организации непрерывного энергоснабжения при наличии потребности в систематическом приобретении определенного количества энергии; неопределенность в порядке обеспечения гарантированного энергоснабжения.

5799?__lrTS=20201130212309940&transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true (дата обращения: 19.10.2021).

¹²⁷ См., например: Вильданова М. М. Обеспечение прав поставщиков и покупателей на биржевом рынке // Правовой энергетический форум. 2016. № 4. С. 17–21; Мубарякова Э. А. Перспективы развития биржевой торговли энергоресурсами в Российской Федерации: правовые аспекты // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 4. С. 36–41.

¹²⁸ См.: Свирков С. А. Правовая природа договоров, направленных на реализацию электроэнергии на оптовом рынке // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 2. С. 168–173.

Единство договорных отношений по снабжению электрической энергией на розничных рынках и в сфере жилищных правоотношений.

Российское право, напомним, искусственно разделяет регулирование договора энергоснабжения и договора о предоставлении коммунальной услуги по электроснабжению, что подтверждается положениями ЖК РФ (например, п. 10 ч. 1 ст. 4) и Закона об электроэнергетике (ст. 1).

Обозначенный подход находит отражение в доктрине. Отмечается, что право на предоставление коммунальных услуг, к которым отнесена и коммунальная услуга по электроснабжению, входит в структуру конституционного права граждан на жилище¹²⁹, а значит, и в предмет регулирования жилищного законодательства, и в структуру предмета жилищного права.

В свою очередь, представители школы энергетического права, анализируя содержание частноправовых отношений в сфере энергетики, говорят о договорах поставки электрической энергии и мощности через призму законодательства, регулирующего отдельные виды отношений в данной сфере¹³⁰. Аналогичную позицию о договоре энергоснабжения как о сделке, обеспечивающей оборот электрической энергии на розничных рынках в понимании Закона об электроэнергетике, занимают и многие другие авторы, исследующие данные проблемы¹³¹.

Некоторые авторы, рассматривая правовую природу договора ресурсоснабжения, опосредующего отношения между поставщиками энергии и

¹²⁹ См.: Крашенинников П. В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020 (§ 1. Право граждан на жилище главы 1 части I Общая часть жилищного права), СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁰ См.: Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник. С. 129, 130, 487, 488.

¹³¹ См., например: Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. С. 226, 236, 237; Салиева Р. Н., Фаткудинов З. М., Чижиков Ю. Н. Правовое регулирование хозяйственных (предпринимательских) отношений в топливно-энергетическом комплексе: учебное пособие. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011, С. 156, 157, 162–170; Вершинин А. П. Энергетическое право: учебно-практической курс. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2007. С. 212.

исполнителями коммунальных услуг, определяют его место на стыке жилищного и отраслевого законодательства, указывая на взаимосвязанность таких норм¹³².

С учетом изложенного представляется, что разграничительная черта, которая проводится рядом ученых между договорными отношениями по энергоснабжению на розничных рынках и на рынке жилищно-коммунальных услуг, не вполне обоснована и влечет возникновение научных и практических споров.

Поддержки заслуживает позиция о нецелесообразности включения в предмет жилищного права ряда вопросов, которые не относятся к непосредственно жилищным, например, отношения по водоснабжению¹³³. Разумеется, это касается (в силу идентичности правоотношений по поводу различных разновидностей ресурсов) и отношений по поставке энергоресурсов.

Названная позиция справедлива и обоснована, поскольку исследуемые договорные отношения относятся к отраслевому и гражданско-правовому регулированию, а интервенция иных сфер законодательства должна допускаться исключительно для учета точечных особенностей, но не заменять сложившуюся структуру правовой регламентации договора энергоснабжения. В противном случае правовая действительность будет сталкиваться с коллизией норм, что повлечет известные негативные последствия.

Вместе с тем избежать дискуссий в данной сфере вряд ли удастся, пока существует их нормативная первооснова, а именно – неоднозначное правило п. 4 ст. 539 ГК РФ, предоставляющее приоритет в регламентации отношений по снабжению электрической энергией (ст. 548 ГК РФ) иным законам и правовым актам.

¹³² См.: Канцер Ю. А. Ресурсоснабжение жилищно-коммунального хозяйства России: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. В. А. Вайпан. М.: Юстицинформ, 2017.

¹³³ См.: Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Развитие кодификации жилищного права (п. 2) // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019, СПС «КонсультантПлюс».

Результатом доктринальной¹³⁴ и практической¹³⁵ дискуссий о приоритете отраслевого – электроэнергетического законодательства стало признание такого приоритета.

Однако это не снимает проблемы в отношении общей дискуссии о приоритетах в данной сфере, поскольку остались неразрешенными два вопроса: а) отдает ли ГК РФ приоритет Жилищному кодексу РФ в правовом регулировании коммунальной услуги по электроснабжению; б) как соотносятся положения об энергоснабжении ЖК РФ и Закона об электроэнергетике и принятые в соответствии с ними нормативные правовые акты?

На первый вопрос ответ может быть только утвердительным. Во-первых, отношению по предоставлению этой коммунальной услуги являются разновидностью договора энергоснабжения, о чем было сказано ранее. Во-вторых, сформирована устойчивая правоприменительная практика, поддерживающая позицию о приоритете ЖК РФ как специального нормативного правового акта¹³⁶.

Более сложным является вопрос о конкуренции двух специальных отраслей законодательства (жилищного и в сфере электроэнергетики) как между собой, так и по отношению к ГК РФ.

¹³⁴ Подобной точке зрения придерживается множество ученых-цивилистов. См., например: Шилов О. Ю. Спорные вопросы судебной практики по договорам энергоснабжения: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012 (§ 2 «Правовое регулирование договоров энергоснабжения, заключаемых исполнителями коммунальных услуг с ресурсоснабжающими организациями»), СПС «КонсультантПлюс»; Клейн Н. И. Актуальные вопросы применения норм Гражданского кодекса РФ о договоре купли-продажи (п. 2) // Гражданское право и современность: сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В.Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко. М.: Статут, 2013, СПС «КонсультантПлюс»; Яковлев В. Ф., Лахно П. Г. Энергетическое право как комплексная отрасль права России // Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012, СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁵ См.: Решение ВАС РФ от 17.06.2013 № ВАС-1600/13 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 53 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утв. постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442»; письмо ФАС России от 21.01.2016 № ВК/2842/16 «О рассмотрении обращений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁶ См. п. 10 ч. 1 ст. 4 ЖК РФ; постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.05.2021 № Ф07-2554/2021 по делу № А66-11312/2019, от 16.07.2020 № Ф07-6907/2020 по делу № А21-584/2018, постановление ФАС Волго-Вятского округа от 14.01.2010 по делу № А28-6289/2009, постановление ФАС Центрального округа от 24.04.2013 по делу № А36-5292/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

На первый взгляд, отношения по предоставлению коммунальной услуги находятся в предмете жилищного законодательства, а снабжение иных потребителей относится к законодательству об электроэнергетике. Такое разграничение отстаивается в доктрине и правоприменительной практике – при снабжении энергетическими ресурсами жилых домов и помещений на систему правового регулирования накладывается жилищное законодательство, как приоритетное в вопросах защиты социальных и экономических интересов граждан¹³⁷. А отраслевое законодательство, определяющее порядок и условия предоставления энергетических ресурсов, при поставке энергии для нужд населения многоквартирных и жилых домов должно применяться, в силу ЖК РФ, по остаточному принципу, т.е. в неурегулированной части¹³⁸. Вместе с тем полная идентичность отношений по купле-продаже электроэнергии на розничных рынках и по ее предоставлению в качестве коммунальной услуги не позволяет с этим согласиться.

Единственной объективной особенностью, раскрытой именно в жилищном законодательстве, выступает повышенная правовая защита граждан – потребителей коммунальных услуг (населения), как наиболее слабой и наименее профессиональной стороны договорных отношений по энергоснабжению среди всех категорий потребителей. Представляется, что различные особенности, связанные, например, с иными требованиями к порядку внесения платы по договору, нельзя признать достаточными для создания параллельной, целостной системы правового регулирования договорных отношений по энергоснабжению, отличной от положений и ГК РФ, и Закона об электроэнергетике.

Более того, изначально отдельные требования относительно деятельности по снабжению граждан уже были заложены в ст. 39 Закона об электроэнергетике, а анализ последних законодательных новелл позволяет утверждать о все большем

¹³⁷ См.: Шиловост О. Ю. Спорные вопросы судебной практики по договорам энергоснабжения: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012, СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁸ См., например, постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2021 № 19АП-1816/2021 по делу № А35-9409/2019, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.08.2019 № Ф10-3525/2018 по делу № А14-3443/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

сближении и унификации законодательных об электроэнергетике и жилищного законодательства в сфере договорных отношений по энергоснабжению. Например, с 2015 г. именно Закон об электроэнергетике предусматривает договорную ответственность в виде неустойки за несвоевременную и (или) неполную оплату по договору энергоснабжения, в том числе для отдельных участников жилищных правоотношений¹³⁹. Внесенные в 2018 г. изменения, возложившие на гарантирующих поставщиков и сетевые организации обязанность по установке (замене) приборов учета и созданию интеллектуальных систем учета электрической энергии наглядно демонстрируют усиление интервенции отраслевого законодательства в жилищное¹⁴⁰.

Наличие правовой разрозненности в регулировании одних и тех же договорных отношений порождает досудебные, судебные и иные разногласия, а ведь их могло и не быть, если бы не множественность правовых норм, применимость и взаимосвязь которых сложно установить в нередких спорных ситуациях¹⁴¹.

¹³⁹ См.: Федеральный закон от 03.11.2015 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» // СЗ РФ.2015. № 45. Ст. 6208.

¹⁴⁰ См., например: абз. 5 ч. 5 ст. 37 Закона об электроэнергетике делегирует порядок установки (замены) приборов учета у граждан Правилам предоставления коммунальных услуг № 354, входящим в сферу жилищного законодательства, а эти же Правила в п. 80 (1) и иных реверсивно устанавливают для определенных случаев отсылочные нормы на Основные положения № 442, относящиеся к законодательству об электроэнергетике.

¹⁴¹ В частности, возникают проблемы с определением периода безучетного потребления электроэнергии, поставляемой для бытовых потребителей. В связи с тем, что Правила № 354 не позволяют однозначно определить период безучетного потребления, то поставщики, как правило применяют в порядке аналогии закона правила Основных положений. Однако судебная практика (например, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.06.2020 по делу № 88-8690/2020, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.03.2019 № 09АП-4609/2019 по делу № А40-225909/18) преимущественно исходит из недопустимости такого подхода, в некоторых случаях (например, Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 28.07.2015 по делу № 33-7100/2015) отмечая идентичность положений Правил № 354 и Основных положений, что нельзя признать в полной мере верным. Также наглядным примером служит регулирование порядка определения периода и объема безучетного потребления в нежилых помещениях в многоквартирном доме, которые согласно изменениями в п. 62 Правил № 354, внесенным постановлением Правительства РФ от 26.12.2016 № 1498 «О вопросах предоставления коммунальных услуг и содержания общего имущества в многоквартирном доме», определяются в соответствии с требованиями Основных положений.

Конституционный Суд РФ неоднократно озвучивал принцип правовой определенности, обязывающий излагать законодательство с достаточной степенью точности и доступности для восприятия и уяснения субъектами правоотношений, и принцип стабильности законодательного регулирования, обеспечивающий предсказуемость законодательной политики и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм¹⁴².

Можно ли считать, что сложившаяся система законодательного регулирования договорных отношений по энергоснабжению отвечает указанным правовым принципам? В определенной мере нет, поскольку единые правоотношения фактически разделяются между двумя обозначенными сферами правового регулирования (жилищное и отраслевое), порождая правовую неопределенность.

Представляется, что договорные отношения по энергоснабжению для всех категорий потребителей должны регулироваться исключительно отраслевым законодательством об электроэнергетике, обеспечивая тем самым единство регламентации и подверженность их общим принципам правового регулирования. Такой подход позволит предотвратить возникновение правовых пробелов и минимизировать спорные ситуации.

Кроме того, подобное объединение системы законодательства, регулирующей идентичные правоотношения, приведет к снятию ряда дополнительных рисков для субъектов электроэнергетики и потребителей. В частности, снизится административная нагрузка на субъектов электроэнергетики, связанная с проверкой соблюдения фактически одних и тех же требований несколькими контрольно-надзорными органами. Унифицируются условия энергоснабжения, в особенности требования к заключению, исполнению и расторжению договоров. Будут решены проблемы, возникающие при заключении договоров энергоснабжения потребителями категории «население» путем совершения конклюдентных действий, что приводит к обезличенности

¹⁴² См., например: Определения КС РФ от 28.09.2021 № 2090-О, от 24.12.2020 № 2962-О, Постановление КС РФ от 27.03.2018 № 13-П // СПС «КонсультантПлюс».

потребителя и затрудняет (а иногда и делает невозможным) его идентификацию как для целей договорной работы (например, предложение индивидуально-определенных условий энергоснабжения), так и для претензионно-исковых действий (взыскание задолженности и проч.).

Потребителям единая структура правового регулирования отношений по энергоснабжению обеспечит прозрачность условий покупки и использования электроэнергии, что повысит защищенность их интересов при взаимодействии с поставщиками энергии, а также позволит определять экономически наиболее выгодные параметры энергоснабжения.

Для сравнения: в американском и германском правопорядках энергоснабжение и граждан, и прочих категорий потребителей определяются едиными требованиями в сфере электроэнергетики.

EnWG дал понятия как бытового потребителя, так и потребителя в целом, определив, что к первым относятся конечные потребители, приобретающие энергию для собственных личных или хозяйственных (коммерческих, сельскохозяйственных и иных) нужд в объеме, не превышающем 10 тыс. кВт/ч в год, а к потребителям в целом отнесены: оптовые покупатели, физические и юридические лица, приобретающие энергию¹⁴³.

Отдельно отметим, что германский нормативный подход к вопросу определения понятия «потребитель» решает одну из наболевших (во всяком случае, для российского правоприменения) проблем – выявление и разграничение коммунального (бытового) и коммерческого потребления электрической энергии в ситуациях, когда граждане осуществляют предпринимательскую деятельность в принадлежащих им жилых помещениях, но не информируют об этом поставщика энергии и продолжают приобретать ресурс по более низким ценам (тарифам), установленным для населения, тем самым создавая себе дополнительные экономические выгоды, в том числе за счет поставщика ресурсов¹⁴⁴.

¹⁴³ Absatz 22, 24 § 3 EnWG.

¹⁴⁴ См., например: Апелляционное определение Тульского областного суда от 10.03.2021 по делу № 33-846/2021, Апелляционное определение Тверского областного суда от 25.04.2019 по делу № 33-1825/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что определение потребителя и бытового потребителя в EnWG препятствует возникновению подобных ситуаций, разграничивая личное и коммерческое потребление для граждан объемом годовых договорных обязательств.

При этом наличие в немецком правовом порядке единого правового акта, регулирующего условия энергоснабжения всех категорий потребителей, не препятствует в создании повышенных мер защиты для населения как наиболее слабой стороны договорных отношений, в том числе за счет предъявления дополнительных требований к заключению и исполнению договоров с гражданами – потребителями электроэнергии в коммунальных целях¹⁴⁵.

Схожий подход реализован в США, где отсутствует разделение отраслевого и жилищного законодательства применительно к энергоснабжению¹⁴⁶, а понятие потребителя электрической энергии на федеральном уровне не разграничивается по целям снабжения и иным признакам – потребителем является любое лицо, приобретающее электрическую энергию для любых целей, за исключением ее перепродажи¹⁴⁷. Идентичный подход устоялся и на уровне штатов¹⁴⁸.

Можно резюмировать, что целесообразность создания специальных правовых гарантий защиты бытовых потребителей не оправдывает избыточность существования двух параллельных правовых систем регулирования договорных отношений по энергоснабжению, особенно в условиях отсутствия конститутивных

¹⁴⁵ К таким могут быть отнесены, например, обязанности поставщиков энергии объявлять общие условия и цены энергоснабжения для бытовых потребителей (abs. 1 § 36 EnWG), возможность уполномоченных органов исполнительной власти ФРГ определять цены и иные особенности снабжения населения (abs. § 38 EnWG) и т.д.

¹⁴⁶ В 2005 г. принят Energy Policy Act, определяющий общие направления регулирования и развития электроэнергетики и распространяющий свою сферу действия на все рынки электрической энергии, включая коммунальный. URL: <https://www.congress.gov/109/plaws/publ58/PLAW-109publ58.pdf>.

¹⁴⁷ См.: Paragraph 5 § 2602. Definitions Chapter 46 Title 16 U.S. Code. URL: [https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=\(title:16%20section:2602%20edition:prelim\)%20OR%20\(granuleid:USC-prelim-title16-section2602\)&f=treesort&num=0&edition=prelim](https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=(title:16%20section:2602%20edition:prelim)%20OR%20(granuleid:USC-prelim-title16-section2602)&f=treesort&num=0&edition=prelim) (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁴⁸ См., например: Article 12 Consumer Protection of California Public Utilities Code. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PUC&division=1.&title=&part=1.&chapter=2.3.&article=12.

отличий как в правовом регулировании, так и в экономических и технических аспектах.

Таким образом, стоит говорить о розничных рынках электроэнергии как о товарном рынке оборота электроэнергии и в коммерческих целях, и в личных, бытовых нуждах, что требует изменения сложившегося законодательного подхода путем исключения из жилищного законодательства соответствующих правовых норм и закрепления необходимых гарантий прав граждан в законодательстве об электроэнергетике (государственное регулирование цен для социально незащищенных категорий граждан, дополнительные требования к заключению, исполнению и расторжению договоров и проч.).

Несмотря на то, что в действующей системе правового регулирования российский законодатель разграничивает подходы к энергоснабжению и предоставлению одноименной коммунальной услуги, для целей настоящей диссертации договорные отношения по энергоснабжению будут рассматриваться как единые, с акцентом, в необходимых случаях, на содержащейся в жилищном законодательстве специфике.

Субъектный состав розничных рынков электрической энергии. Статья 539 ГК РФ указывает на две укрупненные категории субъектов розничных рынков электроэнергии и, соответственно, стороны договора энергоснабжения: поставщик энергии (энергоснабжающая организация) и абонент (потребитель). Такая классификация признается наиболее общей¹⁴⁹.

Статья 37 Закона об электроэнергетике детализирует классификацию: потребители электроэнергии, поставщики энергии (гарантирующие поставщики, энергосбытовые организации, производители электрической энергии на розничных рынках), сетевые организации и субъекты оперативно-диспетчерского управления. Другими словами, выделяются три группы субъектов: потребители, поставщики и инфраструктурные организации¹⁵⁰.

¹⁴⁹ См., например: Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник. С. 108, 111, 112.

¹⁵⁰ Поскольку инфраструктурные организации не являются непосредственными участниками оборота энергии в том смысле, что не занимаются ее торговлей (сбытом, распределением), и,

Представляется верной и заслуживающей внимания классификация субъектов розничных рынков на профессиональных и непрофессиональных¹⁵¹.

Фактически в существующих исследованиях критерий «профессиональности» сведен к формальному подходу: является ли данное лицо хозяйствующим субъектом в сфере электроэнергетики или нет¹⁵². Однако такие выводы нельзя признать состоятельными. Критерий профессиональности должен содержать два взаимосвязанных признака:

1) качественный (правовой) — возможность добросовестного, правомерного участия в формировании, исполнении и прекращении договорных связей по энергоснабжению путем закрепления условий договора, надлежащего его исполнения и, при необходимости, прекращения, с одновременным возложением повышенных требований к такому участию (дополнительная ответственность и др.);

2) количественный (технико-экономический) — наличие достаточного объема специальных технологических, технических и (или) экономических навыков и (или) познаний у субъекта товарного рынка электроэнергии, что позволяет ему оценивать параметры энергоснабжения и принимать решения о соотношении их текущих значений запрашиваемым, требуемым конкретному субъекту, а также обеспечивать условия для надлежащего снабжения.

Субъекты электроэнергетики в понимании Закона об электроэнергетике и Основных положений должны быть априори профессиональны, поскольку они выступают на стороне, исполняющей тот или иной договор, и от их специфических знаний и навыков зависит точность соблюдения публично-правовых требований надежности и безопасности энергоснабжения.

соответственно, договора энергоснабжения, анализ их правового положения и особенности заключаемых с ними договоров (договоры на оказание услуг по передаче электрической энергии, договоры на приобретение электрической энергии в целях компенсации потерь и договоры на оказание услуг по оперативно-диспетчерскому управлению) не входит в предмет настоящего исследования, однако, несомненно, будет учитываться в тех случаях, когда это уместно и когда без соответствующего анализа невозможно установить и (или) разрешить тот или иной правовой пробел, научно- или практико-правовую проблему.

¹⁵¹ См.: Краснопольский С. О. Указ. соч. С. 47.

¹⁵² Там же. С. 82.

Если говорить о субъектах розничных рынков электроэнергии, включая потребителей¹⁵³, то их разделяют на профессиональных (поставщики) и непрофессиональных (потребители) участников рынка, однако возникает правовой вопрос о возможности отнесения некоторых потребителей (в определенном смысле) одновременно к обеим категориям.

Так, ввиду совершенствования технологическо-экономической составляющей электроэнергетики появляется новый подвид – активный потребитель¹⁵⁴, который, например, использует объекты микрогенерации¹⁵⁵, обеспечивающие как его собственное снабжение, так и продажу в энергосистему избыточной электроэнергии.

Может ли потребитель, одновременно участвующий в обороте электроэнергии в качестве продавца энергии, относиться к категории профессиональных участников рынка? Ответ положительный, поскольку такой потребитель, реализуя свое законное право на отпуск электрической энергии в общую сеть, должен нести ответственность за ее качество, обеспечение повышенных требований к коммерческому учету и соблюдение иных характеристик. Идентичный подход распространяется и на других, на первый взгляд непрофессиональных участников рынка, таких как иные владельцы объектов электросетевого хозяйства. Зачастую к ним относятся лица, которые ранее были сетевыми организациями, но по определенным причинам утратили данный правовой статус. Несмотря на это, они продолжают частично исполнять публично-правовые функции по перетоку электроэнергии и нести коррелирующие им гражданско-правовые обязанности по содержанию своих объектов, причем КС РФ указал на возмездность указанных обязанностей, поскольку они компенсируются за счет тарифицируемой деятельности сетевой организации, в зону работы которой перешли соответствующие потребители¹⁵⁶.

¹⁵³ См. п. 3 Основных положений.

¹⁵⁴ См. раздел «Электроэнергетика» гл. 1 разд. IV Энергетической стратегии РФ до 2035 года.

¹⁵⁵ См.: Символоков О. А. Формирование гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации // Гражданское право. 2020. № 4. С. 7–10.

¹⁵⁶ Подробнее об этом см.: Символоков О. А., Максименко П. Н. Консолидация объектов распределительного электросетевого комплекса на основе гражданско-правового механизма

Еще более интересным становится указанный вопрос в ситуации, когда правоотношения по купле-продаже электроэнергии возникают между двумя потребителями, например, внутри многоквартирного дома, оборудованного солнечными батареями, если у одного из них образуется избыток, а у другого недостаток энергии.

На данный момент ни российский, ни зарубежный правопорядки не содержат правовых норм, применяемых к таким правоотношениям, однако они уже появляются на практике¹⁵⁷ и изучаются юридической наукой¹⁵⁸. При буквальном подходе потребитель-поставщик в таких отношениях воспринимается как профессиональный участник рынка, поскольку для сбыта энергии своему соседу он должен соблюсти все или большинство требований, предъявляемых к классическому поставщику энергии. Однако подобные взаимоотношения потребителей скорее подлежат классификации как псевдо-профессиональные, поскольку ни у одной из сторон договора энергоснабжения нет, во всяком случае в настоящее время, фактической возможности соблюдать организационные требования к торговле электрической энергией. В перспективе возможно либо распределение профессиональных обязанностей между такими контрагентами, либо, что более приоритетно, императивное привлечение поставщика энергии для организации технических и технологических требований торговли (коммерческий учет, контроль качества ресурса и т.д.).

обязательной аренды // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В. М. Жуйков, О. В. Гутников, С.А. Сеницын, М. Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД «Юриспруденция», 2021. С. 64–78; Максименко П. Н. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации о вмешательстве в право частной собственности на объекты электросетевого хозяйства: недосказанное. С. 282, 283.

¹⁵⁷ URL: <https://www.frankfurt-energy.de/en/products-services/energy-trading-platforms/>; <https://www.weforum.org/agenda/2018/08/in-a-posh-bangkok-neighbourhood-residents-trade-energy-with-blockchain>.

¹⁵⁸ См.: Eisen J. B., Mormann F. Free Trade in Electric Power, 2018 Utah L. Rev. 49, P. 17, 19, 20.

При наличии особого правового статуса потребителя, в первую очередь связанного с созданием повышенных гарантий его защиты¹⁵⁹, и при одновременном возникновении новых, активных форм его участия в процессе энергоснабжения (в том числе на уровнях, близких к профессиональному), одним из направлений развития электроэнергетики должно стать законодательное закрепление понятия «профессиональный потребитель», который помимо ограниченного права торговли на рынке может иметь и иные инклюзивные возможности при контрактации. Например, право перехода на заключение полностью нерегулируемых договоров энергоснабжения на розничных рынках по аналогии с тем, как подобные договоры заключаются на оптовом рынке. Для розничного сегмента энергетики это будет новеллой, но в принципе нечто подобное российскому законодателю известно (например, квалифицированные в порядке ст. 51.2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹⁶⁰ розничные инвесторы имеют доступ к большому количеству инвестиционных инструментов на фондовой бирже).

Другим критерием категорирования является разделение субъектов розничных рынков на регулируемых и нерегулируемых. К основным критериям такой классификации можно отнести:

- воздействие ценового (тарифного) регулирования на договорные отношения сторон;
- наличие и объем воздействия публично-правовых ограничений на договорные отношения, помимо внерыночного ценообразования.

Первый критерий закреплен в ч. 3 ст. 23.1 Закона об электроэнергетике, определяющей перечень цен (тарифов) на розничных рынках, подлежащих государственному регулированию. Ценовое регулирование носит реверсивный обязательственный характер, т.е. возлагает как на потребителя, так и на поставщика энергии обязанность осуществлять торговлю по регулируемой цене, исключая их

¹⁵⁹ См.: Шувалов И. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 252, 253.

¹⁶⁰ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

возможность договориться об иных стоимостных условиях продажи и приобретения энергии.

Как правило, под первый признак подпадают все лица, участвующие в обороте энергии в качестве коммунальной услуги (ресурса), в том числе полностью или преимущественно дерегулированные, включая независимые энергосбытовые организации¹⁶¹, поскольку ни жилищное, ни отраслевое законодательство не позволяет осуществлять сбыт энергии населению и приравненным к ним категориям потребителей по свободным, рыночно образуемым ценам.

Гарантирующие поставщики подвержены воздействию тарифного регулирования в договорных отношениях с любой категорией потребителей, при этом абсолютно тарифицировано только энергоснабжение населения (и приравненных к нему категорий). В правоотношениях с иными потребителями энергия реализуется в зависимости от их ценовой категории, предопределяющей состав конечной стоимости энергии для абонента с учетом ее нерегулируемой части (оптовая цена) и регулируемых элементов (тариф на услуги по передаче, сбытовая надбавка и др.)¹⁶². Сама же условная предпринимательская составляющая энергосбытовой деятельности гарантирующего поставщика – сбытовая надбавка – также подлежит установлению региональными тарифными органами¹⁶³.

Говоря о втором критерии, с уверенностью можно утверждать, что гарантирующие поставщики также находятся под его полным воздействием, подтверждаемым, например, их обязанностью фактического согласования проектов договоров энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности)) с антимонопольным органом, в соответствии с абз. 3 п. 33 Основных положений.

¹⁶¹ См. п. 62, 63 и иные Правил ОРЭМ.

¹⁶² См. п. 86–94 Основных положений.

¹⁶³ См.: Пункт 64 Основ ценообразования, приказ ФАС России от 21.11.2017 № 1554/17 «Об утверждении методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов» // СПС «КонсультантПлюс».

Формально-юридически считается, что независимые энергосбытовые организации и розничные производители не подвержены значимым публично-правовым ограничениям в договорных отношениях по энергоснабжению. Однако, например, договорные отношения по энергоснабжению с производителем энергии осложнены публично-правовым установлением *трехсторонней* договорной связи, согласно которой у потребителя, имеющего договор купли-продажи электроэнергии с розничной генерацией, одновременно должен быть заключен договор энергоснабжения с гарантирующим поставщиком в соответствии с п. 65 Основных положений.

Политико-правовой смысл такой усложненной договорной конструкции обусловлен необходимостью сочетания двух принципиальных начал функционирования отрасли: с одной стороны – надежность и бесперебойность энергоснабжения, с другой – использование рыночных отношений и конкуренции в целях удовлетворения спроса на товар, находящийся в гражданском обороте. Иными словами, абонент, реализующий свое право на свободный выбор поставщика энергии, подлежит пропорциональной защите от риска невозможности этим поставщиком исполнения взятых на себя договорных обязательств по поставке ресурса, путем привлечения к таким отношениям гаранта надежности и бесперебойности энергоснабжения – гарантирующего поставщика, который в случае невыработки генератором необходимого абоненту количества энергии должен заместить недополученный объем, тем самым избавляя его от рисков неполучения товара.

Энергосбытовые организации, пожалуй, наиболее свободные участники розничных рынков электрической энергии, однако и они связаны определенными ограничениями.

Правовой статус энергосбытовой организации изначально предполагался как не подпадающий под жесткие рамки отраслевых требований, что должно было выступать основным конкурентным преимуществом. Однако фактическая ситуация сложилась иным образом. Например, анализируя ст. 541 ГК РФ, можно сделать вывод о допустимости энергоснабжающей организации и абонента

определять количество электроэнергии, подлежащей поставке, т.е. в указанной правовой норме заложены основы формирования различных договорных условий, связанных с объемами поставки (по показаниям приборов учета, поставка фиксированного количества ресурса и т.д.). В развитие этой нормы ВАС РФ отметил: если договор энергоснабжения подвержен воздействию тарифного регулирования, то расчет должен производиться только за фактически поставленное количество энергии (т.е. в отношениях с гарантирующим поставщиком и в случаях, когда абонентом является население и (или) приравненные к нему потребители), а в остальных случаях допустимо достижение сторонами иного договорного условия о количестве поставляемой энергии¹⁶⁴. Но п. 55 Основных положений подобную возможность не предоставил; прямо отсылая к расчету по показаниям приборов учета, он препятствует сторонам в определении иных договорных условий о количестве поставляемой энергии.

Независимые энергосбытовые организации действительно в меньшей мере ограничены в вопросах ценообразования и ряда иных при заключении сделок, но объем подобных правовых изъятий в пользу приоритета частно-правовых свобод незначителен. В связи с этим требуется качественная донастройка положений отраслевого законодательства, более подробно разъясняющая пределы свободы действий и усмотрения условно нерегулируемых участников розничных рынков электроэнергии.

Приведенные классификации имеют важное практическое и доктринальное значение. От правильности категорирования субъекта правоотношений будет зависеть и верность квалификации его действий. Например, в случае возникновения у потребителя сомнений в исправности прибора учета, т.е. фактически в правильности определения объема его обязательств по оплате, он, не являясь профессиональным участником рынка, не вправе по своему усмотрению признавать прибор учета непригодным для расчетов, поскольку это грозит необоснованным переходом в режим безучетного потребления энергии, что

¹⁶⁴ См. абз. 6 п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

ухудшит его договорное положение. Поэтому судебная практика исходит из справедливости руководствоваться заключением профессионального участника рынка о пригодности прибора учета к расчетам, что впоследствии исключит вину абонента и возложение на него правовых последствий установления непригодности прибора учета¹⁶⁵.

§ 2.2. Законодательные модели правового регулирования энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии

Публично-правовые основы гражданского оборота электроэнергии. Конституционные начала регулирования розничных рынков вытекают из положений ст. 7 и 9 Конституции РФ, закрепляющих создание в Российской Федерации условий, которые обеспечивают достойную жизнь и свободное развитие человека и определяют правовое положение земли и природных ресурсов в качестве основы жизни и деятельности.

Несмотря на то, что электрическая энергия непосредственно не относится к первичным природным ресурсам, прямо поименованным в Конституции РФ, она является вторичным природным и энергетическим ресурсом, имеющим естественное происхождение, что позволяет говорить о распространении на нее нормы Конституции РФ об использовании энергии как одной из основ жизнедеятельности общества.

И хотя вопрос о распространении базовых конституционных ориентиров на производные энергетические ресурсы является дискуссионным¹⁶⁶, стоит согласиться с представленной в науке точкой зрения о невозможности достойной жизни и свободного развития личности, общества без потребления электрической

¹⁶⁵ См., например: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.11.2020 № Ф10-4753/2020 по делу № А64-2600/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁶ См., например: Селиверстов С. С. К вопросу о понятии энергетического права // Энергетическое право. 2008. № 1, СПС «КонсультантПлюс».

энергии, тепла и иных природных ресурсов¹⁶⁷, из чего следует целесообразность расширительного толкования упомянутых положений Конституции РФ.

Конституционная значимость такого ресурса, как электрическая энергия, подтверждается и технологическим прогрессом. Если открытие электричества стало одной из первооснов Второй промышленной (технологической) революции, то сейчас общество находится в процессе Четвертой промышленной революции, характеризуемой повсеместным распространением интернета, роботизацией и цифровизацией множества сфер производства и т.д.¹⁶⁸

Без электроэнергии невозможны ни создание, ни использование каких-либо технологий Четвертой промышленной революции, поскольку все они функционируют при помощи энергии (в первую очередь электрической). С уверенностью можно утверждать, что и последующие промышленные революции будут иметь неразрывную связь именно с электроэнергией.

Доктринальное мнение об использовании природных ресурсов для защиты публичных интересов, включая те, которые гарантированы Конституцией РФ¹⁶⁹, также подтверждает справедливость утверждения, что электрическая энергия находится под воздействием закрепленного Конституцией РФ особого правового режима природных ресурсов как основы жизнедеятельности.

Гражданско-правовой оборот электроэнергии буквально «пропитан» публичными интересами, в первую очередь связанными с доступностью и надежностью энергоснабжения конечных потребителей. Кроме того, созданная в электроэнергетике разрешительная система¹⁷⁰, которая распространяется и на

¹⁶⁷ См.: Лахно П. Г. Правовое регулирование организации и функционирования энергетических рынков // Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017, СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁸ См.: Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019, СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁹ См.: Галиновская Е. А. Разрешения в сфере землепользования и недропользования // Разрешительная система в Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015, СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁰ См.: Акимов Л.Ю. Разрешения в сфере электроэнергетики // Разрешительная система в Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015, СПС «КонсультантПлюс».

гражданско-правовые основы организации товарообмена, связанные с доступом поставщиков на рынок, воздействием на ценовые и многие другие параметры торговли, также проистекает из упомянутых конституционных норм.

Некоторые конституционалисты отмечают, что именно нормы конституционного права определили базовые принципы энергетической деятельности, в частности: принцип сохранения стабильных отношений с потребителями, принцип энергетической безопасности, принцип развития социального партнерства бизнеса и общества и другие¹⁷¹, находящие отражение и в розничном обороте электроэнергии.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что ряд отраслей экономики, включая электроэнергетику, относится к тем сферам правоотношений, в которых должна достигаться адекватность, пропорциональность и соразмерность между гражданско-правовыми ценностями (свобода предпринимательской деятельности, свобода договора и др.) и публично-правовыми ограничениями, необходимыми для защиты конституционных ценностей, а государственное вмешательство должно обеспечивать частное и публичное начала в экономической деятельности¹⁷².

Проведенный анализ показывает, что в рамках торговли электроэнергией на розничных рынках должны обеспечиваться две основные категории публичных интересов:

- 1) безусловность, гарантированность доступа к электрической энергии, как к одному из основных ресурсов, необходимых для повседневного существования людей, их объединений, общества;
- 2) повышенная правовая защита прав потребителей, включая возможность льготного энергоснабжения социально-уязвимых абонентов.

¹⁷¹ См.: Комарова В. В., Пастухова Н. Б., Садовникова Г. Д. и др. Конституционные основы энергетического права: учебное пособие / под ред. В. В. Комаровой. М.: КНОРУС, 2016. С. 19–21.

¹⁷² См., например, п. 2 Определения КС РФ от 04.10.2012 № 1813-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса губернатора Красноярского края о проверке конституционности положений пунктов 2 и 3 статьи 23 Федерального закона «Об электроэнергетике» и постановлений Правительства Российской Федерации «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» и «О ценообразовании в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации» // Вестник КС РФ. 2013. № 2.

Признавая значимость и необходимость соблюдения данных общественных интересов, нельзя игнорировать другие публично-правовые ориентиры построения товарного оборота, также закрепленные Конституцией РФ, в частности, свободу предпринимательской деятельности и договорных отношений. Базовые принципы свободы экономической деятельности и товарного оборота, свободы договора являясь гражданско-правовыми, одновременно признаны конституционными как непосредственно в самой Конституции РФ¹⁷³, так и в правовых позициях КС РФ¹⁷⁴.

Отсюда вытекает необходимость поиска баланса при принятии регуляторных решений не просто между частными и публичными началами как противоположными категориями интересов разных уровней, но и между категориями интересов внутри одного, конституционного, т.е. публично-значимого уровня, что должно предотвращать безоговорочность публичных ограничений в тех случаях, когда они идут вразрез с конституционными гражданско-правовыми началами.

На данном этапе развития российский правопорядок исходит из приоритета публично-правовых ограничительных мер над частно-правовыми конституционными началами, что не позволяет обеспечить баланс интересов участников договорных отношений в должной степени.

Исследование международного опыта построения и совершенствования правоотношений при снабжении энергетическими ресурсами, в том числе электроэнергией, показывает иной подход.

Например, Европейская энергетическая хартия 1991 г.¹⁷⁵ и принятая в ее продолжение Международная энергетическая хартия 2015 г.¹⁷⁶ выстроены в логике

¹⁷³ Статьи 8 и 34 Конституции РФ.

¹⁷⁴ КС РФ неоднократно указывал на принцип свободы договора как имеющий конституционно-правовое значение (например, Определение КС РФ от 26.03.2020 № 640-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чеботаевой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 455 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁷⁵ См. разд. 1 Европейской энергетической хартии, принятой в Гааге 17.12.1991. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901762613>.

¹⁷⁶ См. разд. 1 Международной энергетической хартии, принятой в Гааге 20.05.2015. URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/IEC_RU.pdf.

максимального удовлетворения интересов потребителей, повышения надежности энергоснабжения и доступности ресурсов через создание конкурентных и открытых национальных эффективных энергетических рынков, функционирующих на либеральных, рыночных условиях, включая условия ценообразования.

При этом, руководствуясь принципом сохранения суверенитета и неизбежностью, как минимум для отдельных стран – участниц хартий, государственной интервенции в рыночные отношения для обеспечения особенностей энергоснабжения отдельных потребителей, Договор к энергетической хартии и связанные с ним документы установили возможность точечного регуляторного воздействия на рыночные отношения, в частности, по вопросам определения договорной цены¹⁷⁷.

Тем самым европейские правовые порядки исходят из приоритета гражданско-правовых институтов, а не административных механизмов в решении базовых проблем доступности электроэнергии и баланса между ее спросом и предложением.

В долгосрочной перспективе подобный подход представляется более верным, однако он может приводить и к известным негативным экономическим последствиям как для поставщиков, так и для потребителей электрической энергии, в частности к резкому, как правило сезонному, росту цен на энергию¹⁷⁸. Представляется, что подобные отрицательные эффекты возникают не напрямую из расширенной рыночной составляющей в розничном сегменте, а по причине несбалансированности договорных связей между оптовым и розничными рынками электрической энергии и политико-правовыми решениями по приоритетным источникам энергии¹⁷⁹.

¹⁷⁷ См. абз. «ii» подп. «b» п. 1 разд. IV Договора к Энергетической хартии и связанных с ним документов (С. 27). URL: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf>.

¹⁷⁸ URL: <https://iz.ru/1231792/2021-10-06/tceny-na-elektroenergiu-v-evrope-dostigli-novykh-istoricheskikh-maksimumov>.

¹⁷⁹ В Европе давно осуществляется масштабный переход на возобновляемые источники энергии, используемые для производства электроэнергии, зависимость которых от метеоусловий может негативно сказываться на стоимости ресурса для конечного потребителя (например, URL:

Российский же законодатель пошел по пути активного администрирования гражданского оборота электроэнергии на розничных рынках, что повышает степень защиты слабой стороны договора энергоснабжения, но в перспективе, как видится, ведет к эскалации экономико-правовых проблем, из которых самая наглядная – постоянный рост перекрестного субсидирования.

Ни один из сложившихся в различных правопорядках нормативных подходов определения условий гражданского оборота электроэнергии нельзя признать идеально сбалансированным и безошибочным; повсеместно существуют те или иные проблемы, обусловленные либо избыточным публично-правовым воздействием на договорные правоотношения, либо, наоборот, чрезмерным уходом в классическую рыночную парадигму, что может негативно повлиять на столь чувствительную сферу ресурсобеспечения.

Политико-правовое решение российского законодателя об обеспечении стабильности энергоснабжения обусловило весьма специфическую систему правовых норм, определяющих условия товарного оборота электрической энергии.

Система правового регулирования товарооборота на розничных рынках электроэнергии. Условия гражданского оборота электроэнергии определены в законодательстве об электроэнергетике.

КС РФ¹⁸⁰ и ВАС РФ¹⁸¹ подтвердили правомерность подобного законодательного решения, указав, что Конституция РФ не предполагает невозможности установления приоритета правовых норм, которыми

<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/09/13/886474-tseni-na-elektrichestvo-v-evrope-rezko-virosli-iz-za-prostoya-vetryakov>).

¹⁸⁰ См.: Определение КС РФ от 30.09.2019 № 2408-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Анисимова Валерия Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 539 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸¹ См.: Решение ВАС РФ от 17.06.2013 № ВАС-1600/13 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 53 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утв. Постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442» // СПС «КонсультантПлюс».

осуществляется специальное законодательное регулирование; аналогичную правовую позицию занял и ФАС России¹⁸².

Отдельно хочется отметить дискуссионность вопроса передачи на уровень Правительства РФ полномочий по определению условий договора энергоснабжения. Закон об электроэнергетике делегировал Правительству РФ установление порядка заключения и всех условий этого договора. Другими словами, нормативные правовые акты Правительства РФ в указанных правоотношениях фактически имеют большую юридическую силу, чем ГК РФ.

С одной стороны, подобная модель представляется неоднозначной, поскольку значительно отличается от устоявшейся российской правовой традиции по определению договорно-правовых отношений между субъектами, когда, например, существенные условия договора, несоблюдение которых может повлечь его незаключенность согласно ст. 168 ГК РФ, определяются законом, что подразумевает их большую фундаментальность. При этом во всех иных «энергетических» федеральных законах такая традиция соблюдена, и базовые существенные условия закреплены на уровне закона, а уже в подзаконных актах они могут быть расширены¹⁸³.

С другой стороны, правовое регулирование электроснабжения сильно зависит от экономических, социальных и технологических факторов, что является одной из наиболее отличительных черт указанных правоотношений. Электроэнергетика за счет особых характеристик основного оборачиваемого товара – электроэнергии – относится к самым динамично развивающимся отраслям, что обуславливает необходимость систематического и своевременного изменения нормативных правовых актов, в том числе по существенным условиям договора¹⁸⁴. Если бы существенные условия договора определялись Законом об

¹⁸² См.: Письмо ФАС России от 21.01.2016 № ВК/2842/16 «О рассмотрении обращений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸³ См., например, п. 5 ст. 13 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7358; ч. 8 ст. 15 Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4159.

¹⁸⁴ Например, последние изменения существенных условий произошли 18.04.2020 (вступили в силу с 01.07.2020) в связи с внедрением интеллектуального учета (абз. 9 п. 40 и др. Основных положений).

электроэнергетике или ГК РФ, то длительность внесения корректив в законы могла замедлить процесс развития электроснабжения, что привело бы к многочисленным правовым коллизиям либо пробелам по сравнению со складывающейся правоприменительной практикой, а их далеко не всегда можно восполнить решениями судебных и иных инстанций, разрешающих споры.

Принятое политико-правовое решение следует признать оправданным в той мере, в которой оно было необходимо для учета особенностей самого процесса продажи электрической энергии, однако породило известную дискуссию о пределах действия нормы п. 4 ст. 539 ГК РФ, а именно: подразумевает ли оно приоритет специального законодательства только над § 6 гл. 30 ГК РФ или же и над его общей частью?

Законодательство об электроэнергетике сложилось таким образом, что иногда усматривается его расхождение даже с общими нормами гражданского права, в особенности о свободе договора, несмотря на имеющееся в ст. 3 ГК РФ положение, требующее обеспечения соответствия ему иных правовых актов, регулирующих гражданские правоотношения¹⁸⁵.

Некоторые ученые придерживаются точки зрения о недостаточности общих и специальных положений ГК РФ для правового регулирования отдельных отраслей¹⁸⁶. Из этого делаются выводы о полном приоритете отраслевого законодательства над ГК РФ.

Противоположная позиция встречается в правоприменительной практике, отмечающей, что специальное законодательство в анализируемой сфере деятельности не имеет собственных принципов правового регулирования договорных отношений, в связи с чем подчиняется общегражданскому, в особенности базовым принципам гражданского права¹⁸⁷.

¹⁸⁵ Подробнее см.: Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. С. 7, 8.

¹⁸⁶ См.: Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России: научные очерки. М.: Статут, РАП, 2008 (раздел «Предпринимательские обязательства»), СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁷ См.: Решение Арбитражного суда Красноярского края от 17.01.2012 по делу № А33-1210/2011, Решение Арбитражного суда Пензенской области от 17.06.2011 по делу № А49-305/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

Понимая логику изложенных подходов, автор настоящего диссертационного исследования не считает возможным согласиться ни с одной из них. Как представляется, законодательство об электроэнергетике не лишено принципиальной основы построения договорных правоотношений; напротив, оно обладает самостоятельной системой частно- и публично-правовых принципов. Вместе с тем эта система, будучи неразрывно связанной с гражданско-правовыми принципами, развивает их в соответствии с особенностями электроэнергетической сферы.

Если соотносить такие базовые принципы гражданского права, как свобода договора, равенство участников регулируемых отношений, свобода приобретения и осуществления прав и обязанностей с закрепленными в Законе об электроэнергетике принципами свободы экономической деятельности, соблюдении баланса экономических интересов, использовании рыночных отношений и конкуренции, то очевидна их прямая взаимосвязь. Так, например, построение рыночных отношений и конкуренция невозможны в отсутствие свободы договора, поскольку если все поставщики полностью ограничены в определении условий заключаемых и исполняемых сделок, то само по себе явление конкуренции и «рыночности» не может существовать, поскольку наличие множества абсолютно одинаковых предложений не порождает борьбы за привлечение покупателей. В свою очередь, принцип баланса интересов сторон договора хоть и не поименован в ГК РФ, но также является неотъемлемым принципом договорного права и служит мерилем справедливости договорных условий¹⁸⁸.

Буквальное толкование п. 4 ст. 539 ГК РФ исключает субсидиарное применение общей части ГК РФ к договорным отношениями по энергоснабжению, поскольку говорит о приоритете отраслевого законодательства исключительно в

¹⁸⁸ См.: Определение КС РФ от 29.10.2020 № 2500-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Сургутпромавтоматика» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 4 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 9 и 10 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

отношении параграфа 6 части второй ГК РФ, что подтверждается и многочисленной судебной практикой¹⁸⁹. Более того, если придерживаться точки зрения о полностью субсидиарном применении ГК РФ к договору энергоснабжения, то он лишается большинства существующих средств гражданско-правовой защиты сторон договора, таких как признание сделок недействительными, требование об исполнении в натуре и многих других, поскольку специальное законодательство не содержит подобных правил.

Преимущественно признавая верность принятого законодательного решения о приоритете норм отраслевого законодательства в отношении договора энергоснабжения, необходимо отметить те проблемы и противоречия, которые возникли в данной сфере правоотношений в результате создания подобной иерархии источников нормативного правового регулирования.

В первую очередь представляется, что субсидиарность применения ГК РФ к договору энергоснабжения идет вразрез с целями продолжающейся реформы электроэнергетики.

Реформирование отрасли предполагает переход от тарифного регулирования к рыночному формированию цен на электроэнергию¹⁹⁰. В доктрине отмечается, что базовыми принципами, на которых основана конкуренция, являются частная собственность и свобода договора¹⁹¹; именно свобода договора выступает основой построения эффективных рыночных отношений и полноценной конкурентной среды¹⁹². Отсюда делается вывод, что конкуренция как основной элемент рыночной

¹⁸⁹ См., например: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2021 № 07АП-9304/2021(1,2) по делу № А45-3290/2021, решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.12.2012 по делу № А40-121111/11-137-371 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁰ См.: Энергетические рынки: проблемы и задачи правового регулирования: монография / под ред. В. В. Романовой. М.: Юрист, 2018. С. 72.

¹⁹¹ См.: Паращук С. А. Правовое обеспечение государственной конкурентной политики в Российской Федерации // Предпринимательское право: современный взгляд: монография / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019, СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹² См.: Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: рынок электроэнергии // Конкурентное право. 2019. № 2. С. 9–13.

экономики заложена в нормах ГК РФ и поэтому гражданское законодательства является ее стержневым элементом¹⁹³.

КС РФ также отмечает, что в предпринимательстве обеспечение конституционных прав и свобод неразрывно сопряжено с укреплением основ рыночной экономики – права частной собственности, свободы собственности и договора, добросовестной конкуренции¹⁹⁴.

Положения ГК РФ о договоре энергоснабжения, даже с учетом определенных ограничений, например, связанных с невозможностью проведения расчетов иначе как за фактическое количество потребленной электроэнергии в случае, если сделка подпадает под государственное регулирование тарифов, согласно разъяснениям ВАС РФ¹⁹⁵, представляются более гибкими.

Анализ положений Закона об электроэнергетике, ЖК РФ и принятых в соответствии с ними подзаконных актов позволяет сделать вывод о бóльшем публично-правовом администрировании гражданских правоотношений. Яркий пример – включение в перечень условий, которые носят не договорный, а административно-правовой характер, таких как величина максимальной мощности, сведения о приборах учета, обязанность составить и передать акты аварийной и (или) технологической брони¹⁹⁶. Справедливо отмечается, что подобные условия – технические и относятся к публично-правовым обязанностям¹⁹⁷, но никак не к гражданско-правовым обязательствам, а значит не могут расцениваться в качестве существенных условий договора и подлежат отнесению к обязательным организационным действиям¹⁹⁸.

¹⁹³ См.: Демиева А. Г. Конкуренция как стимул осуществления предпринимательской деятельности: правовой аспект // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 61–68.

¹⁹⁴ См.: Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов) (одобрено решением КС РФ от 17.12.2020) (раздел «Заключение») // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁵ См. абз. 6 п. 3 Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора».

¹⁹⁶ См. п. 40, 41 Основных положений, п. 13 Правил оказания услуг по передаче, п. 19 Правил оказания коммунальных услуг.

¹⁹⁷ См.: Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. С. 275, 276.

¹⁹⁸ См.: Бальжиров Б. В. К вопросу о свободе договора в сфере электроэнергетики // Российская юстиция. 2015. № 12. С. 9–12.

Более того, судебная практика указывает, что невключение подобных условий в договор энергоснабжения не влечет его недействительности¹⁹⁹, а, как справедливо отмечается в науке, если условие не влечет недействительности договора, применяется даже если не отражено в договоре и может быть изменено судом *ex post*, то подобное условие не относится к категории существенных²⁰⁰.

В продолжение добавим, что законодательный подход, в соответствии с которым публично-правовое администрирование превалирует, еще раз подтверждает нереализованность целей реформы о переходе к конкурентным рынкам, поскольку в отсутствие возможности контрагентов самостоятельно, на взаимовыгодной основе сконфигурировать свои взаимоотношения, бессмысленно говорить о какой-либо конкуренции.

Некоторые исследователи утверждают, что современные розничные рынки электроэнергии построены на первостепенной роли гарантирующих поставщиков, что они, одновременно образуя систему надежного энергоснабжения²⁰¹, фактически монополизируют розничные рынки электроэнергии²⁰², исключая внедрение действительной конкуренции.

Подобные выводы ошибочны, поскольку в ситуации, когда поставщик не может предложить (или значительно ограничен в такой возможности) покупателям более привлекательные условия сделки, а вынужден проводить ту же договорную кампанию, что и все остальные, то проблема развития конкуренции упирается не в наличие доминирующих участников товарного рынка, которые к тому же максимально «зарегулированы» по всем параметрам торговли, а в отсутствие полноценной свободы договора.

¹⁹⁹ См.: Определение ВАС РФ от 05.12.2013 № ВАС-16589/13 по делу № А45-25810/2012, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.11.2015 № 09АП-43664/2015-ГК по делу № А40-3315/2015.

²⁰⁰ См.: Чваненко Д.А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 76.

²⁰¹ См.: Свирков С. А. Договорные обязательства в электроэнергетике. М.: Статут, 2006 (§ 3 гл. 4), СПС «КонсультантПлюс».

²⁰² См.: Редькин И. В. Анализ ключевых проблем государственного регулирования электроэнергетики по результатам завершения переходного периода реформы // Энергетическое право. 2013. № 1. С. 16–22.

Кроме того, поскольку большинство поименованных существенных условий договора носит характер обязанностей, а не обязательства, действительное развитие конкуренции должно сопровождаться дерегулированием взаимоотношений сторон по определению договорных условий, а изложенные требования технического характера подлежат переводу из разряда «существенных условий договора» в категорию требований для «вхождения на рынок», т.е. тех юридически оформленных действий, совершение которых должно предоставлять потенциальному потребителю возможность стать участником товарного рынка, получив соответствующий правовой статус, после чего вступать в договорные правоотношения. Такой подход будет коррелировать с постепенным созданием категории профессиональных потребителей, которые не просто приобретают соответствующий товар, но и активно участвуют в управлении энергопотреблением и создании эффективных условий для такого потребления.

Второе - это ранее названная проблема двойственности, при которой идентичные правоотношения по энергоснабжению регулируются, в зависимости от снабжаемой категории потребителей, либо электроэнергетическим, либо жилищным законодательством.

Дополняя обозначенную проблему, выделим возникающие на практике сложности в определении применимого законодательства и взаимосвязи его отраслей. Для этого обратимся к такому современному вопросу, как порядок организации коммерческого учета в отношении потребителей категории «население». С одной стороны, он по своей правовой принадлежности относится к жилищным правоотношениям и законодательству, поскольку связан с определением объема договорных обязательств при предоставлении коммунальной услуги (ресурса) по электроснабжению²⁰³. С другой стороны, произошло разграничение, согласно которому порядок установки (замены) индивидуальных приборов учета в помещениях во многоквартирных домах определяется по жилищному законодательству, а общедомовых приборов учета, а

²⁰³ См. ст. 156 и 157 ЖК РФ.

также индивидуальных приборов учета в жилых домах – по законодательству об электроэнергетике²⁰⁴.

При этом возникает ряд других вопросов, например, по каким правилам должно определяться отсутствие технической возможности установки общедомового прибора учета электрической энергии: отраслевым²⁰⁵ или жилищным²⁰⁶. На первый взгляд, поскольку жилищное законодательство делегировало порядок установки таких приборов законодательству в сфере энергетики, применяться должно последнее. Однако и в жилищном законодательстве содержатся нормативные положения о порядке определения технической возможности установки (замены) общедомового прибора учета²⁰⁷. Сказанное лишней раз подтверждает необходимость формирования единой структуры правового регулирования отношений по энергоснабжению для всех категорий потребителей.

Можно сделать однозначный вывод о том, что в настоящий момент времени единую систему правового регулирования договорных отношений по энергоснабжению составляют гражданское, электроэнергетическое и жилищное законодательство, но в перспективе должен состояться перевод из последнего всех правовых норм, связанным с энергоснабжением, в отраслевое законодательство.

Уместно вспомнить и научную дискуссию о необходимости создания Энергетического кодекса РФ, который мог бы выступить в качестве унифицированного нормативного правового акта, регулирующего отношения по снабжению всеми видами энергетических ресурсов²⁰⁸. Обоснование такого предложения базируется на особом статусе энергетической отрасли, что требует

²⁰⁴ См. п. 80 (1) Правил № 354, п. 151 Основных положений.

²⁰⁵ См. п. 147 Основных положений.

²⁰⁶ См. п. 81 Правил № 354 и приказ Минстроя России от 28.08.2020 № 485/пр «Об утверждении критериев наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного), коллективного (общедомового) приборов учета, а также формы акта обследования на предмет установления наличия (отсутствия) технической возможности установки таких приборов учета и порядка ее заполнения» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁷ См., например, п. 7 Критериев наличия (отсутствия) технической возможности, утв. приказом Минстроя России от 28.08.2020 № 485/пр.

²⁰⁸ Например, Лахно П. Г. Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие. С. 447–458.

принятия приоритетных законов²⁰⁹ по комплексному регулированию разного рода правовых отношений, складывающихся в энергетике²¹⁰.

В качестве примеров нередко приводятся Энергетический кодекс Франции 2011 г., Закон об энергетической политике США 2005 г., EnWG²¹¹. Однако стоит согласиться с позицией, что само по себе создание подобных кодексов никак не решает отраслевых проблем²¹². Более того, подобные кодифицированные акты решают, как правило, публично-правовые вопросы. Что же касается договорных отношений, то эти акты, во-первых, применяются к гражданскому законодательству субсидиарно, а во-вторых, выступают механизмом тонкой «донастройки» договорных условий, связанных как раз с обеспечением учета публичного интереса. Например, Энергетический кодекс Франции уточняет порядок доведения до потребителей условий договора, выставления счета и т.д.²¹³; схожие решения реализованы в EnWG, который в первую очередь определяет требования к информационному сопровождению договорной кампании и ее последующему исполнению (содержание счетов за электроэнергию, возможности ценового регулирования, договорные модели и др.), но содержит и специальные требования к заключению договоров энергоснабжения и их разновидностям²¹⁴.

Вместе с тем представляется, что ключевая ценность развернувшейся дискуссии состоит не в указании на необходимость кодификации ради подтверждения особого статуса энергетики и создания единого акта, регулирующего все возникающие правоотношения, а в подчеркивании

²⁰⁹ См.: Быков А. Г. О проекте Энергетического кодекса Российской Федерации // Энергетическое право. 2013. № 2. С. 6–8.

²¹⁰ См.: Белова Е. Б. Указ. соч. С. 37–43.

²¹¹ См.: Лахно П. Г. Указ. соч. С. 448, 449.

²¹² См.: Гонгало Б. М. Комплексность в праве // Закон. 2020. № 6. С. 73–83.

²¹³ См., например, Chapitre II: Les contrats et offres de fourniture (Articles L332-1 à L332-7). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000023983208/> (дата обращения: 19.01.2022).

²¹⁴ См., например, § 41 Energielieferverträge mit Letztverbrauchern, § 41b Energielieferverträge mit Haushaltskunden außerhalb der Grundversorgung; Verordnungsermächtigung. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/BJNR197010005.html#BJNR197010005BJNG000800000 (дата обращения: 19.01.2022).

разрозненности правового регулирования одной области правоотношений, в том числе по различным отраслям законодательства.

Развитие системы нормативных правовых актов должно быть направлено на унификацию законодательного регулирования идентичных договорных правоотношений на базе единого закона – закона об электроэнергетике. Во многом аналогичные подходы реализованы в упомянутых выше правопорядках (Германия, Франция, США).

Воплощение этой идеи исключит возникающие в применимом законодательстве проблемы и обеспечит, среди прочего, бóльшую правовую определенность и стабильность общественных отношений.

Одновременно следует расширить пределы применения ГК РФ в части урегулирования условий договора энергоснабжения, что позволит перейти к более гибкой модели, основанной в первую очередь на свободе договора.

Структуру регулирования розничных рынков электрической энергии в российском праве можно охарактеризовать как централизованную, осуществляемую на федеральном уровне²¹⁵, в исключительных случаях допускающую принятие региональных нормативных правовых решений.

Подобная структура, имея свои плюсы, не лишена ряда отрицательных сторон²¹⁶.

Данный вид правового построения правоотношений на розничных рынках электроэнергии превалирует и в Германии. Так, Закон об энергетике ФРГ устанавливает основы правового регулирования энергетики (электроэнергетика и газовая сфера)²¹⁷, а уже актами Федерального правительства Германии и

²¹⁵ См. ст. 4, абз. 3 ст. 20, п. 3 ст. 37 Закона об электроэнергетике.

²¹⁶ Подробнее в разделе настоящей диссертации о значении множественно понятия РРЭ.

²¹⁷ См.: Gesetz über die Elektrizitäts- und Gasversorgung. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/BJNR197010005.html#BJNR197010005BJNG001200000.

подотчетными ему федеральными органами²¹⁸ определяются подробные условия функционирования электроэнергетики²¹⁹, в том числе на розничных рынках.

Преимущественно децентрализованное регулирование розничных рынков электроэнергии применяется в США, что обусловлено исторически сформировавшейся правовой системой, основанной на широкой автономии штатов, прецедентном праве и незначительной кодификации законодательства, в первую очередь гражданского. Компетенция федерального законодателя охватывает, в основном, регулирование оптового рынка и трансграничной торговли электроэнергией между штатами, а вопросы розничной торговли электроэнергией находятся в ведении штатов²²⁰. При этом Закон об энергетике США оговаривает, что он применим к электроснабжению конечных потребителей в части, не урегулированной штатами²²¹. Указанным законом установлены лишь общие условия оборота электроэнергии на розничных рынках: экономичное электроснабжение, энергетическая эффективность и справедливые ценовые условия²²². В свою очередь, законы штатов определяют публично-значимые условия оборота электроэнергии. Например, в Калифорнии контроль за деятельностью поставщиков электроэнергии, вопросы защиты прав потребителей и иные определены в Кодексе оказания коммунальных услуг²²³.

²¹⁸ См., например: Постановление об общих условиях энергоснабжения потребителей коммунальной услуги. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stromgvv/index.html#BJNR239110006BJNE001900000>.

²¹⁹ В частности, за органами исполнительной власти, в том числе органами отдельных земель, закрепляются полномочия по ценовому регулированию и ряд иных (ч. 7 Закона об энергетике ФРГ. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/BJNR197010005.html#BJNR197010005BJNG001100000).

²²⁰ См.: Курбанов Р. А. Интеграционные процессы в энергетической сфере стран евроатлантического региона. Правовые аспекты: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 240.

²²¹ См. абз. «а» § 824 Кодекса США (U.S.C). URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title16-section824&num=0&edition=prelim>

²²² См. § 2611 подразд. 1 разд. 46 гл. 16 Кодекса США. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?hl=false&edition=prelim&req=granuleid%3AUSC-prelim-title16-section2611&num=0&saved=%7CZ3JhbnVsZWlkOIVTQy1wcmVsaW0tdGI0bGUxNi1zZWNoaW9uMjYxMQ%3D%3D%7C%7C%7C0%7Cfalse%7Cprelim>

²²³ См.: Кодекс оказания коммунальных услуг штата Калифорния. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PUC&division=1.&title=&part=1.&chapter=2.3.&article=12.

Подведем итоги исследования системы и структуры законодательного регулирования розничных рынков электроэнергии.

Российский подход к законодательному регулированию можно классифицировать как:

– централизованно-делегированный в том понимании, что договорные отношения регулируются исключительно на федеральном уровне, но при этом их основа определяется подзаконными актами Правительства РФ;

– регуляторный, с элементами гражданско-правовой свободы, поскольку критическим образом ограничено действие принципов гражданского права при определении договорных условий и, как следствие, применение ГК РФ.

При этом анализ зарубежных правовых порядков показывает существование иных классификаций. Так, подход немецкого законодателя следует охарактеризовать как:

– централизованный с минимальным делегированным регулированием;

– гражданско-правовой с элементами тонкой публично-правовой «донастройки», необходимой в исключительных случаях защиты общественных интересов.

Американскую систему договорных отношений по энергоснабжению на розничных рынках допустимо назвать:

– децентрализованной, поскольку штаты самостоятельно определяют принципы и нормативные подходы к функционированию договорных отношений;

– смешанной в силу того, что в зависимости от выбранной конкретным штатом модели превалируют либо частно-, либо публично-правовые подходы к определению условий заключаемых сделок.

§ 2.3. Публично-правовые и частно-правовые особенности договора энергоснабжения

Публично-правовые особенности договора энергоснабжения. Согласно ст. 7 и 75.1 Конституции РФ Российская Федерация – социальное государство,

политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в которой создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

В свою очередь, ст. 3 Закона об электроэнергетике определяет электроэнергетическую отрасль как основу функционирования экономики и жизнеобеспечения.

Приведенные нормативные положения абсолютно четко и справедливо подчеркивают, что «электричество является основой современной цивилизации»²²⁴. Известно и очевидно: абсолютное большинство современных технологий и окружающих человечество благ не может существовать без электрической энергии.

Именно эта всеобъемлющая значимость электроэнергии обуславливает предъявление повышенных, в чем-то уникальных правовых требований к основному инструменту оборота указанного ресурса между всеми участниками правоотношений – договору энергоснабжения.

Исходя из описанной роли энергии, законодатель ввел перечень публично-правовых требований, призванный обеспечить бесперебойное и надежное функционирование электроэнергетики с целью удовлетворить спрос на электрическую энергию потребителей, обеспечивающих надлежащее исполнение своих обязательств перед субъектами электроэнергетики, что закреплено в качестве одного из принципов жизнедеятельности отрасли согласно п. 1 ст. 6 Закона об электроэнергетике.

Публичность договора энергоснабжения. Статья 426 ГК РФ говорит о том, что для лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую

²²⁴ Ергин Д. В поисках энергии: Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики. Пер. с англ. М.: Альпина Паблицер, 2017. С. 347.

доход деятельность, договор является обязательным к заключению с каждым обратившимся (т.е. публичным), исходя из характера такой деятельности.

Положения о публичности распространяются на договор энергоснабжения как в силу вышеописанного характера деятельности, так и в силу прямого законодательного требования к этому договору, но с определенной оговоркой – безусловная публичность договора энергоснабжения применима только в отношении гарантирующего поставщика как субъекта, который наделен особым правовым статусом и обеспечивает в соответствующей зоне деятельности бесперебойное и надежное энергоснабжение согласно п. 5 ст. 38 Закона об электроэнергетике и подзаконным нормативным правовым актам.

Первый вопрос, возникающий в этой связи: может ли требование о публичности договора распространяться на лицо (в первую очередь на независимую энергосбытовую организацию), которое осуществляет деятельность по энергоснабжению (в качестве основного или дополнительного вида деятельности), но не обладает статусом гарантирующего поставщика?

Буквальное толкование законодательных требований приводит к отрицательному ответу. Вместе с тем анализ правовых норм ГК РФ и Закона об электроэнергетике позволяют допустить обратное.

Несмотря на то, что гарантирующий поставщик должен присутствовать всегда, нельзя исключать ситуацию, когда в силу определенных причин он не был выбран или был выбран несвоевременно. Поскольку институт гарантирующего поставщика присущ практически всему товарообороту энергетических ресурсов (водо-, тепло-, газоснабжение), допустимо обратиться к иным видам снабжения ресурсами, опыт которых показывает возможность выхода из подобных ситуаций²²⁵.

Отсутствие гарантирующего поставщика на какой-либо территории не должно лишать потребителей доступа к базовому энергетическому ресурсу – электроэнергии, которая в силу своих свойств может в определенном смысле

²²⁵ См., например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.04.2021 № Ф06-2244/2021 по делу № А55-28731/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

заменять газ (например, использование электрических плит в коммунальном секторе), горячее водоснабжение (применение электрических нагревателей воды) и т.д.

Поскольку обеспечивающее функционирование электроэнергетики законодательство признано наиболее развитым среди иных энергетических сфер, вероятность отсутствия гарантирующего поставщика крайне мала, но не может быть исключена. Например, он по какой-либо причине утратил свой статус, а сетевая организация, которой в соответствии с п. 205 Основных положений должен быть временно присвоен указанный статус, не выбрана ввиду тех или иных обстоятельств (наличие в соответствующей зоне деятельности нескольких сетевых организаций, обладающих идентичной или схожей электросетевой инфраструктурой; неопределенность по критерию выбора: присвоение такого правового статуса наиболее экономически эффективной сетевой организации или менее эффективной, но обладающей развитым электросетевым хозяйством, и т.д.).

Более того, случаи распространения режима публичного договора на организации, которые, не обладая статусом гарантирующего поставщика, осуществляют энергоснабжение, известны правоприменительной практике. Так, ВАС РФ говорит о применении критерия публичности договора исходя не из наличия или отсутствия у лица статуса гарантирующего поставщика, а из принципа свободы выбора контрагента (фактически – свободы договора), предоставляющего потребителю право выбрать наиболее привлекательного поставщика энергии²²⁶. Суть упомянутой позиции заключается в том, что для последнего режим публичности договора возникает не в силу закона, а поскольку потребитель воспринимает его как поставщика, наиболее доступного и надежного для целей удовлетворения потребностей в электрической энергии.

Схожие рассуждения содержатся и в иных судебных актах ВАС РФ, отмечающих, что «Деятельность..., трактуемая как публичная, связана с публичным характером... (пункт 1 статьи 426 Гражданского кодекса Российской

²²⁶ См.: Определение ВАС РФ от 13.04.2011 № ВАС-3817/11 по делу № А78-2229/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Федерации), а не с тем, является ли такая деятельность по уставу основной или дополнительной»²²⁷.

Адаптация указанных рассуждений применительно к случаю энергоснабжения позволяет предположить, что режим публичности договора может распространяться и на лиц, не наделенных правовым статусом гарантирующего поставщика, при условии, что фактические возможности таких лиц позволяют удовлетворять базовые потребности в электрической энергии.

Стоит отметить, что Верховный Суд РФ тоже сформировал правовую позицию, указывающую на две категории субъектов, подпадающих под режим публичности договора: в силу характера деятельности и (или) в силу прямого указания закона²²⁸. Эту позицию можно дополнить тем, что с учетом закрепленных правовых требований и их толкования судебной практикой наличие отдельного указания в законе на конкретные случаи публичности договора не исключает применения такого режима в отношении иных субъектов, для которых он не установлен нормативно.

В доктрине также отмечается, что «при определении того, является ли договор публичным или нет, должно приниматься во внимание существо возникающих отношений»²²⁹.

Обращаясь к жилищно-коммунальному сегменту розничных рынков электроэнергии, можно привести еще один пример. Для граждан дополнительным критерием того, распространяется ли правовой режим публичного договора на организацию, не обладающую статусом гарантирующего поставщика, может служить наличие или отсутствие развитой клиентской инфраструктуры, в первую очередь офисов по обслуживанию потребителей.

²²⁷ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 24.11.2009 № 9548/09 по делу № А73-7174/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁸ См. п. 15 и 16 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 2.

²²⁹ Байбак В. В., Бевзенко Р. С., Беляева О. А. и др. Договорное и обязательственное право (общая часть). Постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 860.

Чем в данном случае они руководствуются? Для потребителей – физических лиц крайне важна доступность организации, предоставляющей товар, оказывающей те или иные виды работ или услуг. При этом вполне вероятно, что сеть клиентского обслуживания энергосбытовой организации находится в непосредственной близости от многоквартирного дома, в то время как аналогичная инфраструктура гарантирующего поставщика довольно удалена именно от такого дома или группы жилых объектов.

В результате потребители, особенно их наиболее социально-уязвимые категории, в ущерб фактическому публичному интересу могут быть ограничены в праве выбора источника удовлетворения социально значимой потребности исходя из законодательной установки, буквальное толкование которой дает возможность организации, не обладающей специальным правовым статусом, отказаться от заключения договора.

В этой связи весьма актуальна мысль о том, что «публичный интерес может объективироваться в частном интересе отдельного субъекта»²³⁰, которая в полной мере подтверждает сделанные выше выводы о допустимости распространения режима публичности договора энергоснабжения и на тех субъектов, для которых он напрямую законодательно не установлен.

Кроме того, в казусе с потребителями категории «население» аргументом в пользу допустимости распространения публичности договора на больший круг субъектов, нежели тот, который прямо определен законодательно, может служить следующее умозаключение.

Законодатель в качестве средства защиты частных интересов граждан на получение коммунальных услуг (ресурсов) присвоил им статус публичной значимости путем такого вмешательства в эту сферу договорных отношений, как определение фиксированных тарифов (цен). А поскольку государственное регулирование тарифов является способом обеспечения защиты публично

²³⁰ Ем В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 12–45.

значимых интересов²³¹, вне зависимости, выделены ли они или носят смешанный характер, как в упомянутом примере, допустимо предположить, что в этой ситуации общественно значимый интерес граждан – потребителей коммунальных услуг превалирует над отсутствием прямого нормативного положения о публичности договора, в связи с чем такой договорный режим распространяется на любого наиболее доступного, «удобного» для гражданина поставщика социально значимого товара.

В этом контексте не бесспорно, но в достаточной степени справедливо мнение о том, что практически любая деятельность, связанная с реализацией товаров, работ или услуг, может подпадать под режим публичности договора²³².

Смысл защиты, предоставляемой публичным договором, сводится к воспрепятствованию незаконному отказу в его заключении с потребителем²³³, к чему стоит добавить, что законодательство не содержит однозначного указания, что эти нормы применимы лишь к случаям, прямо поименованным в нормативных правовых актах.

В этой связи нельзя безоговорочно согласиться с доктринальными утверждениями о полной неприменимости режима публичного договора в отношении независимых энергосбытовых организаций²³⁴, в развитие которых отмечается, что такие лица «в целом заинтересованы в расширении своей клиентской базы, но свободны в выборе потребителя и вправе отказать ему в заключении договора купли-продажи (поставки), энергоснабжения, например в случае, когда потребитель не исполняет обязанностей по оплате электрической энергии или в силу незначительности потребляемой мощности»²³⁵, в связи с чем и был создан институт гарантирующих поставщиков.

²³¹ См. п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

²³² См.: Илюшина М. Н. Институт публичного договора в гражданском законодательстве: современное состояние // Юстиция. 2016. № 1. С. 20–27.

²³³ См.: Дрягин А. А. Защита слабой стороны от несправедливых и невыгодных условий в договорах // Предпринимательское право. 2016. № 2. С. 53–60.

²³⁴ См.: Свирков С. А. Реализационные договоры на розничных рынках электрической энергии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 12. С. 25–30.

²³⁵ Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография.

Аналогичные рассуждения могут касаться и розничных производителей электрической энергии, при вступлении в сделку с которыми фактически возникает двойная публичность договора: вариативная для производителя и безусловная для гарантирующего поставщика, в связи с наличием фактической трехсторонней договорной связи, о которой было сказано ранее.

Поскольку публичный договор признается одним из важнейших способов защиты общественных интересов, в том числе граждан, включая их интересы в обеспечении энергоснабжения²³⁶, расширение его понимания в столь чувствительной сфере не только на нормативном, но и на содержательном уровне способно оказать позитивное влияние на развитие рынка. При этом для сохранения баланса частных и публичных интересов необходимо определить критерии допустимости расширительного толкования этого правового режима в договорных отношениях по энергоснабжению.

Пунктом 2 ст. 37 Закона об электроэнергетике и п. 32 Основных положений установлены два основания, по которым гарантирующий поставщик вправе отказаться от заключения договора энергоснабжения: правовой – нахождение потребителя вне зоны деятельности данного поставщика и технологический – отсутствие подключения энергопринимающих устройств потребителя к объектам электросетевого хозяйства, что исключает возможность подачи энергии в надлежащем порядке.

В отношении иных категорий поставщиков, для которых публичность договора законодательно не предусмотрена, но может вытекать из характера их деятельности, например, ориентированность на неограниченный круг лиц, удовлетворение общественных потребностей населения²³⁷, подобными критериями могут выступать экономический и инфраструктурный, которые, как представляется, должны применяться в совокупности.

²³⁶ См.: Тихомиров Ю. А. Публично-правовые споры // Право и экономика. 1998. № 6, СПС «КонсультантПлюс».

²³⁷ См.: Шапсугова М. Д. Проявления публичности публичного договора в российском праве // Гражданское право. 2016. № 3. С. 3–5.

Первый подразумевает экономическую возможность энергосбытовой организации или розничного генератора осуществлять качественное энергоснабжение потребителей. Она связана с необходимостью несения разного рода расходов, необходимых для обеспечения бесперебойного и качественного энергоснабжения. При этом более важную роль данный критерий играет применительно к независимой энергосбытовой компании, поскольку она не имеет «подушку безопасности» в виде гарантирующего поставщика, как это предусмотрено для производителя.

Второй – наличие развитой клиентской инфраструктуры: клиентские офисы, телефонное и интернет-обслуживание и др. Особенно важен такой критерий для потребителей, относящихся к категории населения и приравненных к нему, поскольку они наименее защищены во взаимоотношениях, в первую очередь в силу отсутствия профессиональных знаний в соответствующей сфере, что требует повышенного клиентского внимания.

Исходя из этих критериев можно определить, какие цели деятельности заложены в основу создания независимой энергосбытовой компании или розничного производителя и, как следствие, возможность распространения на них режима публичности договора.

Нередки случаи, когда такие организации создаются для целей точечного энергоснабжения, например, отдельных промышленных предприятий. В этих случаях они могут иметь достаточную экономическую устойчивость (подпадать под первый критерий), но не обладать качественной клиентской инфраструктурой, позволяющей обслуживать более широкий или неограниченный перечень потребителей (не отвечать второму критерию).

Учитывая изложенное, автор настоящего исследования представляет допустимым расширительное толкование правового режима публичности договора энергоснабжения.

В целом подобная точка зрения не превалирует, но высказывается в научных исследованиях, где отмечается, что применительно к энергетике как особой сфере правоотношений публичность договоров может определяться исходя из «сущности

и публичного характера возникающих между контрагентами договорных взаимосвязей»²³⁸.

Вместе с тем такой режим не свободен и от определенных правовых дефектов, что особенно наглядно проявляется в вопросах ответственности за нарушение гарантийных обязательств поставщика по договору энергоснабжения.

Известно, что продажа любого товара порождает возникновение гарантии²³⁹. Гарантийные обязательства являются одной из мер обеспечения успешного исполнения договора, создания повышенной надежности его исполнения, поскольку возлагают на должника дополнительные неблагоприятные последствия в случае поставки товара, оказания услуг, выполнения работ ненадлежащего качества (например, устранить недостатки, помимо возмещения убытков, либо привлечь третье лицо – гаранта, которое будет нести ответственность вместе с должником)²⁴⁰.

Цивилистическая доктрина выделяет две разновидности гарантийных обязательств:

- 1) гарантия качества товара (отсутствия в нем недостатков);
- 2) гарантия «чистоты» правового режима продаваемой вещи (например, отсутствие притязаний третьих лиц на данную вещь)²⁴¹.

Несмотря на их равносильную значимость, в контексте исследуемого вопроса – исполнения гарантийных обязательств в отношениях по электроснабжению – наиболее важен, ввиду специфики реализуемого товара, вопрос о гарантии качества.

С научной точки зрения гарантийные обязательства по обеспечению поставки качественной электрической энергии относятся к гарантии за пороки, мешающие пользоваться вещью, поскольку характеризуются невозможностью

²³⁸ Бальжиров Б. В. Публичные договоры в сфере энергетики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

²³⁹ См.: Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. с фр. И. Б. Новицкого. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 375.

²⁴⁰ См.: Садиков О. Н. Гарантийные обязательства в гражданском праве // Хозяйство и право. 2004. № 9. С. 33.

²⁴¹ См.: Нам К. В. Основные направления развития института договорной ответственности в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ИГиСП, 1998. С. 51, 52.

потребителя в нормальном, обычном режиме использовать свои электроустановки, энергопринимающие устройства.

При этом ответственность за неисполнение гарантийных обязательств наступает по общим правилам гражданского законодательства. По договору энергоснабжения эта ответственность ограничена взысканием убытков в виде реального ущерба²⁴², поскольку устранение недостатков качества электроэнергии, как минимум на данном этапе технологического развития, физически невозможно, в том числе по причине, что они (недостатки) возникают мгновенно и одновременно с этим влекут определенные негативные последствия.

Договор энергоснабжения предполагает, что гарантирующий поставщик осуществляет продажу электрической энергии (мощности) потребителю и самостоятельно либо с привлечением третьих лиц оказывает услуги по передаче электроэнергии, а потребитель, в свою очередь, оплачивает как электрическую энергию (мощность), так и услуги по ее передаче. Если потребитель обратится к гарантирующему поставщику именно насчет договора энергоснабжения, а не решит заключить договор купли-продажи (поставки) с тем, чтобы отношения по передаче электроэнергии урегулировать самостоятельно, то поставщик не вправе ему отказать.

При этом качество электрической энергии нарушается именно в процессе ее передачи по электрическим сетям, принадлежащим сетевым организациям либо оператору магистральных электросетей. Причины таких нарушений предопределяются множеством технологических факторов, к которым можно отнести сбой в напряжении электрических сетей (отклонение напряжения, частоты, импульсное напряжение и др.), обрывы кабелей (приводящие к полному временному прекращению передачи электроэнергии), изменение нагрузки и др.

С технологической точки зрения работа с качеством электроэнергии на розничных рынках входит в компетенцию сетевых организаций либо оператора

²⁴² См.: Бабаев А. Б., Бевзенко Р. С., Белов В. А. и др. Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2019 (очерк 13, автор – А. Б. Бабаев). С. 618.

магистральных электросетей как собственников инфраструктуры (электрические сети, трансформаторы и т.д.). Однако, несмотря на указанные экономико-технологические особенности, законодательство предписывает следующее.

Статья 38 Закона об электроэнергетике устанавливает два варианта ответственности за нарушение гарантийных обязательств:

1) ответственность энергосбытовых организаций, гарантирующих поставщиков и сетевых организаций перед потребителем за нарушение качества электрической энергии при наличии непосредственного присоединения к сетям сетевой организации;

2) ответственность лица, к сетям которого подключен потребитель (опосредованное присоединение).

Согласно абз. 6 п. 40 и абз. 1 п. 41 Основных положений одним из существенных условий договора энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности)) является обеспечение со стороны гарантирующего поставщика соответствия качества электрической энергии требованиям, установленным законодательством (в частности, техническим регламентам и ГОСТам). Исходя из указанных положений, гарантирующий поставщик несет определенные гарантийные обязательства как в случае, когда он берет на себя ответственность за урегулирование отношений по передаче ресурса (энергоснабжение), так и в случаях, когда данная обязанность для гарантирующего поставщика не предусмотрена (купля-продажа (поставка)).

Отдельный случай – исполнение гарантийных обязательств по качеству электрической энергии, когда имеет место опосредованное технологическое присоединение потребителя к электрическим сетям (через сети третьего лица). В подобной ситуации в соответствии с абз. 3 п. 30 Основных положений гарантирующий поставщик и сетевая организация отвечают солидарно в границах балансовой принадлежности последней; при этом основание и размер ответственности гарантирующего поставщика определяется по общим положениям гражданского законодательства.

Таким образом, законодатель, по общему правилу, возлагает на гарантирующего поставщика бремя исполнения гарантийных обязательств по обеспечению поставки электрической энергии надлежащего качества при наличии как договора энергоснабжения, так и договора купли-продажи.

Применительно к договору энергоснабжения с гражданско-правовой точки зрения ответственность за качество для гарантирующего поставщика является ответственностью за действия третьих лиц согласно ст. 403 ГК РФ и при этом относится к случаям безвиновной ответственности, предусмотренной п. 3 ст. 401 ГК РФ. Указанная точка зрения превалирует и в доктрине²⁴³.

Представляется, что сложившаяся система ответственности за нарушение гарантийных обязательств по указанным договорам дефектна исходя из следующего.

В доктрине отмечается, что безвиновная ответственность может возникать в результате случая, т.е. обстоятельств, которые могли быть предотвращены ответственным лицом, но этого не произошло ввиду внезапности их наступления²⁴⁴, либо в результате непреодолимой силы. Гарантирующий поставщик при этом несет ответственность за «случай» нарушения качества электроэнергии даже несмотря на то, что он не должен и не может, ввиду технических и экономических особенностей функционирования электроэнергетики, разделения видов деятельности на конкурентные и естественно-монопольные контролировать функционирование электросетей, поскольку у него отсутствует как возможность технологического воздействия непосредственно на электросетевое хозяйство, так и доступ к внутренним данным сетевой организации, благодаря чему он мог бы сообщить об угрозе нарушения качества и, следовательно, попытаться предотвратить его при передаче электроэнергии. Кроме того, телеологическое толкование совокупности норм, содержащихся в п. 3 ст. 401 и ст. 403 ГК РФ, позволяет сделать вывод, что должник

²⁴³ См., например: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. Кн. 1. С. 762, 764; Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. С. 349.

²⁴⁴ Гражданское право: учебник: в 4 т. (Т. 1) / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 531.

(гарантирующий поставщик) отвечает перед кредитором (потребитель) за действия третьих лиц (сетевая организация) исключительно в том случае, когда третье лицо добровольно привлечено должником для исполнения его обязательств.

Сказанное подтверждается и взаимосвязанным толкованием положений п. 6 ст. 313 и ст. 403 ГК РФ Пленумом ВС РФ, согласно которому должник отвечает перед кредитором за действия третьего лица, если исполнение соответствующих обязательств на такое лицо было возложено должником²⁴⁵. Тем самым Пленум ВС РФ допустил непосредственное привлечение к ответственности третьего лица за нарушение обязательств перед кредитором, но только при условии, что должник не возлагал на это лицо исполнение указанных обязательств, причем независимо от того, являются ли они денежными или нет. Подобное ограничительное толкование п. 6 ст. 313 ГК РФ было поддержано научным сообществом²⁴⁶.

Однако нельзя признать, что трехсторонняя договорная конструкция отношений по электроснабжению (потребитель – поставщик – сетевая организация) подпадает под доктринальную и законодательную модель ответственности, в том числе безвиновную, за действия третьих лиц, поскольку поставщик энергии привлекает сетевую организацию для исполнения части обязательств по договору электроснабжения (передача ресурса) хоть и на договорных основаниях, но не по собственному волеизъявлению, а в силу императивно установленного требования. К тому же поставщик лишен права выбора контрагента – сетевой организации, поскольку заключает договор с тем владельцем объектов электросетевого хозяйства, к которым присоединен потребитель либо в границах которой он находится.

Представляется, что в указанном случае применять следует именно норму п. 6 ст. 313 ГК РФ в ограничительном толковании Пленума ВС РФ, т.е. привлекать к ответственности за неисполнение гарантийных обязательств непосредственно

²⁴⁵ См. п. 22 Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 1.

²⁴⁶ См.: Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. С. 185, СПС «КонсультантПлюс».

сетевую организацию, поскольку в данном случае она фактически оказывает услуги по передаче электроэнергии потребителю в силу закона, а не по волеизъявлению поставщика, хоть и на основании договора с ним, поскольку его заключение является обязательным.

Тем не менее на практике безоговорочно сформировалось буквальное применение соответствующих норм, предполагающее взыскание с поставщика энергии убытков, вызванных нарушением качества²⁴⁷, а также привлечение его к административной ответственности за нарушение требований технических регламентов²⁴⁸.

Кроме того, судебная практика запрещает перенос ответственности за качество электрической энергии с поставщика на сетевую организацию даже на основании соответствующего соглашения между указанными лицами²⁴⁹, что расходится с принципом свободы договора.

Необходимо обратить внимание и на противоречие между сложившейся системой ответственности за нарушение гарантийных обязательств при снабжении электрической энергией и общими положениям гражданского законодательства о бремени содержания имущества. Статья 210 ГК РФ обязывает собственника имущества поддерживать его в надлежащем состоянии, в том числе осуществлять своевременный ремонт. В разрезе экономической, предпринимательской деятельности это означает наличие непосредственной причинно-следственной связи между нарушением гарантии качества товара и состоянием имущества, с применением которого такой товар был произведен, транспортирован и т.д. Именно такое лицо (собственник) должно отвечать за нарушение гарантийных обязательств.

²⁴⁷ См.: Определение ВАС РФ от 02.10.2013 № ВАС-13011/13 по делу № А58-2953/2012, определение ВАС РФ от 19.09.2011 № ВАС-11505/11 по делу № А10-2719/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁸ См.: Постановление ВС РФ от 21.05.2015 № 304-АД15-4508 по делу № А03-7692/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2018 № Ф05-10045/2019 по делу № А40-163599/2017. URL: <http://kad.arbitr.ru/>.

Таким образом очевидно, что возложение на поставщика энергии гарантийных обязательств по обеспечению качества электрической энергии противоречит ст. 210 ГК РФ, поскольку фактически возлагает на него бремя содержания чужого имущества, используемого при исполнении договора электроснабжения, несмотря на то что поставщикам энергии, в особенности гарантирующим, запрещено иметь в собственности объекты электросетевого хозяйства. При этом ВС РФ отмечал, что бремя содержания имущества собственника может быть возложено на другое лицо исключительно законом²⁵⁰.

Крайне спорными представляются и подходы к ответственности поставщиков энергии за качество даже в случаях, когда обязанность по обеспечению передачи надлежащей энергии потребителям возложена напрямую на сетевые организации, а именно – при отсутствии собственника (бесхозные объекты электросетевого хозяйства)²⁵¹.

Помимо дефектов в системе гражданско-правовой ответственности за нарушение гарантийных обязательств по договору энергоснабжения, мы видим еще и административную ответственность за нарушение исполнителем, продавцом требований технических регламентов, т.е. фактически за то же самое деяние, по ст. 14.43 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Что же касается гражданско-правовой ответственности, то, как следует из законодательства и отмечается в доктрине²⁵², такой порядок привлечения к ней обусловлен отсутствием у потребителя договорных отношений с сетевой организации (в случае заключения договора энергоснабжения) и, следовательно, невозможностью предъявления исковых требований к ней. Несмотря на это, возникает два вопроса:

²⁵⁰ См. п. 7 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 26.12.2018 // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 8.

²⁵¹ См. абз. 2 п. 1 ст. 38 Закона об электроэнергетике; Апелляционное определение Челябинского областного суда от 19.08.2014 по делу № 11-7117/2014, определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.12.2021 № 88-10170/2021, 2-487/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵² См.: Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2019. С. 350.

– какова политико-правовая цель установления возможности привлечения гарантирующего поставщика к ответственности за качество при наличии договора купли-продажи (поставки) электрической энергии, а также прямого договора на оказание услуг по передаче ресурса между потребителем и сетевой организацией²⁵³?

– в чем логика привлечения поставщика энергии к административной ответственности за нарушение требований технических регламентов при отсутствии у него как возможности, так и обязанности их соблюдения?

Представляется, что оба указанных случая привлечения к ответственности – следствие незавершенности развития нормативной правовой базы после реформы электроэнергетики, до проведения которой гарантийные обязательства по качеству указанного ресурса несло одно лицо.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением, что ответственность гарантирующего поставщика за неправомерные перерывы в подаче электроэнергии и ее качество должна наступать независимо от его вины, но при этом допустить конкуренцию исков и позволить потребителям предъявлять внедоговорные требования к сетевой организации в конструкции договора энергоснабжения²⁵⁴. Потребитель, у которого отсутствуют прямые договорные отношения с сетевой организацией, может не знать о том, к какой сетевой организации предъявлять требования, либо быть незаинтересованным в применении сложных правовых механизмов привлечения к внедоговорной ответственности, поскольку ему нужно будет обосновать перед судом, почему он предъявляет требования именно к этому лицу, а не к стороне по договору.

Более верной конструкцией ответственности за нарушение гарантийных обязательств по договору энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности)) в указанном случае будет установление императива, предполагающего предъявление потребителем претензии исключительно к сетевой организации как собственнику инфраструктуры.

²⁵³ См. абз. 3 п. 30 Основных положений.

²⁵⁴ См.: Свирков С. А. Указ. соч. С. 352.

Подобный подход отвечает и общеправовому принципу справедливости, и гражданско-правовому принципу возмещения вреда лицом, непосредственно причинившим его, и отраслевому принципу баланса экономических интересов сторон. При этом для повышения правовой защищенности потребителя в части определения ответчика допустимо одновременно возложить на поставщика энергии обязанность предоставлять полную информацию об инфраструктурной организации, обеспечивающей передачу энергии.

Иные варианты построения ответственности за нарушение гарантийных обязательств по договору электроснабжения не выдерживают существенной критики со всех точек зрения (правовой, экономической и технической) и содержат законодательные противоречия. Предъявление регрессных требований неэффективно, поскольку предполагает увеличение издержек указанных лиц по сбору доказательственной базы и влечет рост нагрузки на судебную систему ввиду задвоения претензионно-исковых разбирательств. Кроме того, даже в случае удовлетворения регрессных требований поставщик энергии может понести некомпенсируемые потери, вызванные привлечением к административной ответственности.

Справедливо, таким образом, замечание о незавершенности реформы электроэнергетики²⁵⁵ и необходимости дальнейшего совершенствования договорных отношений. Оборот энергии на розничных рынках подвержен слишком значительным публично-правовым ограничениям, и поэтому при вступлении в договор и исполнении договорных обязательств по энергоснабжению необходимо расширить гражданско-правовые свободы, в том числе для достижения баланса экономических интересов сторон и оптимального сочетания свободы договора и ее ограничения²⁵⁶.

²⁵⁵ См.: Габов А. В., Символоков О. А. Развитие энергетического законодательства // Научные концепции развития российского законодательства: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. С. 480.

²⁵⁶ См.: Символоков О. А. Развитие договорных отношений в электроэнергетике // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 49–60.

Аналогичные проблемы возникают и при снабжении потребителей, отнесенных к категории «население». Так, если был зафиксирован факт нарушения качества коммунальной услуги по электроснабжению, то поставщик корректирует оплату, возмещает убытки (при их наличии, например, если была повреждена электротехника потребителя), компенсирует моральный вред и выплачивает штраф (при отказе в добровольной компенсации) по Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»²⁵⁷.

В существующей правовой конструкции по завершении расчетов в добровольном или судебном порядке у поставщика энергии возникает право регрессных требований к сетевой организации, чтобы компенсировать свои убытки. Однако суды чаще всего отказывают во взыскании с сетевой организации полного размера убытков. То же касается штрафов, оплаченных по Закону о защите прав потребителей, особенно в случаях, когда поставщик отказался выплачивать его в добровольном порядке, а также судебных издержек (расходы на представителей и проч.)²⁵⁸. Формальная логика таких решений состоит в том, что если бы поставщик энергии в добровольном порядке удовлетворял все требования потребителей, то отсутствовали бы судебные расходы, которые не являются в прямом смысле убытками, поскольку связаны с процессуальными, а не материальными аспектами защиты своего интереса, и штраф не был бы назначен, поскольку он выплачивается в случае, если продавец отказался в добровольном порядке удовлетворять требования потребителя²⁵⁹.

Представляется, что в отношении подобной логики могут быть высказаны следующие замечания.

Во-первых, требования потребителя могут быть изначально завышены, и тогда поставщик энергии, в случае их добровольного удовлетворения, понесет

²⁵⁷ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

²⁵⁸ См., например: Определение ВАС РФ от 08.10.2013 № ВАС-13476/13 по делу № А36-5791/2012, С РФ от 02.12.2019 № 309-ЭС19-20825 по делу № А47-5629/2018, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.11.2020 № Ф08-8878/2020 по делу № А32-19641/2019, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.12.2018 № Ф10-5371/2018 по делу № А14-20991/2017, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.10.2020 № Ф04-4881/2020 по делу № А03-20520/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁹ См. п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей.

объективно необоснованные убытки и лишится права на их полное возмещение сетевой организацией, не имея возможности документально подтвердить причинно-следственную связь между размером убытков и степенью отклонения качества.

Во-вторых, подобный подход фактически лишает поставщика права на судебную защиту своих интересов, тем самым не оставляя ему законных способов уменьшить сумму ущерба, требования о возмещении которого ему предъявлены. Такая ситуация вступает в противоречие со значительным количеством общеправовых принципов (баланс экономических интересов, равенство сторон правоотношений, справедливость и др.) при отсутствии объективных оснований для ее легализации в качестве исключения.

В-третьих, подобные ситуации влекут за собой «кассовые разрывы», связанные с тем, что выплата поставщиком полных требований потребителя в добровольном порядке не гарантирует соразмерного регрессного возмещения со стороны сетевой организации. Помимо прочего, такие расходы последней могут быть расценены как экономические необоснованные в контексте тарифного регулирования.

На основании изложенных аргументов становится очевидным, что действующая модель гарантийных обязательств, как и ответственность за их нарушение, требует дальнейшего совершенствования. Из проведенного анализа можно сделать вывод о том, что процесс взаимодействия, в частности, возмещения понесенных гарантирующим поставщиком убытков при нарушении качества, значительно удлинен и усложнен, и это не позволяет признать его соответствие принципам правовой и процессуальной экономии, предполагающей минимальные затраты (временные, трудовые, финансовые и другие) на реализацию или защиту прав и интересов путем использования различных правовых средств²⁶⁰.

²⁶⁰ См., например: Белицкая А. В., Белых В. С., Беляева О. А. и др. Правовое регулирование экономических отношений в условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 66; абз. 3 п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции».

Как представляется, для отношений по энергоснабжению населения (и приравненных к нему категорий потребителей) должны действовать те же правовые механизмы ответственности за нарушение качества энергии, необходимость введения которых отстаивается при энергоснабжении с потребителями, приобретающими электроэнергию в коммерческих целях. При этом они должны быть применимы как к сетевой организации (при нарушении качества в границах эксплуатационной ответственности до многоквартирного дома), так и к управляющей (во внутридомовых инженерных коммуникациях).

Еще одной из причин описанного выше дисбаланса ответственности является попытка законодателя максимально обеспечить защиту потребителей и упростить их отношения с поставщиком. Вместе с тем избыточная защита интересов слабой стороны договора препятствует росту инвестиционной привлекательности отрасли, возможности эффективного развития энергосбытового бизнеса, а также приводит к нарушению основополагающих начал гражданского законодательства.

Несмотря на то, что эффективные правовые механизмы защиты слабой стороны договора (потребителя) действительно необходимы, нельзя игнорировать иные особенности правового, экономического и технологического уклада сферы электроэнергетики. Тем более, что установленная политико-правовая логика защиты прав потребителей по принципу «единого окна», т.е. за счет поставщика энергии, не дает ему средств воздействия на сетевую организацию в целях обеспечения ею требований по качеству передаваемой энергии.

Представляется, что устранить поименованные противоречия и дисбалансы можно только путем возложения полной ответственности за качество на лицо, владеющее электросетевым хозяйством (сетевая организация и др.)²⁶¹, поскольку введение конкуренции исков представляются неэффективными²⁶². И хотя следует

²⁶¹ При этом противоречий с п. 3 ст. 308 ГК РФ не возникает в силу двух факторов: императивность привлечения третьего лица, о чем сказано в настоящем параграфе, а также допустимость распространения обязательств на третьих лиц в силу закона согласно абз. 2 упомянутой нормы ГК РФ.

²⁶² Подробнее о проблематике гарантийных обязательств в сфере электроснабжения см.: Максименко П. Н. Гарантийные обязательства по договору энергоснабжения в сфере электроэнергетики и ответственность за их нарушение // Право и экономика. 2020. № 7. С. 45–

согласиться, что возложение на одну из сторон договора ответственности за действия третьих лиц служит мерой защиты кредитора путем снятия с него дополнительных рисков²⁶³, в исследуемых правоотношениях такие риски с кредитора (потребителя) не снимаются, поскольку процесс его защиты усложнен фактической невозможностью поставщика энергии в досудебном порядке удовлетворить требования потребителя, связанные с нарушением качества. Сказанное актуально и для независимых поставщиков энергии, если договор энергоснабжения заключается с ними.

Еще один спорный аспект – невозможность отказа в заключении публичного договора при отсутствии оснований (правовых и технологических), прямо установленных законом.

В науке отмечается невозможность отказа коммерческих организаций от заключения публичного договора²⁶⁴, поскольку это необходимо для защиты экономически слабой стороны²⁶⁵, в том числе через предоставление ей права понуждать к заключению договора²⁶⁶. Однако стоит согласиться с мнением, что безусловность такого механизма может приводить к запрещенному ст. 10 ГК РФ злоупотреблению правом. Например, после расторжения публичного договора с недобросовестным потребителем – неплательщиком он требует заключения нового договора²⁶⁷, в чем гарантирующий поставщик не может ему отказать.

Наличие указанной проблемы (в различных аспектах ее проявления) характерно и для сферы розничного оборота электроэнергии, что послужило причиной законодательного введения точечных мер в отношении неплательщиков

51; Максименко П. Н. Гарантийные обязательства при снабжении коммунальной услугой по электроснабжению: экономико-правовой анализ // Право и экономика. 2021. № 4. С. 39–45.

²⁶³ См.: Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2020. С. 379.

²⁶⁴ См.: Беляева О. А. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. В.Б. Ляндреса. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006. С. 271 (Тема 7, § 2), СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁵ См.: Егорова М. А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2010 (гл. 4, разд. 4.1.5), СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁶ См.: Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016 (гл. 13, раздел «Специальные (типовые) договорные конструкции), СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁷ См.: Карапетов А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007 (разд. IV, гл. 1, § 18), СПС «КонсультантПлюс».

– независимых энергосбытовых организаций²⁶⁸. Однако перечень недобросовестных потребителей намного шире упомянутой категории.

Справедливо замечание о недостаточности действующих мер ответственности для значительного улучшения ситуации с дебиторской задолженностью и необходимости дополнительных стимулов для надлежащего исполнения обязательств²⁶⁹.

Представляется, что среди них должны быть меры заградительного характера, если потребитель известен как недобросовестный, систематический неплательщик. Правовым средством превентивной защиты может служить, например, предоставление гарантирующим поставщикам, как основным носителям бремени публичности договора, права вводить в договор энергоснабжения с подобными потребителями дополнительные условия (авансирование оплат, упрощенный порядок ограничения режима потребления с целью предотвратить существенный рост долга по новому договору и т.д.)²⁷⁰. Для последующего «выравнивания» условий снабжения допустимо предусмотреть порядок снятия «следа недобросовестности», если такое лицо со временем подтвердит свою финансовую дисциплинированность. При этом гарантирующий поставщик должен обеспечивать установление, а, возможно, и согласование с антимонопольным органом четких критериев для применения дополнительных условий вступления в договорные отношения, а также для снятия «следа недобросовестности».

Подобный подход наравне с гарантией возможности заключения договора послужит мерой выравнивания дисбаланса между безусловной публичностью договора и гражданско-правовыми принципами равенства участников отношений, обеспечивая при этом восстановление нарушенных прав внесудебным, а потому наименее затратным способом.

²⁶⁸ Для них установлена обязанность обеспечить исполнение договорных обязательств банковской гарантией или полного авансирования оплат по новому договору согласно абз. 5 п. 2 ст. 37 Закона об электроэнергетике.

²⁶⁹ См.: Символоков О. А. Ответственность за нарушение договорных обязательств в сфере электроэнергетики // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 63–74.

²⁷⁰ Стоит отметить, что некий аналог уже введен для авиаперевозчиков, которые вправе отказать пассажиру в посадке на рейс, если он внесен в «стоп-лист», согласно п. 4 ст. 786 ГК РФ.

Антимонопольные ограничения договорных отношений по энергоснабжению. Антимонопольное регулирование преследует цель пресечь монополистическую деятельность, недобросовестную конкуренцию и устранение конкуренции. При этом законодательство о защите конкуренции исходит из основ гражданского законодательства²⁷¹.

Применительно к договорным отношениям на розничных рынках электроэнергии основными объектами антимонопольного регулирования (контроля) являются цена и действия субъектов розничных рынков, занимающих доминирующее положение. К целям контроля относятся, в том числе, выявление и пресечение создания дискриминационных условий, необоснованные отказы в заключении договора, манипулирование ценами, злоупотребление доминирующим положением согласно п. 2 ст. 35 Закона об электроэнергетике.

С учетом того, что Закон о защите конкуренции фактически исходит из единства с ГК РФ, следует предположить, что по отношению к договорным взаимосвязям сторон меры антимонопольного воздействия могут применяться при наличии, как минимум, одного из следующих условий:

- исчерпаны или неприменимы меры гражданско-правовой защиты;
- нарушаются публично-правовые требования к договорным отношениям, связанные с несоблюдением антимонопольного законодательства.

При этом обязательными критериями, позволяющими в указанных случаях реализовывать меры антимонопольного контроля, являются:

- наличие умысла в действиях поставщика энергии;
- возникновение критических негативных последствий у слабой стороны договора либо риски возникновения таких последствий у неограниченного количества потребителей.

Оценка применения антимонопольного законодательства, по мысли ВАС РФ, должна базироваться, в частности, на основополагающих принципах, закрепленных в ст. 1 ГК РФ и исходить из того, что никто не может ущемлять гражданские права и свободы другого лица при осуществлении своих гражданских

²⁷¹ См. ст. 1 и 2 Закона о защите конкуренции.

прав и обязанностей²⁷². В дальнейшем указанная мысль была детализирована и развита ВС РФ, который отметил действие презумпции невиновности лица, занимающего доминирующее положение, и обязанность антимонопольного органа доказать злоупотребление доминирующим положением (а следовательно, и любое иное нарушение, рассматриваемое в рамках антимонопольного разбирательства).

Само по себе наличие доминирующего положения не презюмирует злоупотребление им при вступлении в договорные отношения, в том числе на условиях, отличных от базовых, включая дифференциацию цен (тарифов)²⁷³.

Исходя из этого антимонопольное вмешательство в договорные отношения по энергоснабжению допустимо только в ситуации, когда субъект, занимающий доминирующее положение, очевидно нарушает публично-правовые требования, обязательные к исполнению (например, необоснованно отказывает в заключении договора энергоснабжения), а также в случаях неэффективности или неприменимости гражданско-правовых механизмов для защиты прав слабой стороны (например, полное ограничение режима потребления «неотключаемого» потребителя или потребителя, прекращение энергоснабжения которого может ограничить снабжение третьих лиц – добросовестных плательщиков²⁷⁴).

Представляется, что в настоящее время в правоприменительной практике наблюдается значительный перевес публично-правовых, в том числе антимонопольных, средств урегулирования разногласий сторон по отношению к гражданско-правовым. Одним из ярких примеров являются споры, связанные с безучетным потреблением электроэнергии. Так, если при выставлении потребителю требования об оплате безучетно потребленной энергии возникают сомнения в корректности произведенного расчета, то зачастую антимонопольный

²⁷² См. п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» в редакции, действовавшей до 04.03.2021 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 8.

²⁷³ См. п. 14 и 19 постановления Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 5.

²⁷⁴ См., например: Решение Кемеровского УФАС России от 19.03.2020 по делу № 042/01/10-1552/2019 и определение ВС РФ от 12.08.2021 № 304-ЭС21-14573 по делу № А27-13705/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

орган самостоятельно или по заявлению потребителя инициирует меры антимонопольного воздействия на поставщика энергии, признавая злоупотребление доминирующим положением. Зачастую суды поддерживают такие решения²⁷⁵.

Вместе с тем наиболее верной представляется позиция судов, в соответствии с которой отношения по исполнению договорных обязательств, включая расчеты за безучетное потребление, носят гражданско-правовой характер, и антимонопольный орган выходит за пределы своей компетенции, поскольку не имеет права принимать решения, касающиеся договорных разногласий²⁷⁶.

Необходимость приоритетного использования гражданско-правовых средств защиты интересов в спорах о безучетном потреблении основывается на следующем.

Статья 541 ГК РФ предусматривает, что количество потребляемой и оплачиваемой энергии определяется по приборам учета; указанное условие является одним из существенных для договора энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электроэнергии) наравне с иными способами определения объема потребления согласно п. 40 и 41 Основных положений. Безучетное потребление, имея определенную штрафную природу²⁷⁷, в основе своей является способом определения объема обязательств для случаев, когда потребитель нарушил требования к обычному порядку учета, что подтверждается как нормами Основных положений (п. 2, 84 и др.), так и в научной литературе²⁷⁸. Аналогичен и подход высших судебных инстанций, отмечающих, что при выявлении безучетного

²⁷⁵ См., например: Определения ВС РФ от 31.01.2018 № 305-КГ17-21671 по делу № А40-253955/2016, от 10.06.2019 № 304-ЭС19-8212 по делу № А27-13746/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁶ См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.12.2021 № 09АП-69582/2021 по делу № А40-70278/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁷ См., п. 11 Обзора судебной практики по спорам об оплате неучтенного потребления воды, тепловой и электрической энергии, поставленной по присоединенной сети, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.11.2021.

²⁷⁸ См.: Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. (§ 1.3); Его же. Правовая квалификация расчетного способа определения объема газа в свете учения о неосновательном обогащении // Гражданское право. 2019. № 5. С. 42–45 и др.

потребления его объем определяется на основании расчетных способов²⁷⁹. Таким образом суды подтверждают, что расчет безучетного потребления является способом определения объема договорных обязательств сторон в случае отклонения от нормального порядка снабжения. Дополнительно обращает на себя внимание тот факт, что ВС РФ признал возможным обжаловать акты о безучетном потреблении (а значит, и их составляющих, таких как расчет потребления) с применением гражданско-правовых средств защиты²⁸⁰.

Таким образом, представляется справедливым утверждать, что вопросы корректности расчетов, в том числе связанные с безучетным потреблением, должны в первую очередь рассматриваться в гражданско-правовой, а не в антимонопольной плоскости, за исключением экстраординарных случаев.

Другим ярким примером являются антимонопольные разбирательства, связанные с нарушением порядка ценообразования.

Розничные рынки электроэнергии сочетают в себе продажу по регулируемым и нерегулируемым (как показывает анализ – условно нерегулируемым) ценам²⁸¹. Пункт 2 ст. 25 Закона об электроэнергетике устанавливает, что цена является одним из предметов антимонопольного контроля. Основные положения и Правила № 1179 содержат порядок определения и применения предельных уровней нерегулируемых цен для гарантирующего поставщика. При этом в литературе отмечается, что формируются такие цены с учетом действия принципа свободы договора²⁸².

Антимонопольный контроль в большинстве случаев исходит из того, что любое отклонение ценовых параметров торговли является антимонопольным

²⁷⁹ См., например: Определения ВАС РФ от 19.04.2013 № ВАС-4463/13 по делу № А32-42941/2011, от 12.11.2010 № ВАС-14414/10 по делу № А15-2378/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁰ См. п. 13 Обзора судебной практики по спорам об оплате неучтенного потребления воды, тепловой и электрической энергии, поставленной по присоединенной сети.

²⁸¹ См.: Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография (§ 2.2).

²⁸² См.: Орлов А. М. Вопросы антимонопольного регулирования в рамках договора энергоснабжения // Конкурентное право. 2018. № 4. С. 27–29.

нарушением, а именно – злоупотреблением доминирующим положением посредством нарушения порядка ценообразования.

Вместе с тем, поскольку цена, согласно ГК РФ и п. 40 и 41 Основных положений, является существенным условием договора энергоснабжения, критически важно четко разграничивать случаи, когда нарушения порядка ценообразования влекут отрицательные общественные, и когда – индивидуальные последствия.

Так, например, вызывает интерес дело, в котором при заключении государственного контракта на энергоснабжение было предусмотрено формирование стоимости по нерегулируемой цене. Однако в дальнейшем антимонопольный орган в интересах потребителя по указанному контракту возбудил в отношении гарантирующего поставщика дело о злоупотреблении доминирующим положением, выраженном в нарушении порядка ценообразования. Причиной принятия такого решения, поддержанного судом, послужило то, что деятельность потребителя является социально-ориентированной, а значит, снабжение должно быть тарифицировано²⁸³.

Споры подобного характера должны разрешаться не в антимонопольном, а в гражданско-правовом порядке, поскольку споры об определении размера встречного удовлетворения относятся к договорным, даже если в них участвует субъект, занимающий доминирующее положение. Более того, если у сторон возникло разногласие о применимой цене (в том числе в случаях, когда она не была прямо указана в договоре), согласно правовым позициям ВС РФ и ВАС РФ должна взиматься та цена за товар, которая используется в аналогичных условиях товарооборота, а при возражении сторон суд вправе своим решением заместить их волю и определить применимую стоимость в договоре²⁸⁴. При этом каждая сторона

²⁸³ См.: Решение Курского областного суда от 14.07.2020 по делу № 21-97/2020, 12-129/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁴ См. п. 54 постановления Пленума ВС РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996, постановление Президиума ВАС РФ от 15.05.2007 № 1340/07 по делу № А63-3233/05-С3 // СПС «КонсультантПлюс».

договора вправе обратиться в суд с иском об изменении установленной в нем цены²⁸⁵.

Напротив, антимонопольное вмешательство совершенно справедливо в тех случаях, когда нарушение ценообразования носит систематический характер и может повлечь негативные последствия для неопределенного круга потребителей²⁸⁶. В подобных ситуациях пострадавшие потребители дополнительно получают право взыскания убытков в гражданско-правовом порядке, особенно с учетом того, что соблюдаются все условия, обеспечивающие возможность такого возмещения: наличие антимонопольного нарушения и причинно-следственной связи между нарушением и фактом возникновения убытков²⁸⁷.

Можно утверждать, что именно цена товара является базовым параметром для конкурентирования на товарном рынке. В отношениях по энергоснабжению цена может приобретать и дополнительное качество – как инструмент стимулирования финансовой дисциплины потребителя.

Действующее правовое регулирование отношений по энергоснабжению с участием гарантирующего поставщика исходит из того, что они обязаны осуществлять расчет предельных нерегулируемых цен для шести ценовых категорий в соответствии с требованиями Основных положений и Правил № 1179²⁸⁸. Такая цена должна быть единой для всех потребителей соответствующей

²⁸⁵ См. п. 4 Обзора практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с установлением и применением цен (письмо ВАС РФ от 20.03.1995 № С1-7/ОП-159) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁶ Например, в случае, если гарантирующий поставщик неверно определяется уровень средневзвешенной нерегулируемой цены, что влечет необоснованный рост стоимости для всей ценовой категории потребителей (п. 8 Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016 (данный Обзор интересен в контексте того, что факт неверного определения цены составляет антимонопольное нарушение, однако представляется, что он может являться таковым только при неопределенном круге пострадавших лиц), определение ФАС России от 02.04.2018 по делу № 4-14.31-201/00-21-18, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2019 № 09АП-43555/2019 по делу № А40-53151/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁷ См.: Егорова М. А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства: монография. М.: Юстицинформ, 2020 (п. 8 § 5 гл. 4), СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁸ См.: Изотова А. В. Особенности государственного регулирования цен (тарифов) в сфере электроэнергетики // Правовой энергетический форум. 2015. № 4. С. 12–20.

ценовой категории и не может дифференцироваться для различных групп приобретателей энергии внутри одной ценовой категории²⁸⁹. Тем самым субъекты, которые занимают доминирующее положение, в частности гарантирующие поставщики, лишаются возможности проводить, даже в интересах потребителей, стимулирующие монетарные кампании. А ведь их можно было бы направить на предоставление скидок добросовестным плательщикам, на возможность погасить долги ради предоставления скидки, если бы не существовало рисков, что подобные действия будут расценены в качестве антимонопольного нарушения. Вместе с тем необходимо отметить, что при доктринальном толковании законодательства возможность подобного поведения поставщиков усматривается²⁹⁰.

Кроме того, стоит учитывать и недавние разъяснения ВС РФ, подтверждающие допустимость дифференциации параметров торговли внутри конкретной категории потребителей, если условия такого поведения являются прозрачными и едиными для всех приобретателей соответствующей группы²⁹¹. Верно и утверждение о том, что ценовая (тарифная) политика в любой регулируемой сфере должна быть взвешенна и направлена на создание эффективного функционирования соответствующего товарного рынка²⁹².

Яркий пример непропорционального антимонопольного вмешательства в определение договорных условий касается практики допустимости включения в договор энергоснабжения неустойки на промежуточные (авансовые) платежи.

В договорных отношениях между профессиональными участниками рынка суды однозначно исходят из наличия такой возможности, если согласованное волеизъявление обеих сторон договора о включении в него соответствующего

²⁸⁹ Подобные ограничения усматриваются как из императивных требований законодательства, так и разъяснений ФАС России по ним (Вопрос: Каким образом рассчитываются нерегулируемые цены для потребителей (за исключением населения и приравненных к ним групп потребителей)? // Официальный сайт ФАС России, 2020, СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹⁰ Подробнее см.: Символоков О. А., Максименко П. Н. Возможность льготирования цен на электрическую энергию: доктрина, законодательство и судебная практика // Конкурентное право. 2020. № 4. С. 21–25.

²⁹¹ См. п. 19 постановления Пленума ВС от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

²⁹² См.: Семенович К. С. Государственное регулирование цен энергетических ресурсов // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 31–34.

условия выражено прямым и определенным образом в положениях сделки²⁹³. Что же касается отношений с потребителями иных категорий, то включение в договор подобного условия оценивается судами неоднозначно. В ряде случаев суды приходят к выводу, что действия по начислению неустойки на промежуточные (авансовые) платежи неправомерны, поскольку не предусмотрены ни законом, ни договором²⁹⁴, из чего опять-таки следует возможность применения подобной меры ответственности при наличии согласованного волеизъявления сторон.

В то же время включение договорного условия о начислении неустойки потребителям на авансовые платежи в типовую форму расцениваются антимонопольным органом как злоупотребление доминирующим положением²⁹⁵.

Верховный Суд РФ, в свою очередь, допускает включение такого условия в договор энергоснабжения в рамках реализации принципа свободы договора, но при соблюдении поставщиком двух дополнительных непоименованных в законодательстве требований:

- однозначная верификация согласия потребителя именно на это условие (простое подписание договора по типовой форме признается недостаточным);
- обязанность изъятия данного условия ex post из заключенного договора по инициативе потребителя²⁹⁶.

Подобные правовые позиции и меры контрольного реагирования нельзя признать обоснованными.

Первое – применение неустойки на авансовые платежи способствует унификации системы взаимосвязанной гражданско-правовой ответственности на оптовом и розничных рынках электроэнергии. Так, в п. 12 Регламента расчетов на оптовом рынке электрической энергии и мощности (приложение № 16 к договору

²⁹³ См.: Определения ВС РФ от 17.04.2020 № 305-ЭС20-3682 по делу № А40-100559/2019, от 10.08.2020 № 305-ЭС20-10388 по делу № А40-219271/2019, от 22.11.2019 № 305-ЭС19-20796 по делу № А40-286018/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28.05.2019 № Ф10-1696/2019 по делу № А48-6814/2018; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.10.2019 № Ф02-5194/2019 по делу № А78-4081/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁵ См., например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2022 № Ф05-35395/2021 по делу № А40-45907/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2022 № 305-ЭС22-8103 по делу № А40-45907/2021.

о присоединении к торговой системе оптового рынка) прямо закреплено, что за просрочку, в том числе авансовых обязательств по оплате, покупатели энергии несут гражданско-правовую ответственность.

Поскольку вся система расчетов в электроэнергетике, включая ее жилищный сегмент, построена на синхронизации платежей, то в отсутствие прямых требований законодательства о начислении неустойки на авансовые платежи или же запрета на подобные действия антимонопольное вмешательство в данную сферу представляется избыточным.

Второе – по общему правилу, изменение договора допустимо только на основании совместного волеизъявления его сторон, а одностороннее изменение возможно исключительно в случаях, установленных законом или самим договором с одновременным соблюдением требований добросовестности и разумности (ст. 450 ГК РФ). Правовая позиция Верховного Суда РФ в указанном примере по сути своей существенно расширяет порядок и условия применения ст. 450 ГК РФ в отношениях по энергоснабжению, обязывая поставщика энергии безоговорочно исключать нетиповые условия по воле потребителя, что как представляется нарушает баланс экономических интересов сторон и смысл принципа свободы договора.

Третье – нельзя забывать, что публичность договора не презюмирует запрета заключать его на индивидуально-определенных взаимовыгодных условиях.

В связи с этим представляет интерес доктрина антимонопольных действий государства (The Antitrust State Action Doctrine): если антиконкурентное поведение осуществляется в связи с императивными государственными установлениями, то лицо, их совершающее, обладает иммунитетом к ответственности за антимонопольные нарушения.

Зарубежная судебная практика был выработала двухступенчатый тест Midcal, согласно которому антимонопольный иммунитет предоставляется при наличии одновременно двух условий: действие однозначно определенных правовых норм, допускающих монопольное или антиконкурентное поведение, и активный государственный контроль за соблюдением таких требований

законодательства. Данная доктрина активно применяется и в отношении дерегулированного электроэнергетического сектора²⁹⁷.

Оценивая подобную доктрину в контексте российского правопорядка, предполагающего сочетание условно-монопольных и конкурентных начал розничного оборота энергии, справедливо утверждать: когда субъекты, наделенные соответствующей рыночной властью, реализуют требования законодательства, то любые ошибки, недостатки должны устраняться гражданско-правовыми средствами защиты интересов сторон договорных отношений. В подобной ситуации освобождение гарантирующих поставщиков (иных субъектов, занимающих доминирующее положение) от антимонопольной ответственности будет «платой» за их беспрекословное соблюдение требований к своей деятельности.

Итак, если законодательство не содержит прямых запретов на осуществление тех или иных действий, то упомянутые лица могут беспрепятственно реализовать свои гражданско-правовые свободы, если бы не риск вмешательства антимонопольных органов. Вместе с тем очевидно, что явность доминирующего положения²⁹⁸ значительно снижает заинтересованность поставщиков энергии в злоупотреблении рыночной властью, поскольку последствия могут быть несоизмеримы с потенциальной выгодой от совершенного деяния. Указанное подтверждает важность расширения цивилистических свобод, поскольку, повторим, в условиях нынешнего правового регулирования сама попытка реализации таких свобод может быть расценена как злоупотребление доминирующим положением, что отнюдь не стимулирует экономическое развитие розничных рынков электроэнергии.

В этой связи поддержки заслуживает мнение о том, что запреты (ограничения) на расширение или реализацию конкурентного поведения должны

²⁹⁷ См.: Schwartz J. D. The use of the antitrust state cation doctrine in the deregulated electric utility industry // *American University Law Review*. V. 48. I. 6. A. 5. 1999. P. 1453–1466, 1484–1489.

²⁹⁸ См.: Символоков О. А. Применение арбитражными судами антимонопольного законодательства по делам об антиконкурентных соглашениях // *Журнал российского права*. 2021. № 11. С. 133–149.

применяться в случае, когда в таком поведении отсутствует экономическая легитимность²⁹⁹.

Изложенное подтверждает наличие значительного дисбаланса между применением антимонопольных и гражданско-правовых средств урегулирования разногласий в отношениях по энергоснабжению.

На основании стратегических целей развития конкуренции на розничных рынках представляется целесообразным поэтапный переход от детальной регламентации правоотношений субъектов, в первую очередь договорных, к расширению свободы договора и усмотрения сторон. Это, помимо прочего, снизит воздействие оценочных категорий наличия или отсутствия антимонопольного нарушения, которые, как справедливо утверждается в научной литературе, содержат в себе риск правоприменительных ошибок³⁰⁰.

Вместе с тем в условиях свободного рынка антимонопольные инструменты не только предотвращают ущемление прав и законных интересов неопределенного круга потребителей, но и поддерживают конкуренцию между поставщиками, в том числе за счет запрета олигополий.

Гражданско-правовые особенности. Значимые вопросы по процедурам заключения и исполнения договора связаны с определением и последующим выполнением синналагматических обязательств сторон.

Главный вопрос – выбор такого подхода к правовому регулированию договорных отношений, который обеспечивает возможность реализации принципа свободы договора и конкуренции поставщиков при розничном обороте электрической энергии. Помимо того, что само энергоснабжение – весьма «чувствительная» область правоотношений, конкуренция, в свою очередь, представляется «сложным, многосторонним социально-экономическим

²⁹⁹ См.: Зеккер Ф. Ю. Свобода посредством конкуренции. Конкуренция посредством регулирования. Реформа немецкого энергетического права в свете опыта энергетического права США (часть 2) // Энергетическое право. 2006. № 1.

³⁰⁰ См.: Егорова М. А. Правовые режимы антиконкурентных действий: монография. М.: Юстицинформ, 2021 (§ 1 гл. 2), СПС «КонсультантПлюс».

явлением»³⁰¹, испытывающим на себе одновременное влияние публичных и частных интересов.

Сложившаяся система правового регулирования договорных отношений по энергоснабжению, основываясь на принципах доступности, надежности и безопасности поставки данного ресурса, в значительной степени ограничила действие принципа свободы договора, о чем уже неоднократно упоминалось. Однако здесь же проявилось и внутреннее законодательное противоречие, связанное с тем, что система экономических отношений в электроэнергетике исходит из принципов свободы экономической деятельности и использования рыночных отношений и конкуренции. Совершенно справедливо, что свобода договора и конкуренции имеют очень глубокую связь и ограничение одного приводит к ограничению другого³⁰².

В конституционно-правовом измерении вопросы «борьбы» розничных поставщиков энергии за потребителя, как частный случай непосредственно действующего конкурентного поля, относятся к микроуровню соответствующих общественных отношений, и утверждение о том, что законодательство, которое регулирует эту сферу, нуждается в совершенствовании³⁰³, применимо и к отношениям по энергоснабжению.

В научной литературе проблема конкуренции на розничных рынках связывается с сохранением ее условно-монополистического характера, что выражается в наличии института гарантирующих поставщиков, которые обычно занимают большую часть товарного рынка в соответствующем регионе³⁰⁴. С такой

³⁰¹ Белых С. В. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 2–7.

³⁰² См.: Варламова А. Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 6–9.

³⁰³ См.: Хабриева Т. Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 5–15.

³⁰⁴ См., например: Громов В. В., Кинев А. Ю. Проблемы внедрения антимонопольного комплаенса в электроэнергетике // Предпринимательское право. 2021. № 2. С. 9–13; Пугина О. А. Компромисс в энергетическом праве как средство обеспечения баланса публичных и частных интересов // Современное право. 2017. № 8. С. 50–59; Матиящук С. В. Выбор энергосбытовой организации на розничном рынке электрической энергии: правовые вопросы теории и практики // Правовой энергетический форум. 2015. № 2. С. 11–15; Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / отв. ред. А. В. Габов. М.: ИЗиСП,

позицией вряд ли можно согласиться, поскольку данный институт предназначен для обеспечения безусловного права энергоснабжения, в том числе при невозможности заключить договор с иными поставщиками. Более того, гарантирующий поставщик служит таковым и для независимых энергосбытовых компаний, которые непосредственно не являются потребителями, но подпадают под потребительский режим правовой защиты³⁰⁵, а следовательно, являются лицами, которые могут обеспечить своего контрагента товаром как для его перепродажи, так и собственного потребления.

Таким образом, не представляется достаточно обоснованным утверждение о том, что ограничение или фактическое отсутствие конкуренции даже в условиях широкого круга поставщиков, включающего независимые энергосбытовые организации, розничную генерацию и иных лиц, наделенных правом обеспечивать энергоснабжение, объясняется наличием на розничных рынках гарантирующих поставщиков. Ключевой вопрос заключается в том, за счет чего указанные поставщики могут конкурировать между собой.

Обращают на себя внимание требования, предъявляемые к договору энергоснабжения, а также возможность различных поставщиков предлагать, а потребителей – выбирать индивидуальные условия поставки ресурса.

Фактически все основные существенные условия договора энергоснабжения идентичны для каждого поставщика энергии³⁰⁶. Вместе с тем в ряде норм делается оговорка о праве сторон включить дополнительные положения в договор энергоснабжения³⁰⁷. При этом ни из положений ГК РФ о договоре

Юриспруденция, 2016, СПС «КонсультантПлюс» (введение, авторы – А. В. Габов, О. А. Символоков, С. А. Сеницин); Символоков О. А. Развитие договорных отношений в электроэнергетике // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 49–60; Свирков С. А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013.

³⁰⁵ См.: Церковников М. А. Дело «Общество «Курганская энергосбытовая компания» против Управления Федеральной антимонопольной службы по Курганской области о признании недействительным решения о прекращении нарушений антимонопольного законодательства» (постановление от 13 ноября 2008 г. № 2215/08) // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2008 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. М.: Статут, 2012, СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁶ См. п. 40, 41, 55 и 64 Основных положений.

³⁰⁷ В частности, право включить условие о планировании объемов потребления в договоре с энергосбытовой организацией (абз. 13 п. 55 Основных положений).

энергоснабжения, ни из Основных положений невозможно однозначно установить подход законодателя к пределам свободы заключаемого договора энергоснабжения и праву поставщика и потребителя определять иные условия.

Статьи 539, 541 и 544 ГК РФ предусматривают следующую основную структуру энергопотребления: поставщик обязан подать, а потребитель принять и оплатить электроэнергию в ее фактическом количестве, определенном по показаниям приборов учета. ВАС РФ уточнил эту модель, определив, что если цена на электроэнергию является регулируемой, то стороны в договоре могут определить количество поставляемого ресурса исключительно в том случае, когда данные учета не позволяют определить фактическое потребление, а законодательство не содержит порядка установления такого количества при отсутствии сведений о коммерческом учете³⁰⁸. Отраслевые нормы воспроизвели именно такой подход: потребитель вносит плату за количество ресурса, определенное показаниями приборов учета по итогам расчетного месяца, а при отсутствии данных учета – на основании замещающей информации или расчетным путем³⁰⁹.

Законодатель, с учетом правовой позиции ВАС РФ, произвел следующее разграничение:

- при регулируемой цене возможно только фактическое потребление;
- если стоимость свободно определяема, то потенциально стороны могут установить, например, требование о фиксированном (включая минимальное и максимальное) количестве поставляемой и потребляемой энергии.

Телеологическое толкование. Несмотря на то, что специальное законодательство не предоставляет сторонам договора однозначно усматриваемой возможности произвольно определять поставляемое и потребляемое количество электроэнергии (например, путем установления месячных или годовых

³⁰⁸ См. п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

³⁰⁹ См., например, подп. «г» п. 59 Правил № 354, п. 179, 180 и 181 Основных положений.

предельных величин)³¹⁰, представляется, что положения ГК РФ, в частности п. 2 ст. 544, как раз указывают на соответствующую возможность; в противном случае правовая норма регламентирующая порядок изменения объема потребления на договорном уровне, утратила бы всякий смысл.

Также, признавая возможность обозначенного подхода ВАС РФ, нельзя не поставить под сомнение его безусловность. Наличие или отсутствие регулируемой государством цены на электроэнергию никак не может влиять на желание (или отсутствие такового) потребителя приобретать фиксированное количество ресурса. Например, экономическая теория рационального выбора исходит из того, что контрагенты вправе определить любые комфортные, отвечающие их потребностям условия соглашения³¹¹. Если потребитель для собственной же экономии хочет договориться с поставщиком, чья цена регулируема, о предельных объемах потребления (например, в определенные часы времени), то объективных оснований для ограничения такого права – именно в условиях регулируемой цены – не усматривается.

Аналогичный подход не исключен и для иных положений договора.

В российский правопорядок только начинают внедрять конкурентные предложения по договорам энергоснабжения, что обусловлено рядом законодательных особенностей. Гарантирующий поставщик, будучи субъектом, занимающим доминирующее положение на том или ином товарном рынке, подвержен значительным ограничениям, что критически сужает его возможности для конкурирования с энергосбытовыми организациями или производителями электроэнергии на розничных рынках в части допустимости предоставления особых условий различным потребителям. Причем безоговорочных оснований, в

³¹⁰ Стоит отметить, что в ранее действовавшем законодательстве об электроэнергетике и правоприменительной практике, например, возникали споры о сверхдоговорном потреблении, что подтверждает потенциальную возможность фиксации объемов поставки/потребления (см. определения ВАС РФ от 24.04.2008 № 5128/08 по делу № А45-4723/07-1/146, от 15.07.2009 № ВАС-6032/09 по делу № А33-14447/2008 и др. // СПС «КонсультантПлюс»).

³¹¹ См., например: Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут, 2012. С. 245–254.

том числе с точки зрения развития конкуренции, для этого не усматривается по следующим причинам:

– добросовестная конкуренция, не содержащая аномалий поведения (навязывание невыгодных условий, понуждение к заключению договора, введение в заблуждение и др.), не запрещена для субъекта, занимающего доминирующее положение, ни ГК РФ, ни Законом об электроэнергетике, ни Законом о защите конкуренции;

– ВС РФ сформировал правовую позицию о том, что хозяйствующие субъекты, вне зависимости от их антимонопольного правового статуса, обязаны воздерживаться от недобросовестной конкуренции, т.е. поведения, противоречащего законодательству и сложившимся представлениям о добропорядочности, разумности и справедливости³¹²;

– подобное ограничение нарушало бы основополагающие принципы гражданского законодательства и права участников экономического оборота.

Кроме того, в абз. 4 п. 14 Пленума ВС РФ № 2 подтверждено, что само по себе доминирующее положение не свидетельствует о злоупотреблении, когда контрагентам такого лица предоставлена возможность заключать договор на условиях, отличных от обычной деловой практики.

Правовой анализ сложившейся структуры регулирования и практики заключения и исполнения публичного договора энергоснабжения доказывает возможность гарантирующего поставщика и иных лиц со схожим правовым статусом (в том числе в других отраслях экономики) предоставлять потребителям различные льготные условия (например, скидки). Подтверждает данный вывод и позиция ВС РФ об отсутствии антимонопольного нарушения в дифференциации цен (тарифов) в отношении разных потребителей. Ценовые различия могут

³¹² Данная правовая позиция может быть истолкована исключительно в двух направлениях: 1) запрет на недобросовестную конкуренцию для абсолютно всех хозяйствующих субъектов и 2) допустимость добросовестной конкуренции любыми хозяйствующими субъектами, в том числе осуществляющими свою деятельность в соответствии с антимонопольными ограничениями (п. 30 постановления Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

обосновываться наличием объективных критериев, на что указывается в абз. 2 п. 19 Пленума ВС РФ № 2.

Аналогичный подход следует применять и к иным договорным условиям, если это не нарушает законодательных запретов. Однако на практике гарантирующие поставщики конструируют договорные условия слишком консервативно, что подтверждается исследованием предложений по энергоснабжению (как правило, все типовые формы договоров полностью дублируют требования Основных положений или Правил № 354)³¹³.

Несмотря на допустимость и необходимость, в отдельных случаях, ограничения свободы договора³¹⁴, нельзя забывать, что хозяйствующие субъекты, подверженные антимонопольным ограничениям, являются равноправными участниками товарного рынка, и если их действия разумны и добросовестны, то абсолютные ограничения, вызванные публичностью договора, могут идти вразрез и с законными интересами самих контрагентов (потребителей). А это значит, что подобные запреты должны рассматриваться преимущественно в контексте возникших правонарушений, а не пресекать экономическую деятельность и ее развитие.

Автор настоящего исследования вынужден констатировать, что формирование конкурентных предложений энергосбытовых организаций и розничных производителей проходит стадию первоначального развития. Вместе с тем уже появляются устоявшиеся в зарубежных правовых порядках оферты с фиксированной ценой на определенный период времени³¹⁵, и это можно приветствовать. Однако основной перечень конкурентных условий сводится к

³¹³ Например: <https://www.ruses.ru/ru/clients/tipovye-formy-dogovorov>, <https://krsk-sbit.ru/oformlenie-dogovora>, <https://kirov.esplus.ru/business/clients/elektroenergiya/dogovor-elektrichestvo-yur/>, <https://karelia.tns-e.ru/legal-entities/contract-work/typical-forms-of-contracts/> (дата обращения: 14.07.2021).

³¹⁴ См.: Клейн Н. И. Принцип свободы договора и основания его ограничения в предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2008. № 1.

³¹⁵ См., например: <https://www.rm-energo.ru/energy/postavka-elektroenergii-po-fiksirovannym-tsenam> (дата обращения: 14.07.2021).

снижению цены и выбору способов оплаты³¹⁶. Согласимся с авторами, говорящими об отсутствии полноценной свободы договора на рынках энергоснабжения как препятствии в развитии отрасли³¹⁷.

Для сравнения: немецкий правопорядок, обязывая основных поставщиков предоставлять бытовым потребителям базовое энергоснабжение (Grundversorgungspflicht)³¹⁸, не исключает для таких поставщиков возможность, хотя они и являются доминирующими участниками рынка, предлагать иные планы приобретения электроэнергии как бытовыми, так и коммерческим потребителями³¹⁹. Аналогичные возможности есть и у сбытовых компаний, идентичных независимым энергосбытовым организациям (в российском праве), предоставляющих услуги по электроснабжению исключительно «вне основной поставки» (außerhalb der Grundversorgung)³²⁰.

Федеральное сетевое агентство (Bundesnetzagentur), уполномоченное на участие в регулировании правоотношений в энергетике, дало разъяснения³²¹ о различиях основных и конкурентных условий поставки и сделало оговорку о заключении договоров с учетом требований Германского гражданского уложения,

³¹⁶ См., например: <https://en-mart.com/energосnabzhenie-predpriyatij-energo-contract>, <http://gtenergo.ru/produkty/roznichnaya-generatsiya/> (дата обращения: 14.07.2021).

³¹⁷ См.: Бальжиров Б. В. К вопросу о свободе договора в сфере электроэнергетики // Российская юстиция. 2015. № 12. С. 9–12.

³¹⁸ См.: § 36 Grundversorgungspflicht EnWG. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/index.html#BJNR197010005BJNE004805377 (дата обращения: 14.07.2021).

³¹⁹ Например, предложения основного поставщика земли Мюнхен Stadtwerke Munchen GmbH. URL: <https://www.swm.de/geschaeftskunden/strom-gewerbekunden/stromtarife> (условия для коммерческих предприятий), <https://meine.swm.de/iss/ui/#/va/tarifberater?kundengruppe=PRrVATKUNDE&verbrauch=3800&nebenzeit=0&plz=81377&sparte=STROM&zaehler=EINTARIF&r=1626215212086> (условия для бытовых потребителей), <https://www.swm.de/dam/doc/strom/preise-strom-04-2019.pdf> (основные условия снабжения бытовых потребителей) (дата обращения: 14.07.2021).

³²⁰ См.: § 41 Energielieferverträge mit Haushaltskunden, Verordnungsermächtigung Gesetz über die Elektrizitäts- und Gasversorgung EnWG. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/index.html#B-JNR197010005BJNE004805377 (дата обращения 14.07.2021); например, предложения компании E.ON для бытовых потребителей. URL: <https://www.eon.de/de/pk/strom/tarifberater.html> (дата обращения: 14.07.2021).

³²¹ URL: <https://www.bundesnetzagentur.de/DE/Sachgebiete/ElektrizitaetundGas/Verbraucher/Vertragsarten/start.html> (дата обращения: 14.07.2021).

которое устанавливает приоритет индивидуально достигнутых условий сделки над общими требованиями³²².

В американском правовом порядке действует модель Энергетического выбора (Retail electricity choice), подразумевающая право каждого конкретного штата определять, будет ли товарный рынок электроэнергии конкурентным, полностью регулируемым или частично свободным³²³. Так, в штате Техас электроэнергетическая отрасль полностью дерегулирована, что позволяет поставщикам предлагать самый широкий выбор условий электроснабжения в борьбе за потребителей³²⁴.

При этом есть иная модель, когда снабжение бытовых и значительной части коммерческих потребителей подвергнуто полной тарификации и жесткости договорных условий, и лишь отдельные промышленные контрагенты в некоторых зонах штата могут выбирать поставщика исходя из привлекательности его договорных условий (например, Калифорния)³²⁵.

Всем поставщикам энергии, как выполняющим публичную функцию по обеспечению публичного снабжения, так и энергосбытовым организациям, производителям должна быть дана равноценная возможность для предоставления потребителям (и бытовым, и коммерческим) различных договорных условий.

Частно-правовое обоснование. С точки зрения экономики и товарного оборота такой подход позволит достигать наиболее взаимовыгодных условий, что, в свою очередь, будет способствовать и развитию отрасли, и росту договорной дисциплины (своевременное внесение платежей и т.д.), и снижению количества разногласий.

Правовая наука исходит из того, что принцип договорной свободы является верховным началом всего гражданского права, а его ограничения допустимы лишь

³²² См.: § 305b Vorrang der Individualabrede Bürgerliches Gesetzbuch. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/305b.html>.

³²³ Подробнее см., например: An introduction to retail electricity choice in the United States // URL: <https://www.nrel.gov/docs/fy18osti/68993.pdf>; Boyd W., Carlson A. E. Accidents of Federalism: Ratemaking and Policy Innovation in Public Utility Law, 63 UCLA L. Rev. 810.

³²⁴ URL: <https://www.gexaenergy.com/> (дата обращения: 14.07.2021).

³²⁵ URL: <https://competitiveenergy.org/consumer-tools/state-by-state-links> (дата обращения: 14.07.2021).

в той мере, в которой только они способны пресечь заключение сделок, противных закону и правопорядку, и (или) обусловлены поиском средств не допустить экономическую эксплуатацию слабой стороны договора³²⁶.

Отсюда можно сделать вывод о большей внутренней дисциплине и даже желании контрагента (потребителя) к исполнению именно тех обязательств, которые полностью отвечают его интересам и были им приняты добровольно, а это значит, что для всего рынка существенно возрастает вероятность достижения положительных синергетических эффектов.

Публично-правовое обоснование. Политико-правовой целью ограничения свободы договора, в том числе введения тарифного регулирования в бытовом сегменте, является обеспечение равного доступа потребителей (включая идентичные платежи) к соответствующему ресурсу, в первую очередь через его приобретение у гарантирующего поставщика.

Однако абсолютный запрет на конфигурирование договорных условий, как в части цены, так и иных, нельзя признать безусловно необходимым, поскольку не усматривается прямых негативных экстерналий (причинение ущерба публичным интересам, третьим лицам и т.д.), обуславливающих необходимость вмешательства государства в рыночные отношения и введение ограничений договорной свободы³²⁷. Сказанное в полной мере относится к предоставлению потребителям возможности договариваться об условиях заключения и исполнения сделки даже с регулируемыми, доминирующими субъектами, а последним – предлагать свои условия. Разумеется, такая возможность должна быть предоставлена исключительно при соблюдении доминирующими субъектами правовых критериев ненарушения конкуренции и неущемления прав других потребителей (предоставление всем потребителям соответствующей равной возможности и т.д.)³²⁸.

³²⁶ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. С. 247, 249, 261.

³²⁷ См.: Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 246–253.

³²⁸ См. абз. 4 п. 14 Пленума ВС РФ № 2.

Кроме того, расширение принципа свободы договора в сбытовых отношениях позволит эффективнее реализовывать различные государственные цели и задачи, включая повышение инвестиционной привлекательности отрасли, ее устойчивое развитие. В условиях доминирования публично-правовых мер поддержки экономическое благосостояние отрасли и потребителей, как представляется, будет улучшаться значительно медленнее³²⁹.

При этом ни поставщики энергии, ни потребители не должны быть существенно ограничены в конструировании условий снабжения. Даже тарифицируемое электроснабжение должно быть лишь опцией, но не повсеместным безоговорочным условием. В противном случае государственные задачи по развитию отрасли, а также экономические выгоды заинтересованных сторон нельзя будет реализовать в желаемой мере, а значит, останутся такие системные проблемы, как перекрестное субсидирование и нарушения платежной дисциплины. Кроме того, инвестиционная привлекательность практически любой отрасли напрямую зависит от возможностей ее развития, а они значительно сужены в условиях чрезмерной ограниченности договорной свободы.

Также стоит отметить, что электроэнергетика является одной из отраслей, подверженных наибольшему изменению. Цифровизация и интеллектуализация, устойчивое развитие и другие подобные явления в экономике требуют опережающего правового регулирования, а излишняя детализация порядка осуществления прав и обязанностей сторон договорных отношений влечет за собой постоянное изменение законодательной базы, что не отвечает принципу правовой определенности и замедляет развитие отрасли. Поэтому расширение договорной свободы служит необходимым условием поступательного развития электроэнергетики.

Другой значимый вопрос касается допустимости льготирования конечной стоимости электроэнергии как еще одного важного проявления свободы договора.

³²⁹ См.: Символоков О. А., Максименко П. Н. Компаративный анализ конкуренции на розничных рынках электроэнергии через призму свободы договорных отношений: векторы правового развития // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 18–22.

Функционирование рыночной экономики неизбежно связано с применением различных средств, направленных на привлечение потребителей к приобретению тех или иных товаров у конкретного лица. Вместе с тем непрерывность энергопотребления и обязательность его обеспечения, возложенная на гарантирующих поставщиков электрической энергии, неизбежно приводят к ненадлежащему исполнению договорных обязательств по оплате потребляемой электроэнергии, что обусловлено множеством факторов, среди которых основные: недобросовестность, финансовая несостоятельность, низкий уровень доходов, приводящий к невозможности систематической оплаты. Одним из наиболее популярных способов привлечения потребителя к приобретению товара или стимулирования своевременной оплаты являются скидки. Однако возможность предоставления скидок на оплату электроэнергии (далее – льготирование³³⁰), в особенности со стороны гарантирующего поставщика, на розничных рынках относится к числу крайне спорных вопросов, поскольку цена тарифицируется.

В то же время льготирование могло бы существенно повысить платежную дисциплину, поскольку оно стимулирует недобросовестных потребителей вносить своевременную плату для снижения размера платежей, а потребителям, испытывающим финансовые трудности, дает возможность спланировать бюджет таким образом, чтобы минимизировать в дальнейшем соответствующую строку расходов.

Статья 23.1 Закона об электроэнергетике говорит о государственном регулировании цен (тарифов) на электроэнергию. На розничных рынках энергии устанавливаются предельные и минимальные цены (тарифы) для потребителей и сбытовые надбавки гарантирующего поставщика³³¹. Отсюда следует, что возможность льготирования стоимости электроэнергии сталкивается как минимум с двумя проблемами: публичность договора и регулируемость цены.

³³⁰ Предоставление скидки на оплату электрической энергии ее поставщиком, а не льгота, предоставляемая государством, например, многодетным семьям.

³³¹ Поскольку сбыт электроэнергии независимыми энергосбытовыми организациями осуществляется по конкурентным ценам, но не выше и не ниже определенной планки, то для них указанная проблема не стоит либо является не особо острой, в связи с этим акцент будет сделан именно на деятельности ГП.

Первостепенной является проблема, связанная с публичностью договора. Цель введения конструкции публичного договора – не только обеспечить потребителям возможность безотказного получения тот или иной значимый для жизнедеятельности товар (услугу), но и обязать продавца (поставщика) реализовать его на недискриминационных условиях. Это закреплено в п. 2 ст. 426 ГК РФ, согласно которому цена для потребителей соответствующей категории должна быть идентична, а иные условия не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей (за исключением случаев, если законом или иными правовыми актами допускается предоставление льгот отдельным категориям потребителей).

Следовательно, возникает вопрос: вправе ли такой продавец (поставщик) дифференцировать условия для потребителей одной категории? Справедливо утверждать о наличии такого права и поддержать точку зрения о недопустимости толкования отсутствия прямого указания на возможность дифференциации ценовых условий как запрета таких действий³³², в том числе с учетом применения принципа свободы договора к публичным сделкам ввиду отсутствия императивных норм, исключających его распространение на них.

Кроме того, п. 17 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» указывает на право лица, обязанного заключить публичный договор (т.е. в том числе гарантирующего поставщика), определить перечень лиц, для которых будет изменена цена договора, например, в соответствии с правилами программы лояльности, основанной на объективных критериях оценки. Судебная и антимонопольная практика также подтверждают допустимость включения иных условий в публичный договор при их соответствии критериям непротиворечия законодательству и согласованности

³³² См.: Байбак В. В., Бевзенко Р. С., Беляева О. А. и др. Договорное и обязательственное право (общая часть). Постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов.

сторонами договора³³³, а значит, и допустимость включения для различных потребителей условий, не предусмотренных в типовом публичном договоре энергоснабжения.

В литературе отмечается, что публичный характер договора энергоснабжения не означает безусловной «стандартности» его условий во всех случаях и для всех потребителей³³⁴. Таким образом, публичность договора энергоснабжения не является безусловным фактором, препятствующим в предоставлении скидок на оплату электрической энергии.

С точки зрения регулируемости цены возможность льготирования необходимо изучать в двух плоскостях: сбыт населению и потребителям категории «прочие».

В первой ценовой зоне (зона Европы и Урала³³⁵) электрическая энергия реализуется исходя из нерегулируемых цен за предшествующий расчетный период для соответствующей ценовой категории с учетом дифференциации нерегулируемых цен согласно абз. 2 п. 83 Основных положений. В соответствии с п. 88 Основных положений предельный уровень нерегулируемых цен для первой ценовой категории рассчитывается в соответствии со следующей структурой:

- средневзвешенная нерегулируемая цена;
- тариф на услуги по передаче с учетом нормативов технологических потерь;
- сбытовая надбавка;
- плата за инфраструктурные услуги (системного оператора ЕЭС, АТС, ЦФР и т.д.).

При этом средневзвешенная нерегулируемая цена определяется на основании вышеуказанного пункта Основных положений и п. 4–9 (1) Правил № 1179 и включает в себя стоимость электрической энергии, приобретенной на оптовом

³³³ См., например, Постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 28.04.2018 № Ф06-31550/2018 по делу № А65-26496/2017 и Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27.03.2018 № Ф03-827/2018 по делу № А59-3533/2017, постановление Калмыцкого Управления ФАС России от 25.10.2017 по делу № 08-120-195/2017, решение Смоленского Управления ФАС России от 27.07.2009 № 8544 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁴ См.: Хорошева Н. В. Публичный договор энергоснабжения: проблемы при заключении путем присоединения // Гражданское право. 2016. № 3. С. 17–20.

³³⁵ См.: Приложение № 1 к Правилам ОРЭМ.

рынке, и иные составляющие, структура которых зависит от ценовой категории потребителя (дифференцированный по уровням напряжения тариф, коэффициент оплаты мощности, величина изменения средневзвешенной нерегулируемой цены и т.д.).

Законодательство об электроэнергетике не предусматривает учет скидок для определения средневзвешенной нерегулируемой цены, а последние три ее составляющие (тариф на услуги по передаче, сбытовая надбавка и инфраструктурные услуги), в свою очередь, являются фиксированными и устанавливаются уполномоченными органами государственной власти.

Таким образом, в отношении электрической энергии, которую гарантирующий поставщик продает категории «прочие потребители» на розничных рынках, законодатель при определении цены учет скидок не предусматривает.

Однако законодательство в сфере электроэнергетики не исключает применения принципа свободы договора, из чего следует вывод о недопустимости известного постулата «все, что прямо не разрешено, – запрещено». Кроме того напомним, что данную точку зрения поддержал Пленум ВАС РФ в п. 3 постановления от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»: если в норме, регулирующей права и обязанности по договору, явно не выражен запрет на установление иного, то при соблюдении баланса интересов сторон, а также ненарушении интересов слабой стороны договора (потребителя) допускается включить непредусмотренное законом условие.

Стоит обратить внимание, что льготирование направлено в первую очередь на защиту публичного интереса – снижение стоимости электроэнергии для потребителя, в связи с чем включение такого условия для категории «прочие потребители» не может ущемить права последних (в том числе с точки зрения тарифного законодательства) либо нарушить принцип баланса экономических интересов сторон, закрепленный ст. 6 Закона об электроэнергетике, поскольку для гарантирующего поставщика это означает повышение собираемости оплаты, а для

бюджетов (публичный интерес) – пополнение за счет роста налогооблагаемой базы.

Кроме того, одна из составляющих цены на электрическую энергию, реализуемую гарантирующим поставщиком, является нерегулируемой, а значит, именно на нее может быть сделана скидка без риска нарушить порядок ценообразования, если соблюдено требование «неубыточности» льготирования.

Изложенные аргументы свидетельствуют о том, что поставщики, в том числе гарантирующие, вправе льготировать категорию «прочие потребители» на справедливых условиях и с соблюдением законодательства о защите конкуренции (например, не допуская необоснованного установления различных цен на один и тот же товар).

В отношении сбыта электроэнергии населению и приравненным к нему категориям в законодательстве содержатся более жесткие требования, регулирующие ценообразование. Все составляющие цены определяются органами власти, осуществляющими государственное регулирование тарифов³³⁶. Отсюда следует невозможность их монетарного льготирования в действующих правовых условиях, поскольку в противном случае гарантирующий поставщик нарушит порядок ценообразования. Представляется, что указанный подход не способствует развитию рынка, ограничивает возможности потребителей в получении дополнительных выгод при энергоснабжении, и поэтому он должен быть изменен.

В этой связи целесообразно закрепить в законодательстве об электроэнергетике право льготирования, установив минимальный перечень условий по его предоставлению и возможность поставщиков их дополнять исходя из конъюнктуры зоны их деятельности, что расширит эффективные средства борьбы с потребителями-неплательщиками, которые на данный момент времени признаются недостаточными³³⁷, и создаст новые инструменты конкурентного взаимодействия между поставщиками.

³³⁶ См. п. 67 Основ ценообразования.

³³⁷ См.: Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: рынок электроэнергии. С. 9–13.

Для сравнения: функционирование розничных рынков электроэнергии в Германии построено на значительном приоритете конкуренции и отсутствии существенных публично-правовых ограничений, что позволяет поставщикам электроэнергии, как практически всем участникам конкурентной торговли во всех сферах экономики, использовать любые средства привлечения потребителей (скидки, бонусы, бесплатные дополнительные услуги при переходе от одного поставщика к другому, сезонные акции и т.д.)³³⁸.

Однако для предотвращения критических рисков, связанных с полностью свободным ценообразованием, дальнейшее развитие должно осуществляться при сочетании рыночных механизмов и методов государственного регулирования³³⁹.

Модели ценообразования на электрическую энергию. Укрупненно в электроэнергетике можно выделить два подхода к ценообразованию: государственное регулирование цен (тарифов) и свободное ценообразование.

Российское право исходит из необходимости постепенного отказа от тарифного регулирования в сторону либерализации системы ценообразования³⁴⁰.

Поскольку в публично-правовом восприятии существенное условие о цене договора относится к категории наиболее чувствительных и рисковых³⁴¹, в целях обеспечения повышенной защиты прав потребителей, недопущения недобросовестных действий³⁴² законодатель принял решение о государственном регулировании цен (тарифов) на электроэнергию в виде прямого закрепления

³³⁸ Подробнее см.: Символоков О. А., Максименко П. Н. Возможность льготирования цен на электрическую энергию: доктрина, законодательство и судебная практика // Конкурентное право. 2020. № 4. С. 21–25.

³³⁹ См.: Символоков О. А. Развитие конкурентных отношений на розничных рынках электрической энергии // Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / отв. ред. А. В. Габов. М.: ИЗиСП; Юриспруденция, 2016.

³⁴⁰ См.: Указ Президента РФ от 28.02.1995 № 221 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 859; подп. «г» п. 25 Доктрины энергетической безопасности; п. 4 разд. IV Энергетической стратегии; разд. V Основных направлений реформирования электроэнергетики Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 11.07.2001 № 526.

³⁴¹ См.: Варламова А. Н. Правовые средства осуществления антимонопольного комплаенса // Конкурентное право. 2019. № 1. С. 5–9, СПС «КонсультантПлюс».

³⁴² См.: Сеницын С. А., Дьяконова М. О., Багрянская П. Д. Ценообразование перевозок пассажиров и багажа легковым такси // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 44–51, СПС «КонсультантПлюс».

тарифа (для населения и приравненных к нему категорий потребителей) и косвенного, путем введения нижнего и верхнего предела стоимости с указанием состава такой цены (для остальных категорий).

Признавая важность обеспечения экономической доступности цены, необходимо отметить, что факт применения тарифного регулирования не гарантирует добросовестности действий поставщиков. Наряду с этим регулируемое ценообразование не в полной мере отвечает принципу паритета участников гражданских правоотношений, в том числе в связи с тем, что, предоставляя более доступное благо одной стороне договора (потребителю), законодатель лишает другую сторону (поставщика) права получить соразмерное возмещение, без которого поставщик лишен возможности полноценно развивать свою деятельность.

Таким образом, тарифное регулирование, обеспечивая, как правило, компенсацию экономически обоснованных затрат³⁴³, не дает поставщику возможности опережающего развития и реализации наиболее перспективных инвестиционных проектов как по причине невозможности учета в стоимости реализуемого ими товара (электроэнергии) всех необходимых затрат, так и в связи с контролем инвестиционной деятельности и распределения прибыли в рамках тарифного регулирования.

Более того, тарифное регулирование в определенной степени ограничивает развитие конкуренции, в том числе по причине ограничения способов конкурирования хозяйствующих субъектов между собой по ключевому для экономической теории и потребителя параметру снабжения – цене.

В зарубежной правовой доктрине отмечается, что эффекты от введения конкурентного ценообразования обеспечивают возможность реализации энергии конечному потребителю по более низкой цене за счет конкурирования розничных поставщиков между собой при осуществлении закупок на оптовом рынке в целях

³⁴³ См.: Варламова А. Н. Тарифное регулирование как специальная мера конкурентного права // Юрист. 2017. № 1. С. 35–40, СПС «КонсультантПлюс»; абз. 34 п. 2 и другие положения Основ ценообразования.

дальнейшего сбыта, однако при этом потребитель соглашается возложить на себя риск изменения цены³⁴⁴.

Таким образом, «платой» за потенциально более низкую стоимость энергии, достигаемую за счет конкуренции хозяйствующих субъектов, для потребителя становится риск изменения цены в сторону увеличения. В этом контексте концептуальным вопросом выступает возможность покрытия, путем длительной экономии от пониженной цены, потенциального кратко- или среднесрочного роста стоимости выше определенного, теоретически существующего тарифа.

Представляется, что при прогнозируемой макро- и микроэкономической ситуации подобный положительный перевес конкурентных ценовых преимуществ будет компенсировать риски негативных экономических сценариев. Кроме того, отказ от активного публично-правового вмешательства в хозяйственную деятельность и в ценообразование решает такие традиционные проблемы монопольных отраслей, как сохранение высоких цен, отсутствие у регулируемых субъектов стимулов к внедрению инновационных решений и невозможность предоставления потребителю уникальных, эксклюзивных товаров³⁴⁵.

Основной проблемой в контексте рыночного ценообразования выступает риск манипулирования ценами в результате недобросовестного поведения поставщиков энергии. Как представляется, именно в таких ситуациях необходимо, определив баланс между мерами антимонопольного реагирования и средствами гражданско-правовой защиты интересов потребителей, предотвращать подобные формы поведения или обеспечивать возмещение убытков.

С экономической и правовой точки зрения именно рыночный подход к ценообразованию в полной мере соответствует характеру гражданско-правовых отношений и основным принципам функционирования энергетики и обеспечивает возможность максимального удовлетворения интересов потребителей и поставщиков.

³⁴⁴ См.: Rudy J. L. Limitation of Liability Clauses in Public Utility Tariffs: Is the Rationale for State-Sponsored Indemnity Still Valid? 52 Buff. L. Rev. 1379 (2004).

³⁴⁵ См.: Macey J. C., Salovaara J. Rate Regulation Redux. 168 University of Pennsylvania Law Review (2020). P. 1197–1200.

Для балансирования рисков, сопутствующих свободному ценообразованию, в отношениях с наиболее уязвимыми категориями потребителей допустимо сохранить возможность тарифного регулирования, что уже применяется, например, в немецком правопорядке при заключении договора базовой поставки (основного энергоснабжения)³⁴⁶ и действует в российском праве.

В этой связи видится оптимальным следующий подход к модернизации ценовых условий договора энергоснабжения в российском правопорядке.

Во-первых, необходимо завершить начатую реформу электроэнергетики в контексте трансформации модели ценообразования в сторону расширения его возможностей рыночных.

Во-вторых, необходимо предотвратить социальные и экономические риски для отдельных категорий потребителей, наиболее чувствительных к резким изменениям экономических условий функционирования рынков, сохранив для них возможность применения тарифицируемого энергоснабжения. При этом, в качестве компенсации поставщикам, определить пониженные технологические и экономические требования к такому снабжению, но не за счет надежности и безопасности, которые должны быть полностью обеспечены.

Подобные меры будут способствовать развитию конкуренции на розничных рынках, в том числе за счет возможности поставщиков предлагать потребителю наиболее выгодные ценовые условия снабжения, а также оказывать положительное влияние на хозяйственную деятельность поставщиков, в первую очередь в части совершенствования предлагаемых потребителям сервисов.

³⁴⁶ См.: Berliner Kommentar zum Energierecht. Herausgegeben von Prof. Dr. Dr. Dr. h. c. Franz Jürgen Säcker. Band 1 Halbband 2. 2014. S. 2108–2110.

ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗНИЧНЫХ РЫНКОВ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

§ 3.1. Правовое регулирование перекрестного субсидирования и платежной дисциплины

За период с начала реформирования электроэнергетики накопился ряд системных проблем, способы полноценного разрешения которых в правовом поле до сих пор не найдены, что обусловлено несколькими обстоятельствами: незавершенностью реформы, противоречивостью регуляторной политики и изменчивостью социально-экономических условий оборота энергии.

Особого внимания заслуживают две системные проблемы, требующие первоочередного разрешения: перекрестное субсидирование и низкая платежная дисциплина.

Проблема устранения перекрестного субсидирования. Само по себе явление перекрестного субсидирования в его наиболее распространенной форме предполагает, что цена для одних категорий потребителей на электроэнергию будет снижаться за счет пропорционального увеличения стоимости для других категорий.

В первую очередь введение и существование перекрестного субсидирования направлено на поддержание наименее социально и экономически защищенной категории потребителей – населения – за счет роста финансовой нагрузки на промышленных и иных потребителей категории «прочие». Исторически такая мера поддержки планировалась как временная, на переходный период, в течение которого должен был сформироваться экономически устойчивый класс потребителей.

Еще в конце 90-х гг. XX в. было принято законодательное решение о полном запрете перекрестного субсидирования³⁴⁷. В дальнейшем законодатель это решение изменил, предусмотрев поэтапную ликвидацию перекрестного субсидирования³⁴⁸ для населения и ограничение роста его объема.

По мере развития экономических отношений в электроэнергетике была создана новая нормативная база, где также установили полный запрет перекрестного субсидирования³⁴⁹, однако затем из него был предусмотрен ряд исключений³⁵⁰.

Документы стратегического планирования признают перекрестное субсидирование в качестве одной из ключевых отраслевых проблем и факторов риска в электроэнергетике, определяя его поэтапную ликвидацию в перечне стратегических задач³⁵¹. На данный же момент Правительству РФ рекомендовано продолжать работу по сокращению различных видов перекрестного субсидирования в электроэнергетике и не допускать появления новых нерыночных надбавок к ценам на электрическую энергию и мощность³⁵².

Перекрестное субсидирование относится к той части ценообразования, которая создает предпосылки для дискриминации при установлении цен (тарифов)³⁵³, и его поэтапное устранение входит в основные цели проконкурентной

³⁴⁷ См.: Токарев В. Тарифы на электроэнергию: оспаривание в судах // Жилищное право. 2017. № 7. С. 57–68.

³⁴⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 26.09.1997 № 1231 «О поэтапном прекращении перекрестного субсидирования в электроэнергетике и доведении уровня тарифов на электрическую энергию для населения до фактической стоимости ее производства, передачи и распределения» // СЗ РФ. 1997. № 40. Ст. 4597.

³⁴⁹ См. п. 5 ст. 23 Закона об электроэнергетике в редакции от 05.04.2013.

³⁵⁰ См.: Федеральный закон от 06.11.2013 № 308-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и статью 81 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 2013. № 45. Ст. 5797.

³⁵¹ См.: Энергетическая стратегия.

³⁵² См. подп. 19 п. 4 постановления ГД ФС РФ от 06.04.2022 № 1103-8 ГД «Об информации Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации А. В. Новака «Об актуальных вопросах развития топливно-энергетического комплекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵³ См.: Варламова А. Н. Правовое обеспечение развития конкуренции: учебное пособие. М.: Статут, 2010. 301 с. (§ 9.2 гл. 9 разд. V), СПС «КонсультантПлюс».

тарифной политики³⁵⁴. Как отмечается рядом автором, одним из основных проблемных аспектов правового регулирования электроэнергетики является порядок тарифообразования³⁵⁵, в число составляющих которого, разумеется, входит и вопрос перекрестного субсидирования.

Справедливо высказывание о том, что совершенствование законодательства в сфере электроэнергетики происходит с учетом необходимости правового разрешения отраслевых проблем³⁵⁶, перечень которых весьма широк, и далеко не последнее место в нем занимает уже неоднократно упомянутое перекрестное субсидирование. Кроме того, отмечается множество видов этого явления, в частности: явное и скрытое; территориальное, ресурсное и стимулирующее перекрестное субсидирование³⁵⁷.

Анализ российского законодательства об электроэнергетике позволяет предположить, что к перекрестному субсидированию можно отнести не только перераспределение финансово-тарифной нагрузки, но и различные виды нерыночных надбавок на оптовом рынке, в частности, такие, как повышенная плата по договорам о предоставлении мощности. Общей характеристикой подобных надбавок является необходимость той или иной поддержки отдельных потребителей, инвестиционных проектов и т.д. Такая поддержка обеспечивается путем включения в конечную стоимость электроэнергии различных надбавок, через экономическую дисбалансировку параметров формирования стоимости для наиболее экономически устойчивых потребителей и т.п.

Перекрестное субсидирование приводит к возникновению как негативных, так и положительных эффектов.

³⁵⁴ См.: Голомолзин А. Н. Принципы и правила новой проконкурентной тарифной политики // Конкурентное право. 2018. № 3. С. 12–15.

³⁵⁵ См.: Энергетические рынки: проблемы и задачи правового регулирования: монография. С. 120.

³⁵⁶ См.: Актуальные проблемы энергетического права: учебник / под ред. В. В. Романовой. М.: Юрист, 2015. С. 317.

³⁵⁷ См.: Радько А. В., Андреева Е. М. Особенности правового регулирования перекрестного субсидирования в топливно-энергетическом комплексе РФ // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2. С. 87–95.

<p style="text-align: center;">Негативные эффекты:</p> <ul style="list-style-type: none"> – экономически необоснованное распределение финансовой нагрузки на различные категории потребителей; – рост тарифной, финансовой нагрузки на промышленных потребителей; – нарушение базовых принципов электроэнергетики и гражданских правоотношений – равенства участников рынка, использование конкуренции и рыночных механизмов и баланс экономических интересов сторон. 	<p style="text-align: center;">Положительные эффекты:</p> <ul style="list-style-type: none"> – поддержка наиболее уязвимой категории потребителей электроэнергии – граждан, выраженная в снижении для них стоимости энергии; – реализация инвестиционных проектов по строительству новых генерирующих мощностей; – развитие производства «зеленой» энергии .
--	---

Вместе с тем представляется, что сам по себе механизм перекрестного субсидирования имеет более высокий потенциал. Однако для его реализации этот механизм должен быть усовершенствован таким образом, чтобы, с одной стороны, при ценообразовании исключалась рыночная несправедливость, а с другой – была обеспечена возможность достижения социально-экономических целей.

В зарубежных правовых системах это явление также существует, но в несколько ином виде. Так, в англо-американской правовой системе перекрестное субсидирование, выраженное в виде возложения части расходов одной категории потребителей на другую, получило негативную оценку и было запрещено судом³⁵⁸.

Вместе с тем и в системе общего права, и в романо-германском правовом порядке его активно применяют для реализации стратегических задач в сфере электроэнергетики, что приводит к общерыночным системным улучшениям оборота. Например, оно используется для достижения таких эффектов, как:

³⁵⁸ См.: Манджиев А. Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. М.: Статут, 2017. С. 138, 139.

декарбонизация, развитие инфраструктуры, повышение энергетической эффективности и прочие³⁵⁹.

В ряде стран (например, во Франции), как и в России, перекрестное субсидирование используется в качестве меры социальной поддержки населения (в частности, для формирования пенсионных накоплений отдельных категорий граждан), однако носит более адресный характер, что позволяет обеспечивать сбалансированное распределение такой дополнительной нагрузки. Тем не менее по общему правилу подобный подход предполагает, что в накоплении целевых денежных средств участвуют потребители всех категорий, поскольку такая надбавка на электроэнергию охватывает их при минимальном количестве исключений (либо без исключений).

С учетом изложенного, в российском праве целесообразен переход от перекрестного субсидирования к механизму совместного финансирования социально-экономического развития электроэнергетики.

Совместное финансирование, закладываемое в конечную стоимость электроэнергии, предполагает участие всех или подавляющего большинства потребителей (исключая экономически уязвимые категории граждан) в погашении накопленного объема перекрестно субсидированных денежных средств, в адресной поддержке доступности цены для социально и экономически уязвимых категорий потребителей³⁶⁰ и в реализации стратегических задач по развитию отрасли.

Переход от перекрестного субсидирования к совместному финансированию должен происходить, как представляется, в единстве с трансформацией гражданско-правовых условий оборота электроэнергии на розничных рынках. При указанном подходе поставщик энергии сможет предлагать потребителям такие условия энергоснабжения, которые будут учитывать баланс между ценой и желаемыми характеристиками энергопотребления. Например, если контрагент

³⁵⁹ Подробнее см., например: Перекрестное субсидирование в электроэнергетике России. Международный бенчмаркинг. URL:

<https://media.rspp.ru/document/1/6/f/6f85df90372a27141a9975005dff8d14.pdf>.

³⁶⁰ Два данных элемента софинансирования схожи с перекрестным субсидированием, однако учитывая их направленность и уменьшенный объем, обеспечиваемый за счет большего распределения платы, представляются допустимыми.

захочет быть обеспеченным более эффективным энергопотреблением, то поставщик предложит ему тарифный план, который будет способствовать развитию частных или государственных программ энергосбережения, в результате чего повышенная стоимость энергии в перспективе компенсируется снижением энергопотребления за счет реализации соответствующих мероприятий по росту энергетической эффективности³⁶¹.

Подобных вариаций договорных условий может быть множество: от финансирования мероприятий по росту энергетической эффективности и энергосбережения до участия потребителя в декарбонизации экономики и создания «умного» энергопотребления и т.п.

Отметим, что определенный элемент нерыночных отношений сохранится и в предлагаемом подходе, однако он приобретет точечный характер (например, субсидирование граждан, в установленном порядке признанных нуждающимися, малоимущими). При этом совместное финансирование будет более равномерно распределяться между всеми категориями потребителей, что обеспечит минимальное отрицательное влияние на стоимость ресурса.

Такие меры настолько масштабны, что должны внедряться постепенно, с определенным переходным периодом и поэтапным доведением размера надбавок, которые потребители будут оплачивать в составе цены на электроэнергию, до необходимого, но не приносящего экономического ущерба потребителям (в первую очередь населению) уровня.

Таким образом, системные эффекты, достижимые за счет совместного финансирования, можно обозначить следующим образом:

– активный рост энергетической эффективности, в первую очередь в жилом секторе, что позволит компенсировать ценовую нагрузку снижением объемов потребления, тем самым предельно минимизируя негативные экономические последствия для граждан;

³⁶¹ Несмотря на наличие в российском праве самостоятельного законодательства об энергосбережении и энергетической эффективности, оно, как представляется, находится в определенном отрыве от самого процесса энергоснабжения, в связи с чем не нашло широкого применения.

– повышение системной безопасности энергетической инфраструктуры, т.е. улучшение ее экологичности, а также рост надежности, работоспособности и долговечности, что позволит в перспективе снижать затраты на устранение аварийных ситуаций, которые во многом вызваны износом объектов электроэнергетики, в том числе электросетевых;

– ускорение цифровизации электроэнергетики, что способствует общему росту эффективности функционирования отрасли.

Указанный перечень не является исчерпывающим, и можно предположить, что количество позитивных отраслевых изменений, которые произойдут за счет перехода к софинансированию, намного больше, и они обеспечат устойчивое, надежное и экономически обоснованное функционирование отрасли.

Разрешение проблемы платежной дисциплины. Задолженность потребителей на розничных рынках и ее систематический рост остаются в числе ключевых проблем. По итогам 2022 г., согласно публичной информации, задолженность на розничных рынках составила 321,9 млрд руб.³⁶², увеличившись на 32,4 млрд руб. с конца 2021 г.³⁶³

В указанных условиях крайне важно создать и обеспечить возможность применения действенных механизмов правового воздействия на потребителей, не исполняющих надлежащим образом взятые на себя обязательства по оплате потребляемого ресурса.

Несмотря на то, что законодатель уже принял ряд мер³⁶⁴, представляется необходимым создание следующих правовых механизмов, непосредственно связанных с реализацией принципа свободы договора в отношениях по энергоснабжению.

1. Предоставление поставщикам энергии права устанавливать дополнительные условия для заключения договоров энергоснабжения в отношении

³⁶² URL: <https://tass.ru/ekonomika/17431425> (дата обращения: 04.05.2023).

³⁶³ URL: <https://www.eprussia.ru/pressa/articles/4478235.htm> (дата обращения: 16.06.2022).

³⁶⁴ См., например: Салиева Р. Н. Правовые средства укрепления платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 378–384, СПС «КонсультантПлюс».

потребителей – неплательщиков. Подобное право не будет вступать в противоречие с публичностью договора энергоснабжения, поскольку не предусматривает отказ заключить договор, но создает предварительные условия для вступления в такие правоотношения.

В частности, поставщику целесообразно предоставить право требовать от недобросовестного потребителя: погасить долговые обязательства, если они не были исполнены по ранее заключенному договору энергоснабжения; предоставить обеспечение исполнения обязательств при вступлении в новый договор или при внесении корректив в действующий (расширение перечня снабжаемых объектов). В отношении определенной категории покупателей (не потребителей) подобные меры уже применяются³⁶⁵.

Указанный механизм защиты интересов поставщиков энергии соразмерен недобросовестному поведению потребителя, который, не погасив задолженность по предыдущему договору, требует заключения нового (или расширения перечня снабжаемых объектов), а также принимаемым на себя рискам ненадлежащего исполнения обязательств при приобретении энергии на товарном рынке.

2. Другим средством борьбы с дебиторской задолженностью может служить предоставление поставщикам права предлагать потребителям всех категорий возможность перехода на иные системы расчетов за энергию, включая полное авансирование поставок, например, в размере платы за предыдущий расчетный период, но с учетом фактического потребления (т.е. либо с доплатой за превышение объема, либо с зачетом внесенных средств при меньшем потреблении).

Помимо того, что подобная система расчетов по договору будет служить превентивной мерой в отношении недобросовестных потребителей, она может выступать средством снижения финансовой нагрузки на потребителя, если, например, при переходе на авансирование потребителю будут предоставляться скидки на оплату энергии.

3. Важным вопросом является и допустимость применения расширенного перечня санкционных механизмов в отношении потребителя.

³⁶⁵ См. абз. 5 п. 2 ст. 37 Закона об электроэнергетике.

В настоящее время, напомним, складывается неоднозначная судебная практика о допустимости неустоек на промежуточные (авансовые) платежи. С одной стороны, суды поддерживают возможность установления такой формы ответственности в отношениях между профессиональными участниками рынка, если обе стороны однозначно выразили согласованную волю на включение в договор соответствующего условия³⁶⁶, но с осторожностью относятся к включению подобного условия в проекты договоров с потребителями³⁶⁷.

Поскольку начисление неустоек на авансовые платежи возможно только в отношении потребителей категории «прочие», а население к этой категории не относится, постольку в таких отношениях отсутствует главное условие для ограничения свободы договора – социальный фактор³⁶⁸. Из сказанного следует, что объективные предпосылки для подобного запрета отсутствуют.

Более того, условие о начислении неустойки на аванс фактически является достаточно лояльным; потребитель заранее предупрежден о негативных последствиях неоплаты даже части цены, и поэтому такая неустойка выступает более низкой мерой ответственности, чем неустойка, начисляемая на полную стоимость энергии.

4. Необходимо совершенствовать и самую значимую меру предотвращения роста неплатежей – введение ограничения режима потребления.

Представляется, что в перспективе она может функционировать по принципу ужесточения (например, более быстрое или моментальное ограничение режима потребления в случае неоплаты), но при условии предоставления компенсационного возмещения рисков потребителя, например, в виде того же

³⁶⁶ См., например, п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016), утв. Президиумом ВС 19.10.2016, определение ВС РФ от 21.04.2022 № 304-ЭС22-4466 по делу № А03-9785/2020, определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.10.2018 № 305-ЭС18-10447 по делу № А40-100282/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁷ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2022 № 305-ЭС22-8103 по делу № А40-45907/2021, постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2022 № Ф05-35395/2021 по делу № А40-45907/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁸ См.: Габов А. В., Черкесова Л. И. Реализация принципа свободы договора при заключении договоров купли-продажи электрической энергии на розничных рынках электроэнергии // Государство и право. 2021. № 7. С. 147.

снижения платы за электроэнергию (если потребитель какой-то промежуток времени вносит плату без просрочек, то ему предоставляется опция согласия на снижение платы потребления, однако если в дальнейшем он опять не исполнит свои обязательства, то режим потребления будет ограничиваться по упрощенной процедуре). Кроме того, принимая во внимание активную цифровую трансформацию отрасли, возможности как ускоренного ограничения, так и быстрого возобновления подачи энергии значительно минимизируют риски сторон, связанные с причинением имущественного вреда, возникающего при резком прекращении энергоснабжения.

Предложенный перечень мер относится к наиболее очевидным правовым векторам будущего поддержания платежной дисциплины. Практика его применения при условии трансформации договорных отношений, основанной на рыночных инструментах взаимодействия поставщиков и потребителей, однозначно выработает дополнительные средства борьбы с низкой платежной дисциплиной.

§ 3.2. Перспективы развития гражданско-правового регулирования энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии

По результатам проведенного исследования представляется, что гражданско-правовые отношения по купле-продаже электроэнергии на розничных рынках должны развиваться в следующем направлении.

Основа построения взаимоотношений на розничных рынках. Текущим итогом реформы электроэнергетики в правовом регулировании стало появление регулируемых розничных рынков с незначительными элементами конкурентных, рыночных отношений.

Фактически единственными элементами рыночности, конкурентности стали:

а) наличие у потребителя недостаточно перспективного права выбирать одного из трех поставщиков энергии: гарантирующий поставщик, независимая энергосбытовая организация или розничный производитель. Однако деятельность

двух последних также сопряжена со значительными регуляторными ограничениями, что препятствует их хозяйственной деятельности на уровне экономической эффективности и окупаемости;

б) использование, с определенными ограничениями, средневзвешенной нерегулируемой цены в составе конечной стоимости энергии.

Наряду с ними наблюдается множество признаков регулирования, среди которых основные: государственное регулирование цен (тарифов), императивное определение условий заключения, исполнения и расторжения договора энергоснабжения, ограниченность способов защиты прав и законных интересов поставщиков энергии.

Несмотря на высокую значимость социальных причин, обуславливающих активную интервенцию государства в договорные отношения по энергоснабжению, следует признать, что в долгосрочной перспективе такое вмешательство грозит снижением устойчивого развития отрасли, поскольку ограничивает участников рынка в реализации возможности определять оптимальные, взаимовыгодные условия энергоснабжения.

В этой связи ключевым решением может стать пересмотр приоритетности принципов, определяющих первооснову функционирования розничных рынков электроэнергии. В первый эшелон приоритетов следует выводить принципы рыночных и конкурентных отношений, которые должны обеспечить экономическую обоснованность, окупаемость и доходность энергоснабжения как любого вида предпринимательской деятельности. Вместе с тем конституционные ориентиры использования природных ресурсов, в том числе электроэнергии как основы жизнедеятельности, требуют сохранения доступности, надежности и бесперебойности энергоснабжения даже в рыночной среде.

Поскольку и безусловная «рыночность» отношений в сфере энергоснабжения, и абсолютная регламентация влекут известные негативные последствия (либо высокий рост цен, либо необходимость государственного субсидирования или полного бюджетного обеспечения, соответственно),

оптимальным представляется создание дифференцированной системы правового регулирования.

Основным в организации отношений по энергоснабжению должен быть рыночный подход, применяемый, по общему правилу, на всех товарных рынках (субъектах РФ) путем закрепления соответствующих требований в Законе об электроэнергетике. При этом в тех товарных зонах, где в силу объективных причин³⁶⁹ невозможно обеспечить надлежащий баланс экономических интересов поставщиков и потребителей, допустимо регулирование, полное или частичное. Реализация такого подхода может быть обеспечена предоставлением Правительству РФ полномочия издавать нормативные правовые акты, определяющие состояние товарного рынка в конкретных субъектах РФ и условия оборота электроэнергии на нем.

Решение о переходе к дифференцированной системе правового регулирования должно базироваться на: результатах общественных обсуждений; заключении Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ; достаточных обосновывающих материалах.

Предлагаемая дифференциация несколько сходна с retail electricity choice, применяемой в США, однако видится более сбалансированной, поскольку внедряется не только по желанию руководства региона, а при наличии достаточного обоснования (экономического, правового, социологического и технического), верифицируемого уполномоченным координационным органом по вопросам регионального развития.

Данный подход предполагает также, что правовое регулирование энергоснабжения бытовых потребителей следует перенести в систему законодательства об электроэнергетике, а электроэнергию рассматривать в качестве вещи в гражданско-правовом смысле, поскольку это обеспечить более

³⁶⁹ К таковым могут быть отнесены различные факторы, обуславливающие высокие затраты на производство, передачу и сбыт электроэнергии, экономические несопоставимые со средним уровнем доходов потребителей: тяжелые климатические условия, неразвитость энергетической инфраструктуры, объективная невозможность конкуренции на товарном рынке и проч.

полноценную защиту прав, связанных с приобретением и потреблением данного вида товара.

Система договоров энергоснабжения. В качестве основы считаем возможным использовать действующую систему, предполагающую заключение договора энергоснабжения или договора купли-продажи (поставки) электроэнергии, и опыт немецкого законодательства, который предусмотрел основной договор энергоснабжения (*Grundsverordnung*) и поставку энергии вне основной договорной конструкции (*außerhalb der Grundversorgung*).

Подобная система заключаемых договоров видится следующим образом.

Базовый договор энергоснабжения в обязательном порядке предлагается к заключению потребителям только со стороны гарантирующего поставщика, а нерегулируемые поставщики энергии имеют право, но не обязаны предлагать такой договор. Этот вид договора должен выполнять лишь одну функцию: надежно и безопасно снабжать абонента электроэнергией по тарифицируемой цене и минимально допустимым параметрам снабжения. Он не предусматривает каких-либо инфраструктурных улучшений за счет поставщика (установка интеллектуальных приборов учета и т.п.) и иных преференций потребителю.

В подобных случаях задача поставщика энергии сводится к удовлетворению базовой потребности в электричестве, за счет чего будет происходить снижение платы на постоянной основе, но при этом необходимый объем публично-правовых требований к энергоснабжению (организация коммерческого учета и др.) перераспределяется в сторону разовых затрат потребителя на организацию доступа к сети и возможности получать ресурс.

Договор базовой поставки энергии публичен и доступен к заключению любому потребителю, вне зависимости от его правового статуса, финансового состояния и иных факторов. Это обеспечит доступность, гарантированность и надежность энергоснабжения даже в условиях классических рыночных отношений любому потребителю.

Наравне с базовым договором всем поставщикам, включая гарантирующих, должна быть предоставлена возможность свободного конфигурирования

договорных условий фактически по любым параметрам, на которые будет получено взаимное согласие сторон договора. К таким договорам могут быть отнесены, например:

– договор снабжения экологически чистой («зеленой») электроэнергией, который будет выступать инструментом транслирования свободных договоров на оптовом рынке электрической энергии и мощности по соответствующим видам энергии;

– договор «сезонного» энергоснабжения, востребованный для тех потребителей, которые в весенне-летний период проживают вне городских территорий, что снижает потребление вне «сезона», но никак не влияет на корректировку цены (тарифа);

– договор энергоснабжения с управляемым потреблением – в контексте создания интеллектуальных систем учета гарантирующие поставщики самостоятельно или с привлечением сетевых организаций могли бы предлагать потребителям услуги анализа профиля потребления с целью его оптимизации, что влечет более рациональное использование ресурса и снижает расходы на энергию даже в условиях более высокой цены договора³⁷⁰.

Перечень подобных договоров может быть весьма широким и зависит от актуального направления развития рынка. Именно такой подход будет решать проблему развития конкуренции поставщиков на розничных рынках.

Режимы ценообразования. Как частный элемент предлагаемой к введению системы заключаемых договоров, базовым подходом должно выступать свободное, рыночное ценообразование на электроэнергию, обеспечивающее полноценную возможность поставщиков закладывать свои затраты на реализацию инновационных и иных инвестиционных проектов, обеспечивающих рост качества обслуживания потребителей энергии и эффективность снабжения. При этом, для

³⁷⁰ В российском законодательстве проводится пилотный проект по агрегации управления спросом, предполагающий оптимизацию энергопотребления. В ближайшее время этот проект может быть переведен в постоянно действующий механизм. Однако возможность любого потребителя получить эту услугу совместно с энергоснабжением от своего поставщика более эффективна, поскольку оптимизирует процесс ее оказания и минимизирует различные затраты на заключение отдельного договора с третьим лицом.

сохранения прозрачности условий ценообразования, должно обеспечиваться регулирование структуры цены. Однако такой правовой подход не должен ограничивать возможность индивидуализировать ценовые условия снабжения, без чего трудно представить конкуренцию поставщиков, предлагающих потребителю выбрать, кто из них удовлетворит его требования наилучшим образом.

Из сказанного следует, что сохранение государственного регулирования цен (тарифов) допустимо по двум критериям: защита наименее социально и экономически защищенных категорий потребителей; тарификация электроэнергии в регионах, где обоснована необходимость существования регулируемой модели розничного рынка.

Правовые средства стимулирования платежной дисциплины на розничных рынках и институт перекрестного субсидирования. Поставщики энергии должны иметь возможность преддоговорной проверки контрагентов с тем, чтобы выявлять недобросовестных потребителей и предъявлять, при вступлении с ними в договор, соответствующие дополнительные требования.

Подобные требования, выступающие в качестве «заградительных мер», должны предшествовать заключению договора или входить в него как одно или несколько условий. Причем их можно будет применять по отдельности или в различных комбинациях по разумному усмотрению самого поставщика.

В перечень подобных мер могут войти, в частности:

- обязанность погасить задолженность по ранее возникшим и неисполненным договорным обязательствам, после чего вновь заключенный договор вступит в силу;
- обязанность потребителя принять авансовый порядок расчетов за электрическую энергию;
- предоставление независимой гарантии исполнения потребителем договора;
- согласие на ограничение режима потребления электроэнергии без предварительного уведомления и без установления минимального размера долга, выступающего основанием для такого ограничения.

Каждая из поименованных мер позволит, как минимум, предотвратить экономические убытки поставщика по вновь заключенному договору энергоснабжения. При этом после погашения ранее возникшей задолженности и (или) после истечения установленного временного промежутка потребления электроэнергии по договору с «заградительными мерами», потребителю (по его заявлению или по инициативе поставщика) должна предоставляться возможность перехода на условия энергоснабжения, обеспечивающие взаимный экономический интерес потребителя и поставщика. Альтернативой может быть предоставление такому потребителю льгот (скидки на оплату и др.), например, при сохранении расчетов в авансовом порядке.

Найдет свое место в энергосбытовой деятельности и расширение программ лояльности поставщиков, предполагающих в процессе энергоснабжения различные бонусы как стимул потребителей к надлежащему исполнению взятых на себя договорных обязательств.

Перекрестное субсидирование будет изменено на правовой механизм совместного финансирования отрасли. Первоочередной задачей такого перехода станет поэтапная ликвидация перекрестного субсидирования, составляющего несколько сотен миллиардов рублей. Одновременно за счет упомянутой надбавки все потребители начнут софинансировать инфраструктурные программы в электроэнергетике. Пропорции до момента ликвидации перекрестного субсидирования могут составить, например, 70–80% и 20–30% между его направлениями соответственно. Допустимо предположить, что подобным образом в кратко- или среднесрочной перспективе перекрестное субсидирование будет ликвидировано, а функционирование рынков выйдет на тот уровень, который позволит потребителям получать блага от развития.

Важно отметить, что механизм софинансирования будет эффективным лишь при возможности более свободного определения договорных условий, поскольку применение такой надбавки однозначно приведет к росту конечной платы, пусть и небольшому (в первую очередь данный фактор будет зависеть от порядка

распределения соответствующего бремени), а меры льготирования потребителей поставщиками позволят сгладить рост цен.

Формы и способы реализации предлагаемого развития договорных отношений по энергоснабжению. Несмотря на достаточную заданность содержания договора энергоснабжения и способов его заключения, форма договора приобретает, с учетом предлагаемых направлений развития гражданско-правового регулирования оборота электроэнергии на розничных рынках, высокую значимость.

В области энергоснабжения существует известная проблема, связанная с правом физических лиц заключить договор энергоснабжения путем совершения конклюдентных действий³⁷¹. Иными словами, факт заключения договора не ставится в зависимость от его письменной формы.

Политико-правовые причины данного подхода, как представляется, обусловлены стремлением законодателя упростить для граждан возможность организации энергопотребления. Вместе с тем это очень мешает поставщикам энергии идентифицировать своих потребителей³⁷², что нередко приводит к различным формам уклонения от обязательств по оплате потребленного ресурса, и одновременно лишает поставщиков возможности защитить свои права и законные интересы.

В этой связи и в условиях интенсивного развития технологий на розничных рынках энергоснабжения, активное применение цифровых решений будет способствовать реализации предлагаемых разновидностей договорных связей. В частности, технологии блокчейна³⁷³ позволят упростить письменное оформление (в том числе в электронной форме) договора энергоснабжения, а также предоставить сторонам возможность согласовать индивидуальные условия энергоснабжения в оперативном порядке или автоматизировать переход

³⁷¹ См. п. 6 Правил № 354 и п. 69–74 Основных положений.

³⁷² См., например: Апелляционное определение Железнодорожного районного суда города Орла от 26.06.2020 по делу № 11-57/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷³ Подробнее см., например: Максименко П. Н. Правовые риски и возможности использования технологии Blockchain в сфере электроэнергетики // Правовой энергетический форум. 2019. № 1. С. 52–59.

потребителя на такие условия при выполнении заранее определенных требований поставщика.

Однако стоит отметить, что внедрение и развитие цифровых технологий является для поставщиков довольно затратным процессом, и его ускорение может потребовать дополнительных мер публично-правовой поддержки, преимущественно временного, переходного характера³⁷⁴.

Таким образом, должен происходить постепенный отказ от возможности вступать в договор энергоснабжения путем конклюдентных действий к оптимальным способам заключения и изменения договора, обеспечивающим наличие письменной формы, включая ее электронные варианты.

³⁷⁴ Подробнее см.: Максименко П. Н. Правовые механизмы обеспечения технологического суверенитета в электроэнергетике в условиях санкционного давления // Правовой энергетический форум. 2022. № 4. С. 39–47.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с поставленными задачами в настоящей диссертации проведено комплексное исследование правового регулирования договорных отношений на розничных рынках электроэнергии, для чего проанализированы нормы соответствующей сферы действующего российского и зарубежного законодательства, судебная и иная правоприменительная практика, доктрина, а также изучены экономические формы реализации нормативной базы.

1. По результатам анализа гражданско- и публично-правовых норм установлено, что в сложившейся системе правового регулирования энергоснабжения на розничных рынках превалируют последние.

Основными причинами построения действующей системы правового регулирования послужила необходимость значительной социальной и экономической поддержки потребителей, в особенности физических лиц, в период реформирования электроэнергетики. Представляется, что данная цель была в значительной мере достигнута.

Вместе с тем автор настоящего исследования обосновал, что в условиях устойчивого функционирования отрасли и ее высокой адаптивности к различным факторам воздействия, приоритет должен смещаться от публично-правового регулирования оборота электроэнергии в сторону развития добросовестной конкуренции и рыночных отношений, поскольку это соответствует основным принципам функционирования электроэнергетики, заложенным в Законе об электроэнергетике.

Избыточное публично-правовое воздействие на гражданские правоотношения по торговле электроэнергией на розничных рынках не позволяет обеспечить справедливый товарно-денежный обмен, взаимовыгодное сотрудничество поставщика и потребителя, учитывающее баланс экономических интересов сторон и распределение правовых рисков. Исключением могут быть особые обстоятельства, требующие временного или постоянного государственного вмешательства в гражданско-правовые отношения в условиях, когда

превалирующее либо исключительное действие рыночных, конкурентных механизмов несет в себе повышенные риски для каждой из сторон.

Реализация данных предложений обеспечит дальнейшее поступательное развитие отрасли и гражданских взаимосвязей сторон договорных отношений по энергоснабжению.

2. Проведен ретроспективный анализ развития научной мысли о правовой природе электрической энергии и договора энергоснабжения. По его результатам обоснована допустимость признания вещно-правовой природы электроэнергии в силу того, что по мере технологического, технического и экономического развития общества энергия все в большей степени обретает вещно-правовые формы, и с высокой долей вероятности довольно скоро станет полноценным объектом применения всех средств вещно-правовой защиты.

С учетом этого законодательство должно обеспечить соответствие правового регулирования оборота электроэнергии ее сегодняшней правовой природе, содействовать возможности дальнейшего развития, а не закреплять сложившиеся постфактум отношения в данной сфере.

Признание вещно-правовой природы электроэнергии обеспечит стабильность оборота, присущего вещам, и полноценный спектр мер гражданско-правовой защиты потребителей.

3. Субординированное применение норм ГК РФ по отношению к отраслевому и жилищному законодательству автор считает справедливым лишь в той мере, в которой ГК РФ не может, в силу своей структуры и пределов правового регулирования, учитывать особенности соответствующих правоотношений.

Вместе с тем ограниченность применения таких основополагающих принципов ГК РФ, как свобода договора и равенство участников гражданских правоотношений, сужает перспективы развития розничных рынков, не позволяет осуществить полноценное завершение отраслевой реформы, а также препятствует возможности эффективного и экономически взаимовыгодного энергоснабжения.

Кроме того, фактическое отсутствие самостоятельных правовых норм в законодательстве об электроэнергетике и жилищном законодательстве в условиях

значительно ограниченного применении норм ГК РФ к отношениям по энергоснабжению практически полностью исключает конкуренцию на розничных рынках электрической энергии, что также снижает возможность дальнейшего развития и субъектов электроэнергетики, и отрасли в целом.

В этой связи необходимо переосмыслить и реформировать гражданско-правовое регулирование товарного оборота электроэнергии, обеспечивающего возможность получения выгоды всеми его участниками.

4. Результатом активного государственного воздействия на розничные рынки энергии и на договорные отношения, опосредующие оборот электроэнергии, стало возникновение перекрестного субсидирования, объем которого систематически растет. Кроме того, в условиях повышенной защищенности потребителей и отсутствия у поставщиков энергии соразмерных средств стимулирования своевременного исполнения обязательств снижается платежная дисциплина, что приводит к возникновению некомпенсируемых убытков и повышает риски необходимости дополнительного финансирования отрасли.

Без разрешения данных ключевых проблем усматриваются критические сложности в обеспечении поступательного развития оборота электроэнергии, а значит и функционирование иных отраслей экономики.

5. Изучен релевантный зарубежный опыт правового регулирования договорных отношений на розничных рынках электроэнергии (США и Германия), по результатам которого выявлено несколько основных подходов к определению условий оборота энергии, а именно: полное регулирование, дерегулированный и смешанный подходы.

Каждый из них был проанализирован и учтен, в той или иной мере, при определении перспектив гражданско-правового регулирования энергоснабжения на розничных рынках электроэнергии.

6. Выявлены основные политико-правовые аспекты построения действующей системы правового регулирования договорных отношений на розничных рынках электроэнергии, а также основные отраслевые проблемы, возникающие в текущих регуляторных условиях.

На базе настоящего диссертационного исследования автором выдвинуты предложения по дальнейшему развитию правового регулирования энергоснабжения на розничных рынках электроэнергии. В их основу положен приоритет гражданско-правовых принципов и рыночных начал, выраженных, в первую очередь, через определение рыночной, конкурентной среды как базовой модели оборота электроэнергии, один из основополагающих элементов которой – право сторон договора определять индивидуальные, взаимовыгодные и экономически обоснованные условия энергоснабжения. Одновременно в правовой инструментарий участников розничных рынков электроэнергии следует ввести средства разрешения обозначенных ключевых проблем отрасли.

Использование государственного регулирования отношений по купле-продаже электроэнергии должно применяться в исключительных случаях.

В завершение отметим, что необходимость обеспечения устойчивого экономического развития и роста требует создания таких правовых условий функционирования всех отраслей экономики, которые позволят реализовать весь потенциал каждой. Электроэнергетика, будучи стратегическим, социально-значимым сектором топливно-энергетического комплекса, в целом составляющего базис развития российской экономики, должна функционировать в таких законодательных условиях, которые, с одной стороны, сохраняют паритет прав и законных интересов поставщиков и потребителей, но с другой – не препятствуют экспоненциальному росту отрасли.

Представляется, что предложенное изменение подходов к правовому регулированию условий товарооборота на розничных рынках электрической энергии будет полностью обеспечивать и частные интересы участников рынка (поставщиков и потребителей), и публичные интересы государства.

Компаративное исследование право порядков позволило выявить различные подходы к договорным основам организации оборота энергии, в том числе слабые и сильные стороны каждого подхода. Основной идеей проведенного исследования является предотвращение рисков, присущих каждому из регуляторных подходов, а также предоставление возможности участникам правоотношений извлекать

выгоду в процессе купли-продажи электроэнергии в максимально возможном объеме. В частности, даже в конкурентной, рыночной модели правового регулирования сохраняются элементы тарифного регулирования, призванные не допустить нарушения базовых потребностей общества, что, в свою очередь, предотвращает существенные финансовые потери граждан при отрицательном состоянии товарного рынка в определенном промежутке времени. Наравне с этим предусматриваются и правовые средства устранения ключевых проблем отрасли.

Важно отметить и то обстоятельство, что положения настоящего диссертационного исследования могут быть применимы не только для электроэнергетики, но и для иных отраслей топливно-энергетического и жилищно-коммунального комплексов, поскольку их регулирование имеет в значительной мере сходную правовую природу.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ**Нормативные правовые акты**

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации;

Доктрина энергетической безопасности – Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации»;

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации;

Закон о защите конкуренции – Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»;

Закон об электроэнергетике – Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»;

Основные положения – Основные положения функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденные постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442;

Основы ценообразования – Основы ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденные постановлением Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178;

Правила № 1179 – Правила определения и применения гарантирующими поставщиками нерегулируемых цен на электрическую энергию (мощность), утвержденные постановлением Правительства РФ от 29.12.2011 № 1179;

Правила № 354 – Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденные постановлением Правительства РФ от 06.05.2011 № 354;

Правила ОРЭМ – Правила оптового рынка электрической энергии и мощности, утвержденные постановлением Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172;

Энергетическая стратегия – Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р;

Закон об энергетике Германии, EnWG – Gesetz über die Elektrizitäts- und Gasversorgung.

Федеральные органы исполнительной власти

ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации;

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации;

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации;

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации;

ФАС России – Федеральная антимонопольная служба.

Иные сокращения

абз. – абзац;

г. – год;

ГП – гарантирующий поставщик электрической энергии;

гл. – глава;

НПА – нормативный правовой акт;

ПУ – прибор учета электрической энергии;

ОДПУ – общедомовый прибор учета электрической энергии;

ОРЭМ – оптовый рынок электрической энергии и мощности;

п. – пункт;

подп. – подпункт;

подразд. – подраздел;

разд. – раздел;

РРЭ – розничные рынки электрической энергии;

ст. – статья;

ч. – часть.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**Нормативные правовые акты Российской Федерации**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 14.04.2023) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 08.07.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (ч. I). – Ст. 14.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
6. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
7. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (в ред. от 20.10.2022) «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.
8. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (в ред. от 21.11.2022) «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.
9. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3434.
10. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (в ред. от 01.05.2022) «О теплоснабжении» // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4159.

11. Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ (в ред. от 19.12.2022) «О водоснабжении и водоотведении» // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7358.

12. Федеральный закон от 06.11.2013 № 308-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и статью 81 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. – 2013. – № 45. – Ст. 5797.

13. Федеральный закон от 03.11.2015 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» // СЗ РФ. – 2015. – № 45. – Ст. 6208.

14. Федеральный закон от 27.12.2018 № 522-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с развитием систем учета электрической энергии (мощности) в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8448.

15. Указ Президента РФ от 28.02.1995 № 221 (в ред. от 30.04.2016) «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» // СЗ РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 859.

16. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 20. – Ст. 2421.

17. Постановление Правительства РФ от 26.09.1997 № 1231 (ред. от 02.04.2002) «О поэтапном прекращении перекрестного субсидирования в электроэнергетике и доведении уровня тарифов на электрическую энергию для населения до фактической стоимости ее производства, передачи и распределения» // СЗ РФ. – 1997. – № 40. – Ст. 4597.

18. Постановление Правительства РФ от 11.07.2001 № 526 (в ред. от 10.03.2013) «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 3032.

19. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (в ред. от 28.04.2023) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил

недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // СЗ РФ. – 2004. – № 52 (ч. II). – Ст. 5525.

20. Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (в ред. от 29.03.2023) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» // СЗ РФ. – 2011. – № 14. – Ст. 1916.

21. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (в ред. от 28.04.2023) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // СЗ РФ. – 2011. – № 22. – Ст. 3168.

22. Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 (ред. от 06.02.2023) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» // СЗ РФ. – 2012. – № 4. – Ст. 504.

23. Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1179 (ред. от 20.05.2022) «Об определении и применении гарантирующими поставщиками нерегулируемых цен на электрическую энергию (мощность)» // СЗ РФ. – 2012. – № 4. – Ст. 505.

24. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (в ред. от 28.04.2023) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» // СЗ РФ. – 2012. – № 23. – Ст. 3008.

25. Постановление Правительства РФ от 26.12.2019 № 1857 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам

компенсации расходов на приобретение электрической энергии (мощности) в целях компенсации потерь электрической энергии собственникам или иным законным владельцам объектов электросетевого хозяйства, понесенных ими в связи с обеспечением перетока электрической энергии в энергопринимающие устройства потребителей электрической энергии» // СЗ РФ. – 2020. – № 1 (ч. I). – Ст. 52.

26. Постановление Правительства РФ от 19.06.2020 № 890 (в ред. от 30.12.2022) «О порядке предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности)» // СЗ РФ. – 2020. – № 26. – Ст. 4118.

27. Стратегия развития электросетевого комплекса Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 03.04.2013 № 511-р (ред. от 29.11.2017) // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1738.

28. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р // СЗ РФ. – 2020. – № 24. – Ст. 3847.

29. Постановление ГД ФС РФ от 06.04.2022 № 1103-8 ГД «Об информации Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации А. В. Новака «Об актуальных вопросах развития топливно-энергетического комплекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

30. Приказ ФАС России от 21.11.2017 № 1554/17 (ред. от 21.12.2020) «Об утверждении методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов» // СПС «КонсультантПлюс».

31. Приказ Минстроя России от 28.08.2020 № 485/пр «Об утверждении критериев наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного), коллективного (общедомового) приборов учета, а также формы акта обследования на предмет установления наличия (отсутствия) технической возможности установки таких приборов учета и порядка ее заполнения» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.09.2020.

32. ГОСТ 32144-2013. Межгосударственный стандарт. Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения (введен в действие приказом Росстандарта от 22.07.2013 № 400-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

33. ГОСТ Р 54073-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы электроснабжения самолетов и вертолетов. Общие требования и нормы качества электроэнергии (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 28.12.2017 № 2117-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

34. Проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам функционирования систем накопления электрической энергии в электроэнергетике» (по состоянию на 08.09.2020) (подготовлен Минэнерго России, ID проекта 01/01/09-20/00108117).

Зарубежные и международные нормативные правовые акты

35. Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch) // СПС «КонсультантПлюс».

36. Гражданский кодекс Франции (Code civil) // СПС «КонсультантПлюс».

37. Договор к Энергетической хартии и связанные с ним документов. URL: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf>

38. Европейская энергетическая хартия. Принята в Гааге 17.12.1991. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901762613>.

39. Закон об энергетике Федеративной Республики Германия (Gesetz über die Elektrizitäts- und Gasversorgung). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/.

40. Закон об энергетической политике Соединенных Штатов Америки (Energy Policy Act of 2005). URL: <https://www.congress.gov/109/plaws/publ58/PLAW-109publ58.pdf>.

41. Кодекс оказания коммунальных услуг штата Калифорния (California Public Utilities Code). URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PUC&division=1.&title=&part=1.&chapter=2.3.&article=12.
42. Кодекс Соединенных Штатов Америки (U.S. Code). URL: <https://uscode.house.gov>.
43. Международная энергетическая хартия, принятая в Гааге 20.05.2015. URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/IEC_RU.pdf.
44. Постановление об общих условиях энергоснабжения потребителей коммунальной услуги (Verordnung über Allgemeine Bedingungen für die Grundversorgung von Haushaltskunden und die Ersatzversorgung mit Elektrizität aus dem Niederspannungsnetz). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stromgvv/index.html#BJNR239110006BJNE001900000>.

Судебная и правоприменительная практика Российской Федерации

45. Постановление КС РФ от 27.03.2018 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с жалобой гражданки М. С. Колесниковой» // СЗ РФ. – 2018. – № 15 (ч. V). – Ст. 2237.
46. Постановление КС РФ от 25.04.2019 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг в связи с жалобой акционерного общества «Верхневолгоэлектромонтаж-НН» // СЗ РФ. – 2019. – № 18. – Ст. 2268.
47. Определение КС РФ от 02.11.2006 № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением

подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – № 2. – Ст. 407.

48. Определение КС РФ от 04.10.2012 № 1813-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса губернатора Красноярского края о проверке конституционности положений пунктов 2 и 3 статьи 23 Федерального закона «Об электроэнергетике» и постановлений Правительства Российской Федерации «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» и «О ценообразовании в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации» // Вестник КС РФ. – 2013. – № 2.

49. Определение КС РФ от 30.09.2019 № 2408-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Анисимова Валерия Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 539 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

50. Определение КС РФ от 26.03.2020 № 640-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чеботаевой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 455 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

51. Определение КС РФ от 29.10.2020 № 2500-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Сургутпромавтоматика» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 4 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

52. Определение КС РФ от 24.12.2020 № 2962-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Багинского Павла Мартыновича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 9 Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

53. Определение КС РФ от 28.09.2021 № 2090-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дюдькина Алексея Сергеевича на нарушение

его конституционных прав пунктами "д", "ж" части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью четвертой статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».

54. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов) (одобрено решением КС РФ от 17.12.2020) (раздел «Заключение») // СПС «КонсультантПлюс».

55. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 (в ред. от 04.03.2021) «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 8.

56. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 5.

57. Постановление Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень ВС РФ. – 2017. – № 1.

58. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень ВС РФ. – 2019. – № 2.

59. Постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Бюллетень ВС РФ. – 2020. – № 9.

60. Постановление Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень ВС РФ. – 2021. – № 5.

61. Постановление Пленума ВС РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (в ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. – 1996. – № 9; – 1997. – № 5.

62. Обзор судебной практики по спорам об оплате неучтенного потребления воды, тепловой и электрической энергии, поставленной по присоединенной сети, утвержденный Президиумом ВС РФ 22.12.2021 // Бюллетень ВС РФ. – 2022. – № 3.

63. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016), утвержденный Президиумом ВС РФ 19.10.2016 // Бюллетень ВС РФ. – 2017. – № 5, 6.

64. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016), утвержденный Президиумом ВС РФ 20.12.2016 // Бюллетень ВС РФ. – 2017. – № 10, 11.

65. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018), утвержденный Президиумом ВС РФ 26.12.2018 (ред. от. 01.06.2022) // Бюллетень ВС РФ. – 2019. – № 8.

66. Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утвержденный Президиумом ВС РФ 16.03.2016 // Бюллетень ВС РФ. – 2016. – № 9.

67. Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с установлением и применением цен (письмо ВАС РФ от 20.03.1995 № С1-7/ОП-159) // Вестник ВАС РФ. – 1995. – № 5.

68. Постановление ВС РФ от 21.05.2015 № 304-АД15-4508 по делу № А03-7692/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Определение ВС РФ от 26.09.2014 № 307-ЭС14-1071 по делу № А42-4236/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

70. Определение ВС РФ от 31.01.2018 № 305-КГ17-21671 по делу № А40-253955/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

71. Определение ВС РФ от 10.06.2019 № 304-ЭС19-8212 по делу № А27-13746/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

72. Определение ВС РФ от 22.11.2019 № 305-ЭС19-20796 по делу № А40-286018/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

73. Определение ВС РФ от 02.12.2019 № 309-ЭС19-20825 по делу № А47-5629/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
74. Определение ВС РФ от 17.04.2020 № 305-ЭС20-3682 по делу № А40-100559/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
75. Определение ВС РФ от 10.08.2020 № 305-ЭС20-10388 по делу № А40-219271/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
76. Определение ВС РФ от 12.08.2021 № 304-ЭС21-14573 по делу № А27-13705/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
77. Определение ВС РФ от 21.04.2022 № 304-ЭС22-4466 по делу № А03-9785/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
78. Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2022 № 305-ЭС22-8103 по делу № А40-45907/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
79. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.10.2018 № 305-ЭС18-10447 по делу № А40-100282/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
80. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.05.2007 № 1340/07 по делу № А63-3233/05-С3 // СПС «КонсультантПлюс».
81. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.11.2009 № 9548/09 по делу № А73-7174/2008 // СПС «КонсультантПлюс».
82. Решение ВАС РФ от 17.06.2013 № ВАС-1600/13 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 53 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утв. Постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442» // СПС «КонсультантПлюс».
83. Определение ВАС РФ от 24.04.2008 № 5128/08 по делу № А45-4723/07-1/146 // СПС «КонсультантПлюс».
84. Определение ВАС РФ от 15.07.2009 № ВАС-6032/09 по делу № А33-14447/2008 // СПС «КонсультантПлюс».
85. Определение ВАС РФ от 15.02.2010 № ВАС-1015/10 по делу № А32-1457/2009-9/34 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Определение ВАС РФ от 12.11.2010 № ВАС-14414/10 по делу № А15-2378/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
87. Определение ВАС РФ от 13.04.2011 № ВАС-3817/11 по делу № А78-2229/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
88. Определение ВАС РФ от 19.09.2011 № ВАС-11505/11 по делу № А10-2719/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
89. Определение ВАС РФ от 19.04.2013 № ВАС-4463/13 по делу № А32-42941/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
90. Определение ВАС РФ от 02.10.2013 № ВАС-13011/13 по делу № А58-2953/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
91. Определение ВАС РФ от 05.12.2013 № ВАС-16589/13 по делу № А45-25810/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
92. Определение ВАС РФ от 08.10.2013 № ВАС-13476/13 по делу № А36-5791/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
93. Определение ВАС РФ от 28.04.2014 № ВАС-3131/14 по делу № А42-5150/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
94. Определение ВАС РФ от 28.04.2014 № ВАС-1523/14 по делу № А42-5043/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
95. Определение ВАС РФ от 28.04.2014 № ВАС-2011/14 по делу № А42-5152/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
96. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2020 № 88-7743/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
97. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.06.2020 по делу № 88-8690/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
98. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2021 по делу № 88-343/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
99. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 по делу № 88-24708/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
100. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.12.2021 № 88-10170/2021, 2-487/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

101. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2018 № Ф05-10045/2019 по делу № А40-163599/2017. URL: <http://kad.arbitr.ru>.

102. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.08.2021 № Ф05-14798/2019 по делу № А40-100049/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

103. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2022 № Ф05-35395/2021 по делу № А40-45907/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

104. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.07.2020 № Ф07-6907/2020 по делу № А21-584/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

105. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.11.2020 № Ф08-8878/2020 по делу № А32-19641/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

106. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.05.2021 № Ф07-2554/2021 по делу № А66-11312/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

107. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.11.2021 № Ф08-11948/2021 по делу № А32-15714/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

108. Постановление ФАС Центрального округа от 24.04.2013 по делу № А36-5292/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

109. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.12.2018 № Ф10-5371/2018 по делу № А14-20991/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

110. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28.05.2019 № Ф10-1696/2019 по делу № А48-6814/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

111. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.08.2019 № Ф10-3525/2018 по делу № А14-3443/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

112. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.11.2020 № Ф10-4753/2020 по делу № А64-2600/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

113. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.06.2020 № Ф10-1839/2020 по делу № А08-6945/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

114. Постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 28.04.2018 № Ф06-31550/2018 по делу № А65-26496/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

115. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.04.2021 № Ф06-2244/2021 по делу № А55-28731/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

116. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 14.01.2010 по делу № А28-6289/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

117. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.10.2017 № Ф04-3638/2017 по делу № А27-23309/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

118. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.10.2020 № Ф04-4881/2020 по делу № А03-20520/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

119. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.12.2021 № Ф04-7121/2021 по делу № А03-18007/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

120. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.01.2017 № Ф02-7619/2016 по делу № А58-5809/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

121. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.10.2019 № Ф02-5194/2019 по делу № А78-4081/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

122. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27.03.2018 № Ф03-827/2018 по делу № А59-3533/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

123. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2021 № 07АП-9304/2021(1,2) по делу № А45-3290/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

124. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.12.2021 № 09АП-69582/2021 по делу № А40-70278/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

125. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.03.2019 № 09АП-4609/2019 по делу № А40-225909/18 // СПС «КонсультантПлюс».

126. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.11.2015 № 09АП-43664/2015-ГК по делу № А40-3315/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

127. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2019 № 09АП-43555/2019 по делу № А40-53151/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

128. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2021 № 19АП-1816/2021 по делу № А35-9409/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

129. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.12.2012 по делу № А40-121111/11-137-371 // СПС «КонсультантПлюс».

130. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 17.01.2012 по делу № А33-1210/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

131. Решение Арбитражного суда Пензенской области от 17.06.2011 по делу № А49-305/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

132. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 28.07.2015 по делу № 33-7100/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

133. Апелляционное определение Железнодорожного районного суда города Орла от 26.06.2020 по делу № 11-57/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

134. Апелляционное определение Тульского областного суда от 10.03.2021 по делу № 33-846/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

135. Апелляционное определение Тверского областного суда от 25.04.2019 по делу № 33-1825/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

136. Апелляционное определение Калужского областного суда от 18.10.2021 № 33-3309/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

137. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 19.08.2014 по делу № 11-7117/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

138. Решение Курского областного суда от 14.07.2020 по делу № 21-97/2020, 12-129/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

139. Решение Промышленновского районного суда Кемеровской области от 07.04.2021 по делу № 2-1/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

140. Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 14.11.2018 по делу № 2-1794/2018~М-1479/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

141. Решение Предгорного районного суда Ставропольского края от 04.12.2015 по делу № 2А-2039/2015~М-2418/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

142. Определение ФАС России от 02.04.2018 по делу № 4-14.31-201/00-21-18 // СПС «КонсультантПлюс».

143. Решение Кемеровского УФАС России от 19.03.2020 по делу № 042/01/10-1552/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

144. Постановление Калмыцкого УФАС России от 25.10.2017 по делу № 08-120-195/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

145. Решение Смоленского УФАС России от 27.07.2009 № 8544 // СПС «КонсультантПлюс».

146. Письмо ФАС России от 21.01.2016 № ВК/2842/16 «О рассмотрении обращений» // СПС «КонсультантПлюс».

147. Разъяснения ФАС России (Вопрос: Каким образом рассчитываются нерегулируемые цены для потребителей (за исключением населения и приравненных к ним групп потребителей)? // Официальный сайт ФАС России, 2020; СПС «КонсультантПлюс»).

Зарубежная судебная практика

148. *Elgin Airport Inn, Inc., v. Commonwealth Edison Co.*, 410 N.E.2d 620, 623–34 (Ill. App. Ct. 1980).

149. *Helvey v. Wabash Cty. REMC*, 278 N.E.2d 610 (Ind. App. 1972).

150. *Mancuso v. S. Cal. Edison Co.*, 232 Cal. App. 3d 88, 101 (1991).

151. *Monroe v. Savannah Elec. & Power Co.*, 471 S.E.2d 854, 855–56 (Ga. 1996).

152. *Otte v. Dayton Power & Light Co.*, 523 N.E.2d 838 (Ohio 1988).

Диссертационные исследования

153. Бальжиров, Б. В. Публичные договоры в сфере энергетики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Баир Вячеславович Бальжиров. – М., 2011.

154. Краснопольский, С. О. Правовое регулирование деятельности субъектов розничных рынков электрической энергии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Станислав Олегович Краснопольский. – СПб., 2010.

155. Нам, К. В. Основные направления развития института договорной ответственности в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Кирилл Вадимович Нам. – М., 1998.

156. Осипчук, Е. Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Екатерина Леонидовна Осипчук. – М., 2004.

157. Рецлов, С. О. Гражданско-правовое регулирование розничных рынков электрической энергии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Сергей Олегович Рецлов. – Ростов-н/Д., 2009.

158. Цибирова, И. Г. Договор энергоснабжения в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Инга Георгиевна Цибирова. – М., 2004.

159. Чваненко, Д. А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Дмитрий Анатольевич Чваненко. – М., 2021.

160. Шафир, А. М. Система хозяйственных договоров на снабжение электрической, тепловой энергиями и газом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Александр Моисеевич Шафир. – М., 1982.

161. Шувалов, И. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Игорь Иванович Шувалов. – М., 2021.

Монографии и научные труды

162. Абросимова, Е. А. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Е. Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. – М.: Юстицинформ, 2019.

163. Агарков, М. М. Подряд (текст и комментарий к ст. 220–235 Гражданского кодекса) / М. М. Агарков. – М., 1924.

164. Акимов, Л. Ю. Разрешительная система в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Л. Ю. Акимов, Л. В. Андриченко, Е. А. Артемьева и др.; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.

165. Актуальные проблемы энергетического права: учебник / под ред. В. В. Романовой. – М.: Юрист, 2015.

166. Алексеев, С. С. Гражданское право и современность: сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / С. С. Алексеев, Ф. О. Богатырев, Б. А. Булаевский и др.; под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: Статут, 2013. – 766 с.

167. Алексеев, С. С. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгалю. – М.: Статут, 2016.

168. Амангельды, А. А. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / А. А. Амангельды, О. А. Беляева, А. Н. Варламова и др.; отв. ред. А. В. Габов. – М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2016. – 384 с.

169. Андреев, В. К. Предпринимательское законодательство России: Научные очерки / В. К. Андреев. – М.: Статут, РАП, 2008.

170. Андреева, Т. К. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2008 год с комментариями / Т. К. Андреева, И. В. Антонов, В. В. Бациев и др.; под ред. А. А. Иванова. – М.: Статут, 2012. – 462 с.

171. Афанасьева, Е. Г. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан и др.; отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.

172. Аюшеева, И. З. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / И. З. Аюшеева, И. С. Богданова, Е. С. Болтанова и др.; отв. ред. В. В. Долинская. – М.: Проспект, 2018.

173. Байбак, В. В. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / В. В. Байбак, Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев и др.; под ред. Ю. К. Толстого. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013.

174. Байбак, В. В. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / В. В. Байбак, Е. Ю. Валявина, И. А. Дроздов и др.; отв. ред. Ю. К. Толстой, Н. Ю. Рассказова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2014.

175. Байбак, В. В. Договорное и обязательственное право (общая часть). Постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017.

176. Белицкая, А. В. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А. В. Белицкая, В. С. Белых, О. А. Беляева и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.

177. Белов В. А. Гражданское право: учебник для академического бакалавриата и магистратуры: в 4 т. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: в 2 кн. Книга 1. Формы отношений принадлежности вещей. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019.

178. Белов, В. А. Гражданское право: учебник для академического бакалавриата и магистратуры: в 4 т. Т. II. Общая часть: в 2 кн. Кн. 1. Лица, блага / В. А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019.

179. Беляева, О. А. Предпринимательское право: учебное пособие / О. А. Беляева; под ред. В. Б. Ляндреса. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006.

180. Бергнгефт, Ф. Гражданское право Германии / Ф. Бергнгефт, И. Колер. – СПб.: Сенатская типография, 1910.
181. Блинкова, Е. В. Гражданско-правовое регулирование снабжения товарами через присоединенную сеть: теоретико-методологические и практические проблемы единства и дифференциации: монография / Е. В. Блинкова. – М.: Юрист, 2005. – 322 с.
182. Брагинский, М. И. Договорное право. Договоры о передаче имущества: в 2 кн. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 4-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001, 2002.
183. Варламова, А. Н. Правовое обеспечение развития конкуренции: учебное пособие / А. Н. Варламова. – М.: Статут, 2010.
184. Вершинин, А. П. Энергетическое право: учебно-практической курс / А. П. Вершинин. – СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2007.
185. Витрянский, В. В., Кодификация российского частного права / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др.; под ред. Д. А. Медведева. – М.: Статут, 2019. – 492 с.
186. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ; пер. с фр. И.Б. Новицкого. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
187. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. А. Белова. – 2-е изд., стер. – М.: Юрайт, 2017.
188. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. А. Белова. – 2-е изд., стер. – М.: Юрайт, 2019.
189. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1, 2 / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019.
190. Гутников, О. В. Гражданское право: учебник / О. В. Гутников, А. С. Гутникова, С. Д. Радченко и др.; под ред. О. Н. Садикова. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006. – Т. 1.

191. Егорова, М. А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства: монография / М. А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2020.

192. Егорова, М. А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора / М. А. Егорова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2010.

193. Егорова, М. А. Правовые режимы антиконкурентных действий: монография / М. А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2021.

194. Ергин, Д. В поисках энергии: Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Д. Ергин; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2017.

195. Изотова, А. В. Государственное ценовое регулирование рынков электрической энергии и мощности: учебное пособие / А. В. Изотова, И. Н. Степаненко, М. С. Головка и др.; отв. ред. И. В. Редькин. – М.: АНО «Учебный центр НП «Совет рынка», 2013.

196. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1975.

197. Канцер, Ю. А. Ресурсоснабжение жилищно-коммунального хозяйства России: вопросы теории и практики: монография / Ю. А. Канцер; отв. ред. В. А. Вайпан. – М.: Юстицинформ, 2017.

198. Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М.: Статут, 2012.

199. Карапетов, А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве / А. Г. Карапетов. – М.: Статут, 2007.

200. Карапетов, А. Г. Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. – М.: Статут, 2016.

201. Комарова, В. В. Конституционные основы энергетического права: учебное пособие / В. В. Комарова, Н. Б. Пастухова, Г. Д. Садовникова и др.; под ред. В. В. Комаровой. – М.: КНОРУС, 2016.

202. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части второй / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – М., 2003.

203. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник: в 2 т. / под ред. В. Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017.
204. Конституция и модернизация законодательства: материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (г. Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / пред. ред. кол. Т. Я. Хабриева. – М.: ИЗиСП, 2020.
205. Конституция. Право. Четвертый энергопереход: сборник статей / отв. ред. Ж. И. Седова, А. А. Спиридонов, Д. В. Кравченко. – М.: ЛУМ, 2021.
206. Корнеев, С. М. Договор о снабжении электроэнергией между социалистическими организациями / С. М. Корнеев. – М., 1956.
207. Крашенинников, П. В. Жилищное право / П. В. Крашенинников. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020.
208. Курбанов, Р. А. Интеграционные процессы в энергетической сфере стран евроатлантического региона. Правовые аспекты: монография / Р. А. Курбанов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
209. Лахно, П. Г. Энергетическое право Российской Федерации: Становление и развитие / П. Г. Лахно. – М.: Изд-во Московского университета, 2014.
210. Лысенко, А. Н. Имущество в гражданском праве России / А. Н. Лысенко. – М.: Деловой двор, 2010. – 200 с.
211. Максименко П. Н. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации о вмешательстве в право частной собственности на объекты электросетевого хозяйства: недосказанное // Конституция и модернизация законодательства: материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (г. Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / пред. ред. кол. Т. Я. Хабриева. – М.: ИЗиСП, 2020. – С. 281–287.
212. Манджиев, А. Д. Свобода воли в договорных правоотношениях / А. Д. Манджиев. – М.: Статут, 2017.
213. Морандьер, Ж. Л. Гражданское право Франции / Ж. Л. Морандьер. – М., 1960.

214. Научные концепции развития российского законодательства: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. – М., 2015.
215. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права / К. П. Победоносцев. – М.: Статут, 2002.
216. Подшивалов, Т. П. Негаторный иск: проблемы теории и практики: монография / Т. П. Подшивалов. – М.: Инфотропик Медиа, 2019.
217. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М.: Статут, 2020.
218. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография, коллектив авторов / отв. ред. Е. П. Губин. – М.: Юстицинформ, 2019.
219. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – 2-е изд., пер. и доп. – М., 2011.
220. Саватье, Р. Теория обязательств / Р. Саватье; пер. с франц. – М.: Прогресс, 1972.
221. Салиева, Р. Н. Правовое регулирование хозяйственных (предпринимательских) отношений в топливно-энергетическом комплексе: учебное пособие / Р. Н. Салиева, З. М. Фаткудинов, Ю. Н. Чижиков. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.
222. Сарбаш, С. В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие / С. В. Сарбаш. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2020.
223. Свирков, С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография / С. А. Свирков. – М.: Инфотропик Медиа, 2019.
224. Свирков, С. А. Договорные обязательства в электроэнергетике / С. А. Свирков. – М.: Статут, 2006.
225. Свирков, С. А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография / С. А. Свирков. – М.: Статут, 2013.
226. Символоков, О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография / О. А. Символоков. – М.: Инфотропик Медиа. 2021.

227. Сеницын, С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы / С. А. Сеницын. – М.: Инфотропик Медиа, 2015.

228. Сеницын, С. А. Общие положения о вещном праве: сравнительно-правовое исследование: монография / С. А. Сеницын. – М., 2019.

229. Современная рыночная электроэнергетика Российской Федерации / под ред. О. Г. Баркина. 3-е изд. – М.: Перо, 2017.

230. Суханов, Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. М.: Статут, 2017.

231. Трунцевский, Ю. В. Договор энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии: научно-практическое пособие / Ю. В. Трунцевский, О. Ю. Ручкин, А. А. Шумов. – М.: Юрист, 2010.

232. Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / ред. кол.: В. М. Жуйков, О. В. Гутников, С. А. Сеницын, М. Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ИД «Юриспруденция», 2021.

233. Шафир, А. М. Рынок энергоресурсов и его правовое регулирование: монография / А. М. Шафир. – М.: Проспект, 2018.

234. Шевченко, Л. И. Договорные отношения в сфере энергетики: монография / Л. И. Шевченко. – М.: МГИМО-Университет, 2015.

235. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. 2: Товар; Торговые сделки / Г. Ф. Шершеневич. – 4-е изд. – СПб.: Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1908.

236. Шиловост, О. Ю. Спорные вопросы судебной практики по договорам энергоснабжения: монография / О. Ю. Шиловост. – М.: Норма, Инфра-М, 2012.

237. Энергетические рынки: проблемы и задачи правового регулирования: монография / под ред. В. В. Романовой. – М.: Юрист, 2018.

238. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П. Г. Лахно, Ф. Ю. Зеккера. – М.: Юрист, 2011.

239. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник / под ред. В. В. Романовой. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2015.

240. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права / Л. Эннекцерус. – М., 1950.

241. Яковлев, В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования / В. Ф. Яковлев. – М.: Статут, 2012. – 488 с.

Статьи в периодических изданиях

242. Абрамова, Е. Н. Энергетический ресурс: понятие, виды, система / Е. Н. Абрамова // Право и экономика. – 2020. – № 7. – С. 26–33.

243. Акимов, Л. Ю. О вещности электроэнергии / Л. Ю. Акимов, Г. А. Гаджиев // Предпринимательское право. – 2022. – № 3. – С. 3–12.

244. Бальжиров, Б. В. К вопросу о свободе договора в сфере электроэнергетики / Б. В. Бальжиров // Российская юстиция. – 2015. – № 12. – С. 9–12.

245. Белова, Е. Б. Энергия как самостоятельный объект прав / Е. Б. Белова // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 37–43.

246. Белых, С. В. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации / С. В. Белых // Конкурентное право. – 2022. – № 1. – С. 2–7.

247. Быков, А. Г. О проекте Энергетического кодекса Российской Федерации / А. Г. Быков // Энергетическое право. – 2013. – № 2. – С. 6–8.

248. Варламова, А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: рынок электроэнергии / А. Н. Варламова // Конкурентное право. – 2019. – № 2. – С. 9–13.

249. Варламова, А. Н. Правовые средства осуществления антимонопольного комплаенса / А. Н. Варламова // Конкурентное право. – 2019. – № 1. – С. 5–9.

250. Варламова, А. Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве / А. Н. Варламова // Конкурентное право. – 2020. – № 1. – С. 6–9.

251. Варламова, А. Н. Тарифное регулирование как специальная мера конкурентного права / А. Н. Варламова // Юрист. – 2017. – № 1. С. 35–40.
252. Вильданова, М. М. Обеспечение прав поставщиков и покупателей на биржевом рынке / М. М. Вильданова // Правовой энергетический форум. – 2016. – № 4. – С. 17–21.
253. Габов, А. В. Реализация принципа свободы договора при заключении договоров купли-продажи электрической энергии на розничных рынках электроэнергии / А. В. Габов, Л. И. Черкесова // Государство и право. – 2021. – № 7. – С. 135–150.
254. Гаджиев, Г. А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) / Г. А. Гаджиев // Вестник гражданского права. – 2017. – № 6. – С. 108–173.
255. Голомолзин, А. Н. Принципы и правила новой проконкурентной тарифной политики / А. Н. Голомолзин // Конкурентное право. – 2018. – № 3. – С. 12–15.
256. Гонгало, Б. М. Комплексность в праве / Б. М. Гонгало // Закон. – 2020. – № 6. – С. 73–83.
257. Grimm, D. D. К учению об объектах прав / Д. Д. Гримм // Вестник гражданского права. – 2007. – № 1.
258. Громов В. В. Проблемы внедрения антимонопольного комплаенса в электроэнергетике / В. В. Громов, А. Ю. Кинев // Предпринимательское право. – 2021. – № 2. – С. 9–13.
259. Гусева, А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения / А. А. Гусева // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. – С. 76–93.
260. Демиева, А. Г. Конкуренция как стимул осуществления предпринимательской деятельности: правовой аспект / А. Г. Демиева // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 61–68.
261. Дрягин, А. А. Защита слабой стороны от несправедливых и невыгодных условий в договорах / А. А. Дрягин // Предпринимательское право. – 2016. – № 2. – С. 53–60.

262. Егоров, А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака / А. В. Егоров // Вестник гражданского права. – 2019. – № 6. – С. 51–107.

263. Егорова, М. А. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав / М. А. Егорова, О. В. Кожевина // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 1. – С. 81–91.

264. Ем, В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству / В. С. Ем // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 12–45.

265. Зайченко, Н. Значение предмета договора энергоснабжения для правового регулирования обязательств в электроэнергетике / Н. Зайченко // Юрист. – 2008. – № 4.

266. Зеккер, Ф. Ю. Свобода посредством конкуренции. Конкуренция посредством регулирования. Реформа немецкого энергетического права в свете опыта энергетического права США (часть 2) / Ф. Ю. Зеккер // Энергетическое право. – 2006. – № 1.

267. Изотова, А. В. Особенности государственного регулирования цен (тарифов) в сфере электроэнергетики / А. В. Изотова // Правовой энергетический форум. – 2015. – № 4. – С. 12–20.

268. Илюшина, М. Н. Институт публичного договора в гражданском законодательстве: современное состояние / М. Н. Илюшина // Юстиция. – 2016. – № 1. – С. 20–27.

269. Клейн, Н. И. Принцип свободы договора и основания его ограничения в предпринимательской деятельности / Н. И. Клейн // Журнал российского права. – 2008. – № 1.

270. Корепанов, К. В. Юридическая природа права на электроэнергию / К. В. Корепанов // Вестник гражданского права. – 2015. – № 1.

271. Корнеев, С. М. Юридическая природа договора энергоснабжения / С. М. Корнеев // Закон. – 1995. – № 7.

272. Лукьянцева, И. А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав / И. А. Лукьянцева // Журнал российского права. – 2008. – № 3.

273. Максименко, П. Н. Антимонопольный контроль договорных отношений по энергоснабжению: соотношение доктринальных и нормативных установлений / П. Н. Максименко // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2022. – № 3. – С. 59–63.

274. Максименко, П. Н. Гарантийные обязательства по договору энергоснабжения в сфере электроэнергетики и ответственность за их нарушение / П. Н. Максименко // Право и экономика. – 2020. – № 7. – С. 45–51.

275. Максименко, П. Н. Гарантийные обязательства при снабжении коммунальной услугой по электроснабжению: экономико-правовой анализ / П. Н. Максименко // Право и экономика. – 2021. – № 4. – С. 39–45.

276. Максименко, П. Н. Правовые механизмы обеспечения технологического суверенитета в электроэнергетике в условиях санкционного давления / П. Н. Максименко // Правовой энергетический форум. – 2022. – № 4. – С. 39–47.

277. Максименко, П. Н. Публично-правовые ограничения договорных отношений по энергоснабжению: соразмерность частноправовым началам и влияние на отраслевые проблемы / П. Н. Максименко // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 39–42.

278. Максименко, П. Н. Трансформация правовых воззрений на перекрестное субсидирование в электроэнергетике: проблемы и перспективы / П. Н. Максименко // Правовой энергетический форум. – 2022. – № 2. – С. 54–58.

279. Матиящук, С. В. Выбор энергосбытовой организации на розничном рынке электрической энергии: правовые вопросы теории и практики / С. В. Матиящук // Правовой энергетический форум. – 2015. – № 2. – С. 11–15.

280. Матиящук, С. В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики / С. В. Матиящук // Журнал российского права. – 2008. – № 12.

281. Михайлов, В. С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности / В. С. Михайлов // Вестник гражданского права. – 2019. – № 4. – С. 82–144.

282. Мубарякова, Э. А. Перспективы развития биржевой торговли энергоресурсами в Российской Федерации: правовые аспекты / Э. А. Мубарякова // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2019. – № 4. – С. 36–41.

283. Орлов, А. М. Вопросы антимонопольного регулирования в рамках договора энергоснабжения / А. М. Орлов // Конкурентное право. – 2018. – № 4. – С. 27–29.

284. Пугина, О. А. Компромисс в энергетическом праве как средство обеспечения баланса публичных и частных интересов / О. А. Пугина // Современное право. – 2017. – № 8. – С. 50–59.

285. Радько, А. В. Особенности правового регулирования перекрестного субсидирования в топливно-энергетическом комплексе РФ / А. В. Радько, Е. М. Андреева // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 87–95.

286. Редькин, И. В. Анализ ключевых проблем государственного регулирования электроэнергетики по результатам завершения переходного периода реформы / И. В. Редькин // Энергетическое право. – 2013. – № 1. – С. 16–22.

287. Ручкина, Г. Ф. Качество электроэнергии: проблемы нормативного правового регулирования / Г. Ф. Ручкина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 12. – С. 44–52.

288. Садиков, О. Н. Гарантийные обязательства в гражданском праве / О. Н. Садиков // Хозяйство и право. – 2004. – № 9. – С. 33.

289. Салиева, Р. Н. Правовые средства укрепления платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов / Р. Н. Салиева // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 378–384.

290. Свирков, С. А. Правовая природа договоров, направленных на реализацию электроэнергии на оптовом рынке / С. А. Свирков // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 2. – С. 168–173.

291. Свирков, С. А. Реализационные договоры на розничных рынках электрической энергии / С. А. Свирков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 12. – С. 25–30.

292. Сейнароев, Б. М. Договор энергоснабжения / Б. М. Сейнароев // Вестник ВАС РФ. – 2000. – № 6.
293. Селиверстов, С. С. К вопросу о понятии энергетического права / С. С. Селиверстов // Энергетическое право. – 2008. – № 1.
294. Семенович, К. С. Государственное регулирование цен энергетических ресурсов / К. С. Семенович // Конкурентное право. – 2020. – № 1. – С. 31–34.
295. Символоков, О. А. Возможность льготирования цен на электрическую энергию: доктрина, законодательство и судебная практика / О. А. Символоков, П. Н. Максименко // Конкурентное право. – 2020. – № 4. – С. 21–25.
296. Символоков, О. А. Компаративный анализ конкуренции на розничных рынках электроэнергии через призму свободы договорных отношений: векторы правового развития / О. А. Символоков, П. Н. Максименко // Конкурентное право. – 2021. – № 4. – С. 8–12.
297. Символоков, О. А. Ответственность за нарушение договорных обязательств в сфере электроэнергетики / О. А. Символоков // Журнал российского права. – 2018. – № 5.
298. Символоков, О. А. Правовая квалификация расчетного способа определения объема газа в свете учения о неосновательном обогащении / О. А. Символоков // Гражданское право. – 2019. – № 5. – С. 42–45.
299. Символоков, О. А. Применение арбитражными судами антимонопольного законодательства по делам об антиконкурентных соглашениях / О. А. Символоков // Журнал российского права. – 2021. – № 11. – С. 133–149.
300. Символоков, О. А. Развитие договорных отношений в электроэнергетике / О. А. Символоков // Журнал российского права. – 2017. – № 10. – С. 49–60.
301. Символоков, О. А. Формирование гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации / О. А. Символоков // Гражданское право. – 2020. – № 4. – С. 7–10.

302. Сеницын, С. А. Суды как объекты недвижимости: особенности и просчеты российского законодательства / С. А. Сеницын // Гражданское право. – 2021. – № 5. – С. 8, 9.

303. Сеницын, С. А. Ценообразование перевозок пассажиров и багажа легковым такси / С. А. Сеницын, М. О. Дьяконова, П. Д. Багрянская // Предпринимательское право. – 2021. – № 4. – С. 44–51.

304. Тебенькова, С. А. Электрическая энергия как объект гражданских прав / С. А. Тебенькова // Юрист. – 2015. – № 3. – С. 21–25.

305. Тихомиров, Ю. А. Публично-правовые споры / Ю. А. Тихомиров // Право и экономика. – 1998. – № 6.

306. Токарев, В. Тарифы на электроэнергию: оспаривание в судах / В. Токарев // Жилищное право. – 2017. – № 7. – С. 57–68.

307. Хабриева, Т. Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 5–15.

308. Хорошева, Н. В. Публичный договор энергоснабжения: проблемы при заключении путем присоединения / Н. В. Хорошева // Гражданское право. – 2016. – № 3. – С. 17–20.

309. Шапсугова, М. Д. Проявления публичности публичного договора в российском праве / М. Д. Шапсугова // Гражданское право. – 2016. – № 3. – С. 3–5.

310. Шведкова, О. В. Энергия как объект договорных отношений: к вопросу о понятии и правовой природе / О. В. Шведкова // Журнал российского права. – 2016. – № 7. – С. 52–57.

Источники на иностранном языке

311. Berliner Kommentar zum Energierecht. Herausgegeben von Prof. Dr. Dr. Dr. h. c. Franz Jürgen Säcker. Band 1 Halbband 2.

312. Blass H. Das Rechtsgut der Elektrizität im Civil- und Strafrecht: Inaugural-Dissertation. Friedrich Schulthess, 1898

313. Crome. System des deutschen burgerl. Rechts. I.
314. Eisen J. B., Mormann F. Free Trade in Electric Power, 2018. Utah L. Rev. 49.
315. Electricity regulation in the United States: overview by Mark F Sundback, Bill Rappolt and Andrew P Mina, Sheppard Mullin LLP. URL: [https://content.next.westlaw.com/8-525-5799?__lrTS=20201130212309940&transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://content.next.westlaw.com/8-525-5799?__lrTS=20201130212309940&transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 19.10.2021).
316. EU Electricity Trade Law: The Legal Tools of Electricity Producers in the Internal Electricity Market. 2015.
317. Ferrey S. Unresolved judicial conflict and critical infrastructure, 3 Tex. Wesleyan L. Rev. 581.
318. Joshua C. Macey, Jackson Salovaara. Rate Regulation Redux. 168 University of Pennsylvania Law Review (2020).
319. Koby Bailey. Should Article 2 of the Uniform Commercial Code Apply to Energy Sales in a Deregulated Environment, 37 J. Marshall L. Rev. 281 (2003).
320. Korenke Th. Bürgerliches Recht: Eine systematische Darstellung der Grundlagen mit Fällen und Fragen. Oldenbourg, 2006.
321. Pfleghart A. Die Elektrizität als Rechtsobject. J.H.E. Heitz, 1901. S. 90. URL: https://archive.org/stream/dieelektrizitta00pflegoog/dieelektrizitta00pflegoog_djvu.txt.
322. Rudy J. L. Limitation of Liability Clauses in Public Utility Tariffs: Is the Rationale for State-Sponsored Indemnity Still Valid? 52 Buff. L. Rev. 1379 (2004).
323. Schwartz J. D. The use of the antitrust state cation doctrine in the deregulated electric utility industry // American University Law Review. V. 48. I. 6. A. 5. 1999.
324. William Boyd and Ann E. Carlson Accidents of Federalism: Ratemaking and Policy Innovation in Public Utility Law, 63 UCLA L. Rev. 810.

Интернет-ресурсы

325. Жанэ А. Д. Энергия – Вещь?! // Интернет-проект «Правовые аспекты энергоснабжения». С. 2. URL: https://zhane.ru/images/stories/_ld/0/21____.pdf.

326. Перекрестное субсидирование в электроэнергетике России. Международный бенчмаркинг. URL: <https://media.rspp.ru/document/1/6/f/6f85df90372a27141a9975005dff8d14.pdf>.
327. <https://www.nrel.gov/docs/fy18osti/68993.pdf>.
328. <https://competitiveenergy.org/consumer-tools/state-by-state-links>.
329. <https://iz.ru/1231792/2021-10-06/tceny-na-elektroenergiiu-v-evrope-dostigli-novykh-istoricheskikh-maksimumov>.
330. <https://meine.swm.de/iss/ui/#/va/tarifberater?kundengruppe=PRrVATKUNDE&verbrauc=3800&nebenzeit=0&plz=81377&sparte=STROM&zaehler=EINTARIF&r=1626215212086>.
331. <https://tass.ru/ekonomika/17431425>.
332. <https://www.bundesnetzagentur.de/DE/Sachgebiete/ElektrizitaetundGas/Verbraucher/Vertragsarten/start.html>.
333. <https://www.congress.gov/109/plaws/publ58/PLAW-109publ58.pdf>.
334. <https://www.eia.gov>.
335. <https://www.energymatters.com.au/misc/peer-to-peer-solar-energy-trading-guide>.
336. <https://www.engadget.com/2011-06-01-ubeam-wireless-power-startup-shows-prototype-at-d9-video-hands.html>.
337. <https://www.eon.de/de/pk/strom/tarifberater.html>.
338. <https://www.eprussia.ru/prensa/articles/4478235.htm>.
339. <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/selling-electricity-to-neighbours-technically-feasible-but-not-in-practice>.
340. <https://www.frankfurt-energy.de/en/products-services/energy-trading-platforms>.
341. <https://www.gexaenergy.com>.
342. <https://www.swm.de/dam/doc/strom/preise-strom-04-2019.pdf>.
343. <https://www.swm.de/geschaeftskunden/strom-gewerbekunden/stromtarife>.
344. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/09/13/886474-tseni-na-elektrichestvo-v-evrope-rezko-virosli-iz-za-prostoya-vetryakov>.

345. <https://www.weforum.org/agenda/2018/08/in-a-posh-bangkok-neighbourhood-residents-trade-energy-with-blockchain>.